

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»

В.Е. ЩЕРБИНА

КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ»
ВО ФРАЗЕОЛОГИИ
НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

МОНОГРАФИЯ

Рекомендовано к изданию Ученым советом
государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»

Оренбург 2008

УДК 803.0
ББК 81.2
Щ 64

Рецензенты
кандидат филологических наук, доцент С.И. Искаринова

Щ 64 **Щербина В.Е.**
**Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков:
монография / В.Е. Щербина. - Оренбург: ГОУ ОГУ, 2008. – 138 с.**

ISBN.....

В монографии исследуется репрезентация концепта «время» в немецком и русском языках, выявляется его национально-культурная специфика в немецкой и русской лингвокультурах. Автор, представляет концепт «время» как культурологически маркированный, выявляет экстралингвистические факторы, повлиявшие на формирование лингвокультурной картины мира в немецком и русском лингвокультурных сообществах. Монография ориентирована на специалистов, интересующихся проблемами когнитологии и этнолингвистики – преподавателей, аспирантов, студентов.

Щ 460202003

ББК 81.2

ISBN.....

©Щербина В.Е., 2008
© ГОУ ОГУ, 2008

Содержание

Введение.....	6
1 Проблема взаимосвязи языка и этнопсихологических особенностей мировосприятия и миропредставления.....	10
1.1 Проблема соотношения концептуального и языкового знания.....	10
1.1.1 Концептуальная и языковая картины мира.....	10
1.1.2 Концепт как структурирующий элемент картины мира.....	21
1.1.3 Концепт как культурно значимая единица.....	28
1.2 Концептуализация времени.....	35
1.2.1 Время в философии.....	35
1.2.2 Время в физике.....	38
1.2.3 Время в психологии. Опыт и сознание времени.....	41
1.2.4 Время в культуре.....	44
1.2.5 Время в повседневной жизни.....	48
1.2.6 Время в языке.....	52
2 Фразеологические исследования в контексте культуры.....	55
2.1 Современное состояние фразеологии.....	55
2.2 Задачи изучения фразеологии в контексте культуры.....	60
2.3 Категории универсального и культурно-национального во фразеологических фондах разных языков.....	65
2.4 Антропоцентрические основания фразеологических фрагментов языковой картины мира: ФЕ как средство характеристики языковой личности.....	72
3 Сопоставительный анализ концепта «время» во фразеологии немецкого и русского языков.....	76
3.1 Концепт «время» в русском и немецком языках: лингвокультурологической анализ.....	76
3.2 Фразеологический образ в языковой модели времени.....	80
3.2.1 Метафорический образ во фразеологизмах со значением «время».....	86
3.2.2 Выражение реального и ирреального времени во фразеологизмах	90
3.2.3 Визуальные и аудиальные образы во фразеологизмах со значением «время».....	100
3.3 Семантические особенности фразеологических единиц со значением «время» в немецком и русском языках как отражение культурологических различий соответствующих народов.....	106
3.3.1 Анализ фразеологизмов со значением «время», в состав которых входят лексеммы «время», «час».....	106
3.3.2 Анализ фразеологизмов со значением «время», в состав которых входят лексеммы «век», «день», «минута».....	112
Заключение.....	115
Список использованных источников.....	121
Приложение А	136

Введение

Последние два десятилетия характеризуются повышенным вниманием лингвистов к исследованию национально-культурной специфики языкового сознания представителей различных этносов. Интерес к данной проблеме обусловлен тем, что отображение в сознании человека явлений реальной действительности, воспринимаемых им в процессе деятельности и общения, фиксирует лишь наиболее существенные для данного этнического коллектива причинные, пространственные и временные связи явлений и предметов. Соответственно, образ мира, запечатленный сознанием и выраженный языковыми средствами, меняется от одной культуры к другой.

Отсюда следует, что исследование сознания человека, зафиксированного посредством языка, может помочь раскрыть особенности образа мира, присущего тому или иному этносу.

Интерес к выявлению национально-своеобразных черт различных языков вполне оправдан, так как язык считается «основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса» [171, с. 34].

Наиболее наглядно проблемы языка и этноса и связанные с ними проблемы языка и культуры, языка и народного менталитета и др. решались и решаются в рамках отрасли языкознания, получившей название этнолингвистики.

Уже в XVIII в. И.Г. Гердер, несколько позже, в XIX в. Вильгельм фон Гумбольдт и его многочисленные последователи рассматривали не только отражение народной культуры, психологии и мифологических представлений в языке, но и активное воздействие языка на формирование и функционирование народной культуры. В русской филологии их влияние отчетливо проявляется в работах Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни. Синтез истории языка с историей его носителей обнаруживается в исследованиях А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, Е.Ф. Будде, Н.Н. Дурново.

Сопоставление языка с другими языками выявляет, что языки и отраженные в них способы мышления обнаруживают как глубокие различия, так и явные сходства.

Сравнение (и, в частности, сравнение языков) всегда занимало важное место в познавательной деятельности человека, в связи с чем можно привести высказывание О.Н. Трубачева, который, говоря о присущности сравнительности природе человека, считает, что это качество уместно выразить как *Comparage humanum est*, а сам человек «без натяжки подошел бы под психолингвистическое определение *Homo comparans*, человек сравнивающий» [173, с. 12].

Языковые и культурные системы, как показывают исследования, в огромной степени отличаются друг от друга, но, по общепринятому мнению, существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура. В числе немногих понятий к подобным универсалиям относится и Время.

Актуальность работы определяется выбором концепта «время» в качестве объекта исследования. Во-первых, время обладает особым статусом в жизни человека. Осмысление времени означает осмысление не только бытия как такового, но и бытия человека. Проблема времени имеет важное мировоззренческое значение. Через призму его языковой репрезентации можно получить доступ к пониманию современного мировидения конкретного этноса. Во вторых, концепт «время» является межкультурной единицей, т. е. он воспринят разными культурами, несет в себе их следы, которые, отразившись в языке, предоставляют доступ к выявлению национально-культурных различий, а выявление национально-культурной специфики языковой репрезентации конкретных концептов способствует разрешению таких актуальных общенаучных задач как создание целостной концепции соотношения языка, мышления, внеязыковой действительности и национальной культуры. В-третьих, концепт «время» является глобальной категорией, что позволяет выявить соотношение долей национального и культурно-специфического. Указанные характеристики концепта «время» обуславливают многоаспектность исследования и определяют перспективность изучения данной ментальной структуры и его языковых репрезентаций в рамках междисциплинарного подхода, направленного на разрешение центральной задачи антропологической лингвистики: выявить, каким предстает современный человек в зеркале языка, который им создан, и которым он пользуется.

Концепт «Время» присутствует в наивной картине мира человека независимо от его национально-культурной принадлежности.

Н.Ю. Шведова называет *время* в числе 20 общих смысловых категорий (наряду с такими, как *одушевленность, действие, состояние, предмет, мера, место* и др.), которые формируют смысловой каркас языка и таким образом составляют наиболее абстрактный уровень языковой картины мира.

Наряду с пространством время является логически исходным параметром, конструирующим в каждой культуре свою особую модель мира.

По мнению Т.В. Топоровой, именно пространство и время организуют «пределы, в которых разворачивается человеческая жизнь и тем самым определяют все остальные категории - судьбу, право, социальное устройство» [172, с. 12].

А.Я. Гуревич подчеркивает, что категория «время» принадлежит наряду с категориями «пространство», «измерение», «причина», «судьба», «число» к определяющим категориям человеческого сознания. Эти универсальные понятия, по мнению автора, в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» - ту «сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [60, с. 84].

Время в качестве объекта изучения затрагивает интересы многих научных дисциплин: физики, математики, философии, социологии, биологии, психологии, культурологии и многих других.

Между тем то или иное осмысление категории времени, как и категории пространства, субстанции, действия и т.д., находило свое прямое или косвенное отражение в языке, в структуре предложения, в лексике и семантике.

В языковедческих исследованиях, посвященных анализу темпоральности, постоянно подчеркивается, что проблема отражения временных отношений в языке является одной из самых сложных.

Концепт «Время» труден уже сам по себе, - замечает Ю. С. Степанов, - да к тому же запутан различными точками зрения [151, с. 114].

Но с еще большими трудностями сталкиваются те, кто пытается изучать эту проблему в сопоставительном плане. Они вынуждены констатировать, что разные языки не просто по-разному выражают одно и то же время, но и создают разные конструкции самого времени, по-разному представляют его.

В разных этнических группах существуют различия в концептуальных системах. Они, по словам Дж. Лакоффа, обуславливаются физическим и культурным опытом носителей этих систем [104, с. 48].

Контрастивное описание темпоральной лексики, безусловно, позволяет выявить национальную специфику временных представлений и помогает лучше понять способы мировосприятия и его оценки разными этносами.

В монографии в сопоставительном аспекте рассмотрены модели времени, бытующие в русской и немецкой языковых картинах мира, а также представлено контрастивное описание концепта «Время» как глобальной ментальной единицы в ее национальном своеобразии.

Изучение языковых данных, отражающих лингвистическую репрезентацию концепта «Время» генетически не родственными языками, представляет богатый материал для сопоставительного анализа культурологических особенностей концептуализации темпоральных представлений русского и других языков.

Специфика исследования предполагает привлечение к анализу имеющегося языкового материала данных этнографического и культурологического характера, касающихся истории немецкого и русского народов, а потому работа имеет точки соприкосновения с этнолингвистикой, дисциплиной, которая, по мнению Н.И. Толстого, изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета и мифопоэтического творчества [171].

Монография состоит из трех глав.

В первой главе - «Проблема взаимосвязи языка и этнопсихологических особенностей мировосприятия и миропредставления» рассматривается специфика когнитивного подхода в исследовании языка и понятийный аппарат когнитивной лингвистики, включая проблемы взаимосвязи языковой и концептуальной картин мира, определения концепта как структурирующего элемента картины мира и как культурно значимой сущности, а также концепта «время» как единицы лингвовременной картины мира и отражения процессов концептуализации времени в различных науках. При этом мы ставим перед собой следующие задачи:

- в ходе выявления соотношения языковой и концептуальной картин мира, определения статуса концепта как культурно значимой единицы и выявления специфики взаимодействия языка и культуры мы делаем попытку дать теоретическое обоснование того, в чем проявляется двойственное воздействие явлений культуры и языка друг на друга. Теоретическое значение этих вопросов для нашего исследования определяется тем, что при сравнительном изучении фразеологических единиц со значением «время» нас будут интересовать как национально специфические особенности репрезентации концепта «время», так и воздействие культуры на язык, проявляющееся в неодинаковом разнообразии фразеологических репрезентаций концепта «время».

Во второй главе - «Особенности фразеологической системы языка в контексте культурологии» мы рассматриваем современное состояние фразеологии как науки, определяем задачи ее изучения в контексте культуры. Кроме того, мы исследуем категории универсального и культурно-национального во фразеологических фондах разных языков и делаем анализ антропоцентрических оснований фразеологических фрагментов языковой картины мира, а фразеологическую единицу определяем как средство характеристики языковой личности.

В третьей главе – «Сопоставительный анализ концепта «время» во фразеологии немецкого и русского языков» мы делаем лингвокультурологический анализ концепта «время» в русском и немецком языковом сознании, исследуем роль фразеологического образа в формировании языковой модели времени, а также метафоры как основы фразеологизмов со значением «время», выявляем особенности выражения реального и ирреального времени во фразеологизмах, основанных на слуховых и зрительных ассоциациях. Кроме того, мы делаем попытку классифицировать фразеологические единицы с временным значением и проанализировать их семантические особенности как отражение культурогических различий соответствующих народов.

1 Проблема взаимосвязи языка и этнопсихологических особенностей мировосприятия и миропредставления

1.1 Проблема соотношения концептуального и языкового знания

1.1.1 Концептуальная и языковая картины мира

Взаимосвязь и взаимозависимость языка народа и его национального сознания волнуют лингвистов на протяжении последних двух столетий. Этому были посвящены исследования В. Гумбольдта. Об этом размышляли в XIX столетии Ф.Ф. Фортунатов, Г. Шухардт, позднее А.А. Шахматов, К. Фосслер, А. Мартине, У. Вайнрайх, Ш. Балли, В. Матезиус, В.И. Абаев, Б.А. Серебренников и многие другие. В трудах этих ученых убедительно показано, как разные явления из истории народа запечатлеваются в его памяти и находят свое языковое закрепление. Язык становится живым свидетельством о народе.

Обсуждению проблемы «язык и народ» способствовала гипотеза Э. Сепира и Б. Уорфа о подверженности человека влиянию своего языка. Чем больше появлялось исследований национальных языков в связи с национальным сознанием, тем больше выяснялось, что воздействие языка на человека имеет вторичный и частный характер, а первичный характер имеет воздействие национального сознания, национальной картины мира на язык народа.

Однако механизм этого воздействия не сразу стал понятен ученым. В. Гумбольдт интуитивно уловил существование «внутренней формы» национального языка, существование «народного духа» [57, с. 43]. Но туманность этих категорий не давала сколько-нибудь прочной теоретической базы для лингвистических исследований. А.А. Потебня перевел обсуждение этой проблемы в рамки изучения связи между языком и мыслью. И все же понимание того, что связь между историей и культурой народа и его языком устанавливается в мышлении народа, пришло только после появления когнитивной лингвистики в последние десятилетия XX века. Именно когнитивная лингвистика ввела в научный обиход такие категории как *концепт*, *концептосфера*, *концептуализация*, *категоризация* и другие, с помощью которых стало возможным говорить о процессе усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков.

Возникновение когнитивной науки, у истоков которой стояли психолог Дж. Миллер и лингвист Н. Хомский, является крупнейшим событием в современной науке. Она устремлена на исследование когниции познания и разума во всех аспектах его существования. Когнитивная лингвистика возникла как принципиальная альтернатива генеративному подходу Хомского. Идея Хомского о том, что задача лингвистики – это изучение когнитивных способностей человека, не реализованная, однако, в практике его моделей, была развита впоследствии его учениками Дж. Лакоффом и Р. Джакендофом.

Интегрирующий термин «когнитивная наука» был введен, чтобы назвать так круг научных дисциплин, объединившихся для совместного изучения

процессов, связанных с получением, обработкой, хранением и использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека. В определении Е.С. Кубряковой, когнитивная наука – это «наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных или когнитивных процессов» [93, с. 34].

Развитие контрастивных исследований, активизация интереса к проблеме «язык и культура», расширение когнитивных, этнолингвистических наблюдений в современной науке о языке, исследования в области лингвокультурологии – все это привело к заметному повышению внимания исследователей к картине мира.

Термин "картина мира" появился в физике на рубеже 19-20-х веков. Применительно к физической картине мира он трактовался как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов [117]. Современное понимание этого термина вышло далеко за рамки узкоспециальной физической интерпретации. В настоящее время под картиной мира имеется в виду наиболее общее, интегральное восприятие мира в его целостности, совокупность знаний, формирующаяся при участии всех уровней и форм познания: теоретического и эмпирического, логического и чувственного, научного, философского, обыденного, религиозного и мифологического.

Научная картина мира определяется как «наглядный, характерный для определенной исторической эпохи интегральный образ мира, служащий важным средством синтеза конкретных знаний о мире» [76, с. 40], а также как система наиболее общих представлений о мире, вырабатываемых в науке и выражаемых с помощью фундаментальных понятий и принципов этой науки, из которых дедуктивно выводятся положения данной науки.

Научной картине мира противопоставляется наивная картина мира, конструируемая из обыденных понятий человеческого мышления. Как отмечает С.Д. Кацнельсон, «тривиальные понятия, составляющие содержание слов обыденной речи, отличаются от научных понятий некоторой расплывчатостью; их границы плохо очерчены, а лежащие в их основе квалификационные признаки и представления недостаточно точны, иногда даже ошибочны. Но, в принципе, они однородны с абстрактными понятиями науки и отличаются от них только «допуском», аппроксимацией, степенью приближения к действительности» [86, с. 10].

Наивная картина мира, сохраняя следы научных представлений о мире, как правило, отображается в языковых формах («...идея наивной картины мира состоит в следующем: в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка». «В способе мыслить воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка...» [5, с. 62]). Это дало основания именовать «наивную» картину мира языковой. Исследования наивной картины

мира в языке возводятся к учениям В. Гумбольдта, к неогумбольдтианству, к американской этнолингвистике, гипотезе лингвистической относительности Сепира и Уорфа, теории семантических полей.

Складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входят наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т.д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка и поэтому может быть специфичной для него в двух отношениях.

Во-первых, наивная картина мира некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для людей, говорящих на самых различных языках. Наивная психология, например, как об этом свидетельствуют значения сотен слов и выражений русского языка, выделяет сердце, или душу, как орган, где локализуются различные эмоции. Можно сомневаться, что это соответствует научным психологическим представлениям.

Во-вторых, наивные картины мира, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков, могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она описывается. С «русской» точки зрения диван имеет длину и ширину, а с «английской» - длину и глубину. По-немецки можно измерять ширину дома в окнах (*zehn Fenster breit* – шириной в десять окон), а в русской такой способ измерения, по меньшей мере, необычен, хотя и понятен [5].

Картина мира понимается как фундамент мировоззренческих представлений каждого человека, как исходный пункт всякого суждения об окружающей действительности. Целостный, интегральный характер картины мира четко прослеживается в определениях, которые дают этому понятию разные авторы. В трактовке Г.В. Колшанского, это "обобщенное представление человечества о сущности окружающего его мира на определенном этапе его развития" [80, с. 21]. По мнению В.И. Постоваловой, понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. По определению ученого, "картина мира есть целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека" [138, с. 19]. Картина мира – двуединый концептуально-языковой феномен, обе части которого взаимозависимы и взаимообусловлены, но обладают в то же время ярко выраженной спецификой.

В лингвистике под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании [137, с. 4].

Такой образ мира, как подчеркивают исследователи, возникает у человека в ходе всех его контактов с окружающей действительностью. Его формирование происходит, по словам В.И. Постоваловой, "в различных актах мироощущения, мирочувствия, мирозерцания, мировосприятия, мировидения, миропонимания, миропредставления, мирооценки, мироуяснения, в актах переживания мира как целостности, в актах

миродействия" [138, с. 20].

Вопрос о том, можно ли установить тождество между языковыми значениями и концептуальными единицами, представляется весьма сложным и не имеет на сегодняшний день однозначного ответа. Некоторые отечественные ученые, в частности Ю.Д. Апресян, придерживаются следующих положений: каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира; свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному; с другой стороны, этот способ «наивен», так как во многих существенных деталях отличается от научной картины мира [4, с. 36-67].

Как отмечает Г.А. Брутян, активность языка проявляется не только в том, что результат отражения внешнего мира фиксируется в языке, аккумулируется в нем и посредством его передается от поколения к поколению. Важно то, что результат отражения окружающей нас действительности преломляется через призму языка [25, с. 57]. Исследователи подчеркивают, что действительность получает свое представление в языке сугубо специфическим образом, и это служит основанием для деления картины мира на концептуальную (мыслительную) и языковую (лингвистическую). По мнению Г.А. Брутян, такое раздвоение картины мира является одним из способов достижения возможно более полного представления об окружающей действительности. Под языковой составляющей образа мира автором имеется в виду "вся информация о внешнем и внутреннем мире, закреплённая средствами живых, разговорных языков" [25, с. 108]. Необходимо отметить, что под языковым образом мира мы понимаем фиксацию элементов действительности в единицах словаря. Языковая картина мира, как более широкое понятие, предполагает, кроме того, осуществление наиболее общей категоризации мира в грамматической структуре языка.

Деление картины мира на две составляющие, тем не менее, не снимает определенной двойственности роли языка в формировании цельного образа бытия. Концептуальная и языковая картины мира не являются однопорядковыми сущностями. Первая является итогом всего процесса познания, конечным результатом мыслительной обработки информации об окружающем мире, формой объективного отражения действительности в идеальный мир человеческого сознания. Язык же, как справедливо отмечает Г.В. Колшанский [89, с. 17], не имеет непосредственного отношения к объективному миру и, следовательно, он не может сопоставляться с миром в такой же плоскости, в какой сопоставляются мышление и язык.

Не случайно период довербального приобретения опыта так недолг в человеческой жизни: язык ускоряет процесс познания и оптимизирует его во всех отношениях. Собственный опыт индивидуума тысячекратно обогащен и скорректирован благодаря языку коллективным опытом человечества [130, с. 122]. В современной когнитологии лингвистика занимает почетное место, так как знания, полученные познающим субъектом, могут быть объективированы, т. е. вербализированы и переданы адресату лишь с помощью языка. Как считает

У. Чейф, «... язык - до сих пор лучшее окно в знание, ведь мы все время используем язык, чтобы выразить его... Язык к тому же поддается анализу, и нам хочется думать, что он предлагает неплохую возможность анализировать знания» [207, с. 79].

Концептуальная картина мира существует в виде концептов, образующих концептосферу народа, языковая картина мира – в виде значений языковых знаков, образующих совокупное *семантическое пространство языка*. Язык является средством фиксации и выражения концептуальной картины мира. С другой стороны, процесс познания осуществляется при непосредственном участии языка, и есть все основания полагать, что язык оказывает определенное воздействие на направление этого процесса, а значит, и на его результат. Концептуальная картина мира в сознании личности системна и влияет на восприятие личностью окружающего мира [137, с. 5]. Национальная концептуальная картина мира представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа. В связи с этим национальная картина мира, с одной стороны – некоторая абстракция, с другой – когнитивно-психологическая реальность, обнаруживающаяся в мыслительной, познавательной деятельности народа, в его поведении – физическом и вербальном. Национальная картина мира обнаруживается в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах [14, с. 12-14]. Н.М. Лебедева считает, что наша собственная культура задает нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую «картину мира» [106, с. 21]. Таким образом, концептуальная картина мира – это совокупность концептов и стереотипов сознания, которые задаются культурой.

Концептуальная картина мира представляется как очень сложное, многокомпонентное образование, неоднородное с точки зрения форм освоения действительности, задействованных в ее создании. Каждая из составляющих обобщенной картины мира дает свое видение действительности, свой образ мира под углом зрения своих собственных механизмов восприятия. Хотя, строго говоря, число индивидуальных картин мира, очевидно, равно числу познающих субъектов, можно, по видимому говорить и о наличии общего для всех представителей этнокультурной общности концептуального представления о действительности. В этом случае концептуальная картина мира выступает как некоторое усредненное (для носителей определенного языка и культуры) представление о действительности мировоззренческого характера, формирующееся при участии всех уровней и форм познания, и в рамках которого можно условно выделить две составляющие. Во-первых, это логическая и универсально-аксиологическая ее часть, которую допустимо считать общей для всех субъектов познания в силу единства логических механизмов мышления, возможностей сенсорного восприятия и определенных ценностных установок, имеющих общечеловеческий характер. Во-вторых, это та специфически структурированная часть представления о мире, которая обусловлена воздействием отдельных культур и языков на категоризацию

действительности. Последняя, очевидно, может быть общей в пределах каких-то культурных и языковых ареалов (отдельные этнокультурные общности, а также их группы, объединенные определенным сходством культурных представлений).

В онтологическом рассмотрении когнитивной системы наиболее существенным является вопрос о соотношении концептуальной и языковой картин мира. Для их взаимодействия характерен дуализм: с одной стороны, язык представляет собой инструмент обработки мыслей и фиксации результатов мыслительной деятельности, с другой стороны, он сам является специфически отображенной формой существования концептуальной картины мира, осуществляя категоризацию действительности в своей грамматической структуре и единицах словаря. При этом языковая картина мира не исчерпывает всего содержания концептуальной в силу того, что последняя формируется, в том числе при посредстве невербальных типов мышления. Примечательно, что вопрос о соотношении концептуальной и языковой картины мира во многом пересекается, а иногда и отождествляется с рассмотрением взаимодействия языка и культуры.

Однако, со всей определенностью В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин подчеркивают, что языковая картина мира не равна концептуальной, последняя неизмеримо шире, поскольку названо в языке далеко не все содержание концептосферы, далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации. Поэтому судить о концептуальной картине мира можно лишь в ограниченном масштабе, постоянно имея в виду, что в языке названо только то, что имело или имеет сейчас для народа *коммуникативную значимость* – об этом народ говорил и говорит. Коммуникативная значимость языковой единицы, по-видимому, связана с *ценностью* выражаемого ею концепта для культуры народа [84, с. 77].

Языковая картина мира представляет собой лингвистическое отображение концептуального представления о реальности. Но, поскольку язык оказывает влияние на процесс и результат познания, он является одновременно и компонентом самой концептуальной картины мира. Мы можем утверждать это потому, что язык осуществляет (при посредстве мышления) свою собственную категоризацию мира с помощью своих специфических средств. Такая категоризация действительности является производной того уровня познания, который имел место в период создания языка. Следовательно, воздействие языка на процесс познания должно концентрироваться на тех формах освоения мира, которые были преобладающими в становлении языка.

Языковая картина мира есть воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности. Картина мира подразумевает целостное отражение, которое тем или иным способом воспроизводит положение, состояние предметов и явлений окружающего мира. Отражая мир в его бесконечном многообразии и целостности, подобно «изобразительному полотну», языковая картина мира указывает на свои составляющие, их положение, то есть связи по отношению друг к другу. Вслед за М.М. Маковским полагаем, что языковая картина мира вписана в языковую

модель мира. Языковая модель мира структурирует языковую картину мира и представляет ее схему [117, с. 43]. Выражение модели мира с помощью языка определяется им как лингвистическая модель мира. В соответствии с этим подходом язык как семиотическая система второго порядка репрезентирует модель мира, которая как знаковое образование второго порядка структурирует картину мира как глобальный, идеальный объект.

В лингвокультурологической концепции С.В. Ивановой термины «языковая картина мира» и «языковая модель мира» дифференцируются достаточно строго по ряду признаков, включающих первичность модели мира и вторичность языковой картины мира, объяснительную силу модели мира и описательную силу картины мира, абстрактный характер модели мира и конкретный характер его воплощения в языковой картине мира [80, с. 26 - 27].

3.3. Чаньшева предлагает несколько отличное от приведенных выше понимание языковой картины мира и модели мира. Модель мира она понимает как этнокультурную модель, отражающую то или иное понимание миропорядка и мироустройства, которая вырабатывается на протяжении многих поколений людей в ходе их общественно – практической деятельности, определяется типом мышления и может подвергаться коррекции под влиянием внешних и внутренних факторов. Языковая картина мира понимается как закреплённая в содержательной стороне языковых единиц, отображенная в сознании человека картина объективной действительности, которая формируется в процессе познания на базе и под влиянием конкретного национального языка. В основании языковой картины мира лежит та или иная этнокультурная модель мира, выработанная конкретным этносом и представляющая некую интерпретацию устройства окружающей действительности. В многовековой истории этносов интерпретация мира практически никогда не является единственно возможной и однородной, поскольку в ней могут уживаться результаты наивного, научного, мифологического и других типов осознания и осмысления мира. По мнению 3.3.Чаньшевой, роль этнокультурной модели мира может выполнять культурная модель мира, понимаемая как система образов, представлений, знаний, включая научные об устройстве мира и месте человека в нем [100, с. 209]. Кроме того, языковая картина мира складывается под влиянием других элементов и компонентов культурной картины мира, включающих первичные интуиции, национальные архетипы, образный строй, способы восприятия времени и пространства, вненаучные знания [там же]. Таким образом, этнокультурная модель мира отражает определенный способ видения мира и осознания бытия в нем человека и выступает в качестве модели мира, положенной в основу языковой картины мира. Следовательно, в языковой картине мира мы имеем образ образа, так как в культурной картине мира создается образ некоего предмета действительности как акт его осознания, а в языковой картине мира закрепляется этот окультуренный образ. Будучи окультуренным, этот образ включает ценностные ориентиры [188, с. 59].

Рассматривая соотношение языковой и концептуальной картин мира, ученые невольно сталкиваются с проблемой влияния языка на процесс

познания. Нельзя не отметить, что она издавна волновала лингвистов и философов. Попытки осмыслить активную формирующую роль языка относят к И. Гердеру и В. фон Гумбольдту. Так, согласно И. Гердеру, язык формирует, а, следовательно, в определенном смысле ограничивает мыслительный процесс. Мы мыслим при помощи языка, мышление на прямую связано с говорением. Поэтому каждый народ говорит так, как мыслит, и мыслит так, как он говорит. Еще более решительно идея активности языка, его влияния на формирование мыслительных структур была сформулирована В. фон Гумбольдтом, который видел в языке народа выражение национального духа, продукт деятельности этого идеального начала. По Гумбольдту, язык, находясь в неразрывном единстве с духом породившего его народа, поддерживает все интеллектуальные силы человека в живой деятельности. Выйдя из человеческого духа, язык приобретает способность воздействовать на него.

Развитие идеи языка как порождения духа народа нашло свое выражение в различных концепциях неогумбольдтианства и этнолингвистов, связывающих специфику национальных языков с соответствующими типами национального мышления. Язык при этом понимался как мысленный промежуточный мир, являющийся результатом взаимодействия мира вещей и мира познания. Таким образом, за языком была закреплена способность создавать свою собственную картину мира, обуславливающую различие во взглядах на мир разных народов. Свой вклад в теоретическую разработку проблемы внесли такие выдающиеся лингвисты, как Э. Кассирер, Л. Вайсгербер, Й. Трир, при этом нельзя не учитывать влияния взглядов таких ученых, как Ш. Балли, Л. Леви-Стросс, Ж. Пиаже, А. Соммерфельт и Л. Витгенштейн [221, с. 93].

Эмпирическая проверка теоретических посылок подобного рода была осуществлена американскими исследователями и ее результаты вылились в широко известную гипотезу Сепира-Уорфа. Эта гипотеза непосредственно связана с этнолингвистическими исследованиями американской антропологической школы. В основе принципа лингвистической относительности лежит положение, согласно которому язык рассматривается не просто как средство передачи опыта, но также, что считается более важным, - как способ формирования этого опыта для носителей языка [221, с. 93]. Грамматика любого языка, - утверждает Б.Л. Уорф, - это «не только воспроизводящий механизм для озвучивания мыслей, но скорее он сам формирует мысль, являясь программой и руководящим принципом для мыслительной деятельности индивида...» [там же]. Для обоснования своей гипотезы Б.Л. Уорф обращается, в частности, к способам выражения концепта «время» у различных народов. Исследователь приходит к выводу, что «понятие «время» не дано в практически одинаковой форме для всех людей, но зависит от природы языка или языков, при помощи которых это понятие было разработано» [221, с. 94].

Стремясь преодолеть радикальность выводов Сепира и Уорфа в оценке роли языкового знания в познании мира, сохраняя при этом смысловое ядро гипотезы, Г.А. Брутян выдвигает концепцию лингвистической дополненности. Содержа в себе определенным образом переосмысленный

принцип лингвистической относительности, эта концепция по своему определяет характер взаимодействия концептуальной и языковой картин мира. Говоря о языковой картине мира,- пишет Г.А. Брутян, - мы должны отличать два вида информации, составляющих эту картину: а) информацию, носителем которой является язык, но по генезису и содержанию - она логическая (это та часть картины мира, которая полностью покрывается логической моделью) и б) информацию, которая находится за пределами логической модели и которая по генезису и содержанию является сугубо языковой [162, с. 295]. Приоритетная роль при этом закрепляется за концептуальной картиной мира, которая образована постоянным и универсальным знанием, не зависящим от того, какой конкретный язык использует познающий субъект. Именно это знание, основанное на логическом моделировании действительности, по мнению исследователя, является основным источником картины мира. Между тем специфически языковое знание, находясь за пределами логического отображения действительности, выступает в роли дополнительного источника картины мира, своеобразного добавления к ее концептуальному содержанию. Таким образом, предоставляя дополнительное видение мира и варьируя от языка к языку, языковое знание будет обуславливать различия в миропонимании разных народов.

Язык является зеркалом окружающего мира, он отражает действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующимся данным языком как средством общения. Сравнение языка с зеркалом правомерно: в нем действительно отражается окружающий мир. За каждым словом стоит предмет или явление реального мира. Безусловно, в языке также находит отражение культура народа.

Как один из ключевых культурных концептов время является важной частью концептуальной системы. Однако такое объективное, общее для всех людей физическое ощущение как время в разных языках отражается по-разному. Зафиксированные в языке наивные представления человека о мире через призму временных ощущений отражают поэтому «как общие закономерности человеческого мышления, типичные ассоциации, так и специфику каждого языка, отделяющего его от общего и всеобщего» [44, с. 13]. Являясь сущностной характеристикой, соотносимой с морально-нравственной и эстетической оценкой, семиотической и ценностной картиной мира данной национальной культуры, время предстает одной из центральных категорий концептуальной и языковой картин мира, что позволяет говорить о временном восприятии, об этническом временном менталитете, временных универсалиях, и в целом о временной картине мира. От собственно временной картины мира отличается лингвовременная картина мира. Лингвовременная картина мира объединяет концептуальный и языковой уровни: языковая временная семантика является с одной стороны, «оболочкой» концепта «время», с другой – содержанием по отношению к вербальному уровню. Единицей лингвовременной картины мира является концепт «время». Одним из результатов вербализации концепта «время» являются фразеологические

единицы со значением «время». Временные представления в виде конкретных, ярких, чувственно-осязаемых зрительных и слуховых образов нашли отражение во внутренней форме фразеологизмов с временным значением.

Именно во фразеологических единицах, которые составляют так называемую фразеологическую картину мира, искусственно созданную народом в процессе творчества, культурные концепты находят наиболее яркое отражение. Именно фразеологизмы, являясь яркими, образно-эмоциональными, экспрессивными средствами языка способствуют созданию эстетически значимой языковой картины мира.

Понятие фразеологическая картина мира подразумевает часть языковой картины мира, описанной средствами фразеологии, в которой каждая фразеологическая единица является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности. Из этого следует, что фразеологическая картина мира – это один из универсальных способов классификации фразеологизмов, основаниями которой выступают как экстралингвистические, так и языковые их особенности [163, с. 76]. Рассмотрение фразеологической картины мира стало одним из важных событий в гуманитарных науках. Разработка фразеологической картины мира с учетом человеческого фактора становится «приоритетным направлением антропологической лингвистики, объединяющей данные социолингвистики, психолингвистики, этнолингвистики и призванной стать единой теорией языка и человека» [131, с. 69].

Фразеологическая картина мира выступает как совокупность знаний о мире, прежде всего, на уровне обыденного сознания, и поэтому представляет собой «наивную картину мира». В устойчивых оборотах языка закрепляются типичные фрагменты действительности: состояние, действие, качество, количество, ситуация и другие: *отложить в долгий ящик, дорога ложка к обеду, у семи нянь дитя без глаза, один в поле не воин, хороша дочь Аннушка, коли хвалят мать да бабушка* и т. д. Эти ситуации становятся стереотипами поведения людей, обусловленным культурно-национальным мировидением.

Поскольку возникновение фразеологизма в языке – это результат достаточно длительного языкового развития, то фразеологическая картина мира – это относительно стабильная часть языковой картины мира, пополняемая в процессе развития общества в незначительной мере. Ядро фразеологической картины мира составляют единицы наиболее древнего происхождения с утраченной или размытой внутренней формой и единицы с прозрачной внутренней формой.

В силу того, что объективный мир многообразен и необъятен в своем проявлении, его невозможно адекватно отразить языковыми средствами. В самом процессе наименования реалий и явлений объективной действительности наблюдаются весьма непростые соотношения между реальностью и языком ее фиксирующим. Во-первых, явление, качество, действие и т. д. могут быть названы только словом (стол, петь, читать). Во-вторых, понятие о реалии мира может быть названо одновременно словом и фразеологизмом (вкусный – пальчики оближешь, давно – при царе Горохе). В-третьих, в каждом языке

существуют слова, называющие вымышленные образы и понятия, которые возникают лишь в человеческом воображении (русалка, леший, судьба, время). И, наконец, в каждом языке имеют место фразеологизмы, образно описывающие целую ситуацию, которая может быть передана в языке с помощью не одного слова, а целого сочетания слов (ловить рыбу в мутной воде, чужими руками жар загребать).

Кроме того, в каждом конкретном языке фразеологизмы называют лишь отдельные, актуальные для человека и его жизнедеятельности фрагменты мира, концепты, причем, то, что актуально для одного народа, может быть неактуальным для другого. Например, относительно работы немцы говорят: *Arbeit ist beschwerlich, aber ehrlich; Arbeit bringt Ehr*, а русские спорят: *работа не волк, в лес не убежит; у бога много дней – нарабатываемся*. Поэтому фразеологическая картина мира, специфична для каждого конкретного языка, носит фрагментарный характер. Не каждый концепт окружающего мира получает выражение в языке в виде фразеологизма.

Фразеологическая картина мира характеризуется рядом отличительных признаков. Наиболее важным среди них является антропоцентризм, согласно которому центром языковой картины мира являются сам человек, познающий субъект, его воззрения на мир, и поэтому во фразеологической картине мира главным мерилем ценности реалий окружающей действительности является, прежде всего, человек – его тело, чувства, состояния, потребности и интересы.

Следующим ее признаком является экспрессивность. Особенностью так называемой фразеологической картины мира является ее свойство в наиболее яркой образной форме выражать дух народа, его менталитет, закреплять культурно-исторический опыт познания мира в виде образных устойчивых оборотов. Поэтому фразеологическая картина мира содержит не только рациональную, но и эмоциональную информацию о действительности.

Еще одним важным признаком фразеологической картины мира является универсальность. Сам факт существования фразеологии представляет собой лингвистическую универсалию: не существует языка, в составе которого не было бы фразеологических оборотов.

Универсальные свойства фразеологизмов проявляются как в их семантике, так и в их структуре. Во фразеологии любого языка получают выражения универсальные культурные концепты – концепты времени, пространства и другие. В нашем исследовании мы предприняли попытку выяснить, как концепт «время» отражен во фразеологических единицах немецкого и русского народов. Именно концепту, являющемуся основополагающим понятием когнитологии и составной частью любой картины мира, посвящен следующий пункт.

1.1.2 Концепт как структурирующий элемент картины мира

Вся познавательная деятельность человека (когниция) направлена на освоение окружающего мира, на развитие умения ориентироваться в окружающем мире на основе полученных знаний, что, в свою очередь, связано с необходимостью выделять и сравнивать (отождествлять и различать) объекты и события. Центральное место в когнитивной деятельности занимают процессы концептуализации и категоризации. И концептуализация, и категоризация представляют собой классификационную деятельность, но различаются по своему конечному результату и цели. Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, а процесс категоризации — на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории [66, с. 93].

«Концептуализация - это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов), например, концепт дома, времени, пространства, вечности, движения и т.д. Основная часть этих концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению» [22, с. 22].

Система знаний о мире состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции, сформированных различными способами. В то же время известно, что наши знания о мире хранятся в обобщенной категориальной форме. Н.Н. Болдырев поясняет суть категоризации на примере слова «дом» следующим образом: знания всех конкретных домов объединяются нашим сознанием в одну категорию «дом». Поскольку в памяти невозможно держать абсолютные характеристики каждого конкретного дома, слово «дом» обозначает не конкретный объект (иначе каждый конкретный дом мы должны были бы назвать отдельным словом и, что еще сложнее, хранить в памяти все эти названия), а целую категорию объектов, у которых может быть разное количество этажей, комнат, дверей, окон и т.д. Соответственно, чтобы назвать какой-либо объект домом, необходимо отнести к категории домов (признать его принадлежность именно к данной категории), т.е. категоризировать [22, с. 22].

Категоризация является одним из базовых понятий когнитивной лингвистики, которое раскрывает общие принципы познавательного процесса и формирования знаний. В основе формирования категорий лежат определенные структуры знания - когнитивные модели, концепты, фреймы - знания о том, какие элементы входят в состав или могут быть отнесены к данной категории, каковы их основные характеристики, как и какими отношениями они связаны с другими категориями, какие образцы являются типичными для этой категории, а какие - менее типичными и т.д. [72, с. 14]

Концептуализация в сфере когнитивной науки может рассматриваться как живой процесс порождения новых смыслов, и тогда в задачи когнитолога

начинают входить вопросы о том, как образуются новые концепты, как создание нового концепта ограничивается уже имеющимися концептами в концептуальной системе, как можно объяснить способность человека постоянно пополнять эту систему и т.п.

Концептуализация как процесс, заключающийся в осмыслении поступающей к человеку информации, приводит к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в психике человека.

Идея существования некой структуры, которая хранит определенное представление человека об окружающем мире, возникла достаточно давно. Еще в конце 20-х годов XX века в статье «Концепт и слово» С.А. Аскольдов обратил внимание на «весьма загадочную величину» - понятие, которое молниеносно высвечивается в разуме человека, является чем-то почти неуловимым в умственном кругозоре, неясным и одновременно приводящим к четким выводам. С.А. Аскольдов приходит к выводу, что такой «величиной» является концепт. «Концепт - есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [14, с. 5].

Слово «концепт» является калькой латинского *conceptus*, что означает буквально «понятие, зачатие». «Концепт» содержит, во-первых, общую идею явлений данного ряда в понимании определенной эпохи и, во-вторых, этимологические моменты, проливающие свет на то, каким образом общая идея «зачинается» во множестве конкретных, единичных явлений. В.А. Лукин, опираясь на данные латинско-русского словаря, подытоживает содержание латинского *conceptum* в виде общего значения «сформулированный (воображаемый) как собирающий, вбирающий в себя / содержание множества форм / и являющийся / их / началом («зародышем»)» [114, с. 63]. Концепты выявляют взаимодействие всех основных антропологических факторов: этнического, исторического, психологического, языкового и культурного. Соответственно каждая из наук формирует собственный взгляд на концепт.

Так, философия выделяет в концепте, прежде всего абстрагирующие, универсальные моменты и модели. В философском понимании концепт ближе всего к понятию. Социолог может рассуждать о концепте как о «системе устойчивых и переносимых диспозиций», «порождающих и организующих практики и представления...» индивидов и социальных групп (П. Бурдьё). Историк изучает философские, этнические, языковые концепты под своим углом зрения. В этнологии концепты представляют собой ключевые компоненты этнической картины мира, составляющие «адаптивную систему народа». Рассматривая концепты в контексте идей Л.Н. Гумилева, можно сказать, что в концептах воплощаются «стандарты поведения членов этнической системы» [59, с. 609]. Следовательно, с точки зрения этногенеза концепты можно рассматривать как сигналы наследственности, восходящие к традиции и связанные с адаптацией членов этноса к окружающему миру.

Концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования. Видимо поэтому этот термин до сих пор не получил в отечественной литературе однозначного толкования.

Н.Д. Арутюнова предлагает свое определение концепта, называя его «понятием практической (обыденной) философии, являющейся результатом взаимодействия нескольких факторов: национальной традиции, фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта, образов искусства, ощущений и системы ценностей» [10, с. 85].

По мнению Ю.С. Степанова, концепт – «явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемый в несколько иной системе связей; значение – в системе языка, концепт – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [153, с. 436].

В.Н. Телия представляет концепт как знание об означаемом во всех его связях и отношениях [160, с. 134]. Еще Гумбольдт рассматривал язык как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [57].

Первым современным автором, предложившим свою теорию на основе «антропоцентризма» Бенвениста и Гумбольдта и «антропологического подхода» Боас-Сепир-Уорфа, оказалась А. Вежбицкая, заявившая, что «мы концептуализируем мир не непосредственно, а через язык» [179, с. 46].

По мнению Р. М. Фрумкиной, А. Вежбицкая дает наиболее удачное определение концепта, трактуя его как объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность» [180, с. 3]. Однако данное определение представляется нам слишком общим по сравнению, например, с его трактовкой в работах Е.С. Кубряковой, которая считает концепт оперативной единицей нашего сознания. По ее мнению, этот термин является родовым по отношению к видовым его единицам типа зрительный образ, вербальный образ, знак. В иерархии единиц оперативного сознания он занимает наивысшее место и соотносится с термином «понятие», т. к. знания человека, закрепленные в понятийной форме, - это обработанные наукой концепты, которые получают дефиницию на данном уровне сознания. По образному выражению Е.С. Кубряковой, концепт - это фрагмент мира, схваченный когнитивной структурой, чаще всего выступающей в виде группы концептов, которые, в свою очередь, будучи подведенными под тело знака, выступают в роли значения слов [91-93].

Из современного понимания концепта следует, что он воспринимается как «базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл с употребляемым словом» [77, с. 36]. Так же как и понятие, концепт выполняет в человеческом сознании заместительную функцию. По определению Д.С. Лихачева, он представляет собой «мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, явлений, состояний разного рода, но воспринятых сознанием как предметы, явления и состояния одного порядка в силу определенных психологических, социальных, исторических и прочих факторов [110, с. 281]. При этом концепт, тем не менее, не отождествляется с понятием. В противоположность этому, по словам Ю.С. Степанова, трактующего концепт как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово [151, с. 40], в структуру концепта входит и то, что принадлежит строению понятия, и то, что делает его фактом культуры.

Такие зарубежные ученые, как Акмаjian, Demers, Harnish рассматривают концепт в качестве ментальной репрезентации, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются. Считается, что главная роль, которую играют концепты в мышлении, - это именно категоризация, позволяющая группировать объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы. Мы способны отделять от несущественных деталей те свойства, которые важны для мысли. Стабильность нашего повседневного «ментального» существования зависит от способности категоризовать или подвергать концептуализации различные предметы или явления [14, с. 16]. Исследование языка, считает У. Лабов, можно определить как исследование категорий, выражаемых в языке. «Главные усилия лингвистов направлены на выявление подобных категорий, их определение и построение правил, устанавливающих принадлежность языковых единиц к тем или иным категориям». Категории - это ментальные объекты, отражающие наши знания об онтологии, о сущности мира, доказательство того, что окружающий нас мир не хаотичен, а определенным образом структурирован. Концепты выступают исходным материалом для построения категорий [191, с. 18].

Концепты составляют основу для картины мира, которая является своеобразной сеткой, накладываемой на наше восприятие, на его оценку, влияющей на членение опыта, приобретенного вместе с усвоением языка и включающего не только огромный корпус единиц номинации, но и правила их образования и функционирования [92, с. 37]. Концепты участвуют в формировании фонда знаний индивида и передаче информации. Все потенции концептов языка образуют его концептосферу. Д.С. Лихачев пишет: «Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, - тем богаче концептосфера языка» [103, с. 78].

Понятие «концепт» обозначает «кванты» знания, которыми оперирует человек в процессе мышления, и включает в себя информацию об обозначаемом понятии во всех его связях и отношениях. Е.С. Кубрякова исходит из того, что концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику; они позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы [94, с. 90].

В ряду когнитивных дисциплин, включающих также психологию, логику, язык как объект исследования занимает одно из главных мест, т.к. именно с помощью языка происходит кодирование человеком информации о мире; с помощью языка отражается процесс познания, язык является основным средством выражения мысли. По словам Р.С. Джакендоффа, «изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления» [105].

Одной из логических форм мышления традиционно считалось понятие, предполагалось, что мышление понятиями и суждениями совершается по

законам логики. Однако в настоящее время принято считать, что понятие, трактуемое в строгом логическом плане, оказалось неприемлемым инструментом для лингвиста.

Переход языковедов от термина «понятие» к «концепту» является закономерным, т.к. оказалось невозможным подвести черту под объемом понятия. Под понятием имеется в виду образование, в котором обобщаются данные опыта; оно формируется в итоге разнообразных мыслительных операций. Е.К. Войшвилло рассматривает понятие как «результат обобщения предметов некоторого класса по совокупности общих и отличительных для них признаков». При когнитивном подходе традиционное оперирование понятиями как логическими категориями выходит за рамки современных исследований.

Языковеды в настоящее время почти не оперируют термином «понятие» в его классическом смысле и предпочитают говорить о мыслительных конструктах, именуемых концептами. Использование термина «концепт» связано с расширением предметной области семантики и ее взаимодействия с другими науками. При этом происходит сдвиг от трактовки смысла как абстрактной сущности к изучению концепта как ментальной сущности. В последние годы предметом интенсивных когнитивных исследований выступают такие слова-концепты как долг, честь, жить, время, пространство. Невозможно не признавать наличия подобных концептов в коллективном сознании, но носители языка не знают точных словарных дефиниций этих слов. Сущность этих слов расплывчата. Парадокс заключается в том, что, понимая разумом, люди затрудняются вербально эксплицировать значение [14, с. 10].

Вместе с тем вышеизложенные теоретические положения оставляют открытым важный вопрос о том, в каком виде представлены в мозгу человека сами концепты. Как нам представляется, убедительный ответ на него дает теория прототипов, которая является необходимым дополняющим звеном, отражающим наряду с концепциями фреймов и концептов, процесс категоризации окружающей действительности. В число основателей и сторонников теории прототипов входят такие важные представители когнитивной психологии и лингвистики, как Э. Рош, И. Филлмор, Дж. Лакофф, А. Вежбицкая, Х. Патнем и другие. Основу концепции образуют следующие положения:

1 Концептуальные представления человека об окружающем мире структурированы в его сознании в виде категорий. Эти категории, по утверждению А. Вежбицкой, могут быть идентифицированы посредством некоторого положительного образа, т.е. некоторого положительного стереотипа» [29, с. 101]. Такой образ можно частично описать с точки зрения присутствующих ему признаков, но сам он принципиально не сводится ни к какому набору признаков.

2 Важной особенностью категорий является то, что составляющие их единицы неравноправны между собой, одни компоненты имеют большие основания для включения в данную категорию, другие - меньшие. «Некоторые члены концептуального множества очень типичны, потому, что они имеют много общих признаков со многими другими членами. С другой стороны, некоторые

члены множества могут оказаться весьма нетипичными, если они имеют мало признаков с другими членами». При этом исследователи отмечают, что иногда ни один из таких признаков не является обязательным для отнесения объекта к соответствующему классу, но теория прототипов, тем не менее, предполагает, что они играют важную роль в нашем представлении о классе. По мнению Э. Рош, неравноправность членов категории имеет объективные (онтологические) основания, а их отражением является то, что отдельные члены категорий психологически более выделены, нежели другие [144, с. 48].

3 Такая неравноправность есть не что иное, как проявление внутренней структуры категории, состоящей из психологически наиболее выделенного центра, вокруг которого в сознании индивида группируются все остальные входящие в категорию единицы. Центры категорий Э. Рош обозначила термином «прототипы». В прототипах воплощены наиболее характерные признаки категории, причем таким образом, что в целом, как пишет Дж. Лакофф, «создается впечатление, что центральные члены категории используются для представления всей категории» [104, с. 33]. Именно центральные члены категории распознаются всегда быстрее, раньше запоминаются и чаще используются. Таким образом, теория прототипов стремится показать, что категоризация мира в сознании человека происходит не на уровне понятий, а на уровне прототипов, под которыми понимаются "культурно - обусловленные ассоциаты некоторой обобщенной категории" [14, с. 17].

По нашему мнению, структура представления знаний в сознании человека может быть отражена в системе определенным образом взаимодействующих прототипов, концептов и фреймов. При этом, как нам представляется, все эти форматы знания могут быть выстроены в виде иерархической структуры единиц, объединяемых в группы разной степени сложности. Наиболее конкретным и элементарным форматом из рассматриваемых нами являются прототипы, что дает возможность объединить их в первый уровень, уровень наиболее простых единиц когнитивной системы. Познавая действительность, человек формирует мысленный образ предметов, принадлежащих некоторой категории на основе опыта чувственного восприятия. Этот образ выступает в качестве прототипа, представляющего всю категорию в целом. Воспринимая с его помощью действительность, человек будет оценивать любой рассматриваемый член данной категории с точки зрения степени его близости к образцу, его «прототипичности» [66, с. 276].

Вместе с тем человеческое сознание, по-видимому, достаточно редко ограничивается одними только прототипами для представления объектов и явлений бытия. Прототипы ассоциируются, как правило, с достаточно простыми конкретными объектами, формирующими определенный образ в памяти человека. В то же время более сложные и абстрактные объекты, относящиеся к области социальной жизни, внутреннего мира человека, культуры в целом, требуют для своего представления более сложных единиц, а именно - концептов. Как мы полагаем, в целостной системе знаний индивида концепт существует как определенная совокупность, «кластер» прототипов.

Здесь мы основываемся на концепции когнитивных моделей Дж. Лакоффа, в рамках которой постулируется существование так называемых «экспериментальных кластеров». Под этим термином автор понимает множество пересекающихся моделей (прототипов), образующих «сложное соединение, которое психологически является в большей степени базисным («обычным»), чем сами модели [104, с. 27]. Так, говоря о понятии (концепте) «мать», Дж. Лакофф показывает, что оно содержит ряд пересекающихся моделей (прототипов), таких как биологическая модель, генетическая, брачная и т.д.

Кластер, таким образом, состоит из набора прототипов, каждый из которых отражает функционирование обозначаемого объекта в определенном контексте, а взятые вместе они формируют целостное представление об объекте, т.е. концепт. Одними из наиболее общих концептов являются суперконцепты, обозначаемые так называемыми "ключевыми словами", - по терминологии А. Вежбицкой это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры, такие как «судьба», «душа» и «тоска» в русской культуре [29, с. 282]. Как нам представляется, такие концепты могут включать в свою разветвленную структуру целые последовательности уровней, состоящих из связанных множеством совокупностей концептов различной степени сложности.

Разнообразие концептов еще раз подтверждает то, что концепт – явление разноуровневое, одновременно принадлежащее логической и интуитивной, индивидуальной и социальной, сознательной и бессознательной сферам. Понятно, что в описании подобных единиц невозможно избежать несоответствий между логическим статусом и их содержанием. Но именно слияние и сосуществование в концепте всех противоречий дает возможность исследовать его структуру. Концепт всегда представляет собой часть целого, несущую на себе отпечаток системы в целом. Известный специалист по системным исследованиям Э.Г. Юдин подчеркивает, что при исследовании объекта, являющегося элементом системы, этот элемент описывается не «как таковой», а с учетом его «места» в целом».

Наличие у концепта структуры признается и лингвистами-когнитологами, и учеными-культурологами, однако, вопрос о строевых элементах концепта находится в стадии разработки. З.Д. Попова и А.И. Стернин предлагают полевое описание структуры концепта - в терминах ядра и периферии. К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные, наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составляют периферию концепта. Авторы подчеркивают, что «периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления» [137, с. 60]. Условно можно представить полевую модель концепта следующим образом:

ядро — прототипический образ (он может быть как общенародный, так и групповой и индивидуальный);

базовые слои, обволакивающие ядро, в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным;

интерпретационное поле концепта, содержащее оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием [137, с. 64].

Для нашего исследования наибольший интерес представляет вопрос, каким образом вербализация концепта способствует выявлению национально-культурной специфики и как национально-культурная специфика влияет на вербализацию концепта. На этот вопрос мы попытаемся ответить в следующем пункте нашего исследования.

1.1.3 Концепт как культурно значимая единица

Соотношение языка, культуры и мышления - один из наиболее сложных вопросов как философии, так и языкознания. Мы не ставим своей задачей решить проблему первичности, вторичности этих феноменов, равно как и вывести единое, всеобъемлющее определение столь сложного понятия как культура, которое имеет в научной литературе более 500 определений. Мы, вслед за Т.З Тер-Минасовой, принимаем как данность существование несомненной тесной взаимосвязи языка и мышления и их соотношения с культурой и действительностью [163, с. 213], и выделим лишь некоторые взгляды, которые помогут дополнить и конкретизировать теории, на которые мы опираемся в интерпретации понятия «концепт», и выявить национально-культурную специфику как в характере информации об окружающей действительности, структурируемой концептом, так и в том, как он это делает.

Культура в различных своих проявлениях изучается целым комплексом наук – от философии, этики, эстетики, культурологии, социологии до семиотики и биологии. Каждая из них рассматривает культуру под углом зрения предмета и методов своего исследования. Но, несмотря на многообразие трактовок, однозначным остается то, что культура не существует вне деятельности человека и социальных общностей, ибо именно деятельность человека породила новую «сверхприродную» среду обитания – четвертую форму бытия – культуру [83, с. 94]. Напомним, что три формы бытия – это «природа – общество - человек». Отсюда вытекает, что культура – мир человеческой деятельности, т.е. мир артефактов (от латинского *arte* – искусственный и *factus* – сделанный), это преобразование человеком природы по законам общества. Эту искусственную среду А.Я. Гуревич назвал «второй природой» [61, с. 47]. Нормы культуры не наследуются генетически, а усваиваются через научение, поэтому овладение национальной культурой требует серьезных интеллектуальных и волевых усилий.

Общепринятым можно считать и разграничение двух форм культуры – материальной и духовной, хотя и между ними существуют постоянные взаимопереходы: предметы материальной культуры могут обретать, по словам В.Н. Телия, «духовную оснастку», а духовные артефакты воплощаться в материальную форму, ибо именно человек – мера всех вещей и поэтому он, по словам В.Н. Топорова, определяет «человекообразность вещи», а «когда вещь

приобретает и символическое значение... или употребляется прежде всего как символ (крест, венок, знамя, другие материализованные и включенные в парадигму знаки), мир вещей переключается к сфере духовного и человеческого как особый язык и симболярий» [172, с. 28 - 29].

По мнению Э.Сепира, слово «культура» употребляется в трех основных значениях или группах значений. В первом из них под культурой понимается передаваемый из поколения в поколение материальный и духовный элементы жизни человеческого общества. Во втором значении культура соотносится с общепринятым идеалом индивидуального совершенствования, основанного на усвоении определенного набора типичных и традиционных реакций. Наконец, в третьем, наиболее сложном и абстрактном значении культура определяется автором как термин, охватывающий то общее восприятие, взгляды на жизнь и специфические проявления цивилизации, благодаря которым тот или иной народ занимает свое собственное место в мире [229, с. 308-311].

Р. Кронер определяет культуру как творческую созидательную деятельность, направленную на преобразование природы и общества, результатом которой является пополнение материальных и духовных ценностей. Данное определение согласуется с принятым в когнитивной антропологии пониманием культуры как системы знаний, воплощенных в некоторые мыслительные категории, формы организации поведения и эмоций людей.

Таким образом, учитывая многоаспектность явления «культура» и когнитивную направленность данной работы, мы понимаем национальную культуру как национальное сознание, осуществляющее себя во всех сферах бытия народа, носителя этой культуры - в науке, экономике, политике, искусстве и религии и воплощенные в системе мыслительных категорий - концептов, составляющих формы организации поведения и эмоций представителей данного национально-культурного сообщества.

Концепт занимает в системе «культура» центральное место: это культурно значимая единица, отражающая национально-специфическую информацию. Он представляет собой микросистему, несущую на себе отпечаток целого [84, с. 3-16]. Высказывается предположение, «что концепт - микромодель культуры, а культура - микромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею».

Концепт – это вербализованный культурный смысл. Он является семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет в свою очередь двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого, в принципе, ничем не ограничена [161, с. 145]. Определяющим в понимании концепта выступает, по мнению Кассирера, представление о культуре как о «символической Вселенной», конкретные проявления которой в каком-то «интервале абстракции» обязательно этноспецифичны. Из этого следует, что ведущим отличительным признаком лингвоконцепта является его этнокультурная отмеченность. В то же время язык в лингвокультурологии – не только и не столько инструмент постижения культуры, он составная ее часть, «одна из ее ипостасей» [169, с. 98].

Собственно говоря, внимание к языковому «телу» концепта и отличает его культурологическое понимание от всех прочих: через свое «имя», совпадающее, как правило, с доминантой соответствующего синонимического ряда, лингвоконцепт включается в лексическую систему конкретного естественного языка, а его место в последней определяет контуры его «значимостной составляющей» [38, с. 24].

Среди выполняемых культурой многочисленных ролей ученые выделяют инструментальную, нормативную, сигнификативную, коммуникативную, этническую. Три последние функции культуры позволяют утверждать, что «факт культурной жизни образует концепт» [151, с. 42]. А «концепт — это ... то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [151, с. 40]. Культура - как субстанция, «пронизывает» человека, но «не следует вообразить себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела, - нет, это «пронизывание» более определенное и структурированное: оно существует в виде ментальных образований - концептов. Концепты - как бы сгустки культурной среды в сознании человека» [там же].

В культурологии предлагается следующая схема вхождения концепта в систему «культура»: Производитель (и концепты производства) ↔ Концепт как продукт ↔ Потребитель и концепты восприятия. Как видим, эта схема отражает наличие прямых и обратных связей в системе. Отсюда следует, что концепт всегда вовлечен в коммуникативную ситуацию, а потому он «динамичен, нестабилен, текуч». Лишь в диалоге, благодаря действию прямых и обратных связей в системе «культура», концепт становится «генератором смыслов». Концепты, рассматриваемые в контексте культуры, представляют собой: 1) знаки; 2) смыслы, заключающие в себе не столько обозначение денотатов, сколько их имена, значимые для процессов коммуникации. «Концепты — своего рода «сценарии культуры, в которых слово и жест, речь и невербальное поведение ... соединяются в неразрывное целое». На основании этого концепт «время» можно тоже представить как определенный сценарий культуры, где как единое целое представлено отношение носителей языка к этой общечеловеческой категории: их пунктуальность, рациональное использование времени или бесцельное его прохождение.

Задаваясь вопросом о том, в какой мере концепты существуют для людей данной культуры, Ю.С. Степанов формулирует исходную гипотезу, которая, по сути, созвучна идеям о ближайшем и дальнейшем значении (по А.А. Потебне), о концепте-минимум и концепте-максимум (по А. Вежбицкой), о ядре, периферии и интерпретационном поле концепта (А. И. Стернин, З.Д. Попова): «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» [151, с. 44-45]. Ю.С. Степанов выделяет три слоя в структуре концепта: 1) актуальный слой; 2) дополнительный, пассивный слой; 3) этимологический слой.

В актуальном слое концепт существует как средство коммуникации для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры). Именно этот слой включает концепт в структуры общения и в мыслительные категоризации, связанные с коммуникацией. В дополнительном слое содержатся так

называемые «пассивные» компоненты содержания концепта, которые актуальны лишь для некоторых групп носителей языка.

Говоря о концептах как об элементах культуры, Ю.С. Степанов считает, что необходимо учитывать и диахронный аспект. Третий «слой» концепта — его этимология - открывается «лишь исследователям и исследователями». Но это не значит, что для рядовых носителей языка этот слой содержания концепта вообще не существует. «Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значения» [151, с. 45].

Эта часть концепта оказывается самой объемной, многомерной; чтобы реконструировать ее, необходимо исследовать 1) исторический слой, 2) ментальную схему, в виде которой существует концепт в сознании носителя языка, 3) мотивированность именованного концепта в языке культуры.

Исторический слой концепта содержит информацию о внеязыковых факторах: о духовных, социальных, бытовых стимулах формирования концепта. Эта информация отражает национально-культурные предпосылки возникновения, развития и трансформации концепта в культурном континууме.

Ментальная схема отражает коллективное представление об артефакте, формирующем концепт. Ю.С. Степанов выделяет концепты с «плотным ядром» и «рамочные» концепты (ср. «фреймы»), причем к последнему типу, как правило, относятся концепты, сформировавшиеся на базе того или иного общественного явления [151, с. 70].

Мотивированность именованного концепта может быть выявлена во взаимосвязи с культурой и содержанием когнитивного пространства данного языкового коллектива. Для выявления мотивированности именованного конкретного концепта данной языковой единицей необходимо провести семантический анализ, т.е. подвергнуть анализу толкования основной репрезентации концепта в различных толковых словарях; к словарным материалам могут быть добавлены примеры из разнообразных текстов, которые позволяют иногда скорректировать словарные толкования основной репрезентации, являющейся именем концепта; проводится диахронный анализ с привлечением этимологических данных, сведений о развитии и становлении значения «ключевой» языковой единицы. В дополнение к этому, анализируется синонимический ряд основной языковой репрезентации концепта, что позволяет установить и акцентировать дифференциальные признаки концепта, выявляющиеся в сопоставлении основной репрезентации с близкими по значению словами.

Разработанный Ю.С. Степановым метод структурного исследования концепта, учитывающий как синхронный, так и диахронный аспекты, служит надежной методологической базой для исследования стадий формирования культурно-значимых концептов, вследствие чего данный метод снискал множество последователей, по-своему интерпретирующих и прилагающих его к исследуемым концептам. Так, Г.В. Токарев выделяет следующие слои в структуре концепта: универсальный, национальный, групповой и/или личностный [165, с. 17].

Данная классификация слоев концепта, допускающая наличие в структуре концепта как универсальной, «наднациональной», так и национально-специфической долей представляется нам оправданной по следующим причинам. В универсальный слой концепта входят кванты знаний, общие для всего человечества. Интенсивные культурные связи и контакты, возникающие в процессе экономического, политического и научного сотрудничества нескольких стран, приводят к «некоей унификации окружающей действительности» и, как следствие, к почти одновременному появлению в нескольких культурах «интернационального» понятия, на базе которого формируются концепты со «следами» определенной культуры. «Интернационализмами для какого-либо языка могут быть лексические и фразеологические единицы этого же языка, если культура, обслуживаемая этим языком, создала такие ментальные конструкты и институты, которые перенимаются другими культурами». Наряду с «интернациональными» понятиями всегда существуют национально-специфические, в которых отражается все своеобразие мировидения и миропонимания народа.

Поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, сознание человека всегда национально обусловлено [107, с. 20]. Этносоциокультурный фактор выявляется, в частности, в национально-этнических особенностях способа формирования мысли.

С.В. Иванова рассматривает понятие концепта в связи с культурологическим аспектом языковых единиц и выделяет две его ипостаси. Понимание концепта как ментальной сущности отражает природу данного образования, соотношенного с отражением в человеческом опыте информационных структур. С другой стороны, концепт является частью культурного фона данного социума. В концепте отражено то, каким образом общество освоило данную лексическую единицу, как преломило окружающую действительность, какие стороны концепта высветило, какое наполнение внесло в лексическую единицу в соответствии с культурой в широком смысле данного национально-культурного сообщества [81, с. 64-65].

Как уже подчеркивалось, концепт, по мнению А. Вежбицкой и Р.М. Фрумкиной, - это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно обусловленное представление человека о мире «Действительность» [179, с. 90]. Будучи единицей коммуникации, концепт возникает в диалоге, между «стимулом» и «реакцией», порождая все новые «неготовые» и «текущие» смысловые образования.

Связь языка и культуры является постулатом в современной науке. Общеизвестно, что язык и культура теснейшим, неразрывным образом связаны между собой, из существования одного с необходимостью следует существование другого. "Отношение языка к культуре, - утверждает У. Гудену, - есть отношение части к целому. Теория и методы, применимые для одного явления, должны находить применение и для другого" [217, с. 37]. По мнению Е.Ф. Тарасова, язык и культура связаны на основе их онтологической общности [156, с. 47]. Как утверждает Н.И. Толстой, "коррелятивные связи

языка и культуры многообразны, устойчивы и крепки [166, с. 402]. По словам В.В. Воробьева "язык, с одной стороны, и духовная, и материальная культура, с другой - оказываются соотносительными и неразрывно связанными. При этом первый является национальной формой выражения и воплощения второй" [39, с. 23]. В определении В.А. Масловой "язык - составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры" [123, с. 37].

К разряду аксиоматических положений относится также то, что язык и культура оказывают взаимное воздействие друг на друга, образуя сложную двухкомпонентную диалектическую систему. С одной стороны, язык подвержен влиянию культуры в силу того, что он является ее основным орудием, важнейшим средством ее отражения, фиксации и трансляции. Будучи динамическим образованием, культура, развиваясь, стремится отразить в языке различные изменения, происходящие в социальной среде обитания и общественном сознании. С другой стороны, язык, как известно, выступает как необходимая предпосылка самого формирования культуры и в определенной степени оказывает влияние на ее последующее развитие. Благодаря свойству внутренней устойчивости языка отраженная в нем система концептуализации мира служит своеобразным ориентиром, стабилизирующим направленность культурного развития. Тем самым язык в какой-то мере играет роль ограничивающего фактора по отношению к культуре, поскольку он стремится к сокращению "степеней свободы" ее поступательного движения. «То, что культура «включена» в язык — факт неоспоримый: язык как средство коммуникации вбирает в значения (номинативных единиц в форме энциклопедического, концептуально-эпистемического содержания знака или ассоциаций с акциональными или ментальными фреймами) все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение» [160, с. 84-85]. «Каждое слово, каждое языковое выражение имеет культурное измерение ... Говорящие на одном языке используют не только один и тот же словарный запас и языковые структуры, они разделяют единое восприятие окружающего мира, репрезентируемое словами и языковыми структурами» [221, с. 554]. Очевидно, что лингвистическое описание концепта не возможно без учета культурного аспекта.

Еще Л.В. Щерба указывал на то, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой единство с точки зрения культуры... Более того, известно, что слова разных языков, даже для более или менее тождественных понятий, часто бывают различны по своим вторичным ассоциациям... Даже самые простые слова могут, обозначая один и тот же предмет, быть различными только потому, что они принадлежат к разным языкам, один из которых менее привычен, чем другой».

Национально-культурная специфика именованных концептов вскрывается в явлениях, принадлежащих одновременно и языку и культуре. Как установлено, этноспецифичность — совокупность приемов семантического

представления плана содержания лексических единиц (языковая концептуализация) – в различных культурах различна, однако одной лишь специфики способа представления семантики имени концептуализуемого смысла для квалификации его как лингвоконцепта, очевидно, недостаточно: языковые и культурные особенности здесь в значительной мере случайны и не отражают национально-культурного своеобразия семантики, и далеко не все различия во внутренней форме отдельных лексических единиц должны осмысливаться как концептологически значимые. Этноспецифичность, в первую очередь, усматривается в культурно значимой стереотипизации моделей мировосприятия и поведенческих реакций, отраженных в семантике этого имени [160, с. 76]. В качестве этноспецифичного может также приниматься признак, положенный в основу номинации – внутренняя форма имени.

Национально-культурная специфика концепта, по словам Н.Д. Арутюновой, обусловлена тем, что концепт принадлежит области практической (обыденной) философии и является результатом взаимодействия культурологических факторов, к которым относятся национальная традиция, фольклор, религия, идеология, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [9, с. 65]. Концепт, являясь ментальной сущностью, входит в когнитивную базу носителей языка и в этом смысле соотносится с фреймом, сценарием. Понимание концепта как ментальной сущности отражает природу данного образования, соотнесенного с отражением в человеческом опыте информационных структур. С другой стороны, концепт является частью культурного фона данного лингвокультурного сообщества.

Национальная специфика культурного концепта проявляется в нескольких возможных аспектах. Два из них выделены З.Д. Поповой и И.А. Стерниным: национальные различия в содержании близких концептов и наличие несовпадающих, сугубо национальных концептов [137, с. 17]. Может различаться номенклатура концептов вследствие различных условий жизни и деятельности лингвокультурного сообщества. Кроме этого, необходимо добавить, что национальная специфика концепта может быть обусловлена различной степенью концептуализации, что выражается в «концептуальной истории» языковой единицы.

Предложенный в данной работе когнитивный обзор особенностей немецких и русских фразеологизмов позволяет предположить, что когнитивный подход к исследованию фразеологизмов со значением «время» в немецком и русском языках, реализующего существенные особенности немецкой и русской картин мира, способен не только помочь точнее постичь содержательные глубины языка и в итоге адекватнее изучить его, но также глубже и тоньше познать окружающую действительность, так как «язык ничего не придумывает, а выражает глубинные смыслы бытия» [30, с. 42].

1.2 Концептуализация времени

1.2.1 Время в философии

В науке неслучайно важное место занимает проблема времени. Над вопросом «что есть время?» размышляли на протяжении веков, пытались понять его, выделить и осмыслить свойства. Интерес к данной теме объясняется рядом причин. Прежде всего, время относится к числу важнейших категорий – понятий предельно общих, фундаментальных, отражающих самые существенные связи и отношения действительности и познания. Вспомним утверждение Фалеса Милетского: «Мудрее всего время, ибо оно раскрывает всё».

Во-вторых, время обладает особым статусом в жизни человека. Осмысление времени означает не столько осмысление бытия как такового, но и бытия человека. Проблема времени имеет важное мировоззренческое значение.

В-третьих, интерес ко времени резко возрастает в переломные для истории человечества эпохи. Наша эпоха, вне сомнения, является таковой.

В-четвертых. В настоящее время, с одной стороны, все острее встает проблема сохранения традиций, с другой, все острее нужна в прогнозе: каким окажется XXI век? Сейчас масштабы пристального внимания сразу и к прошлому и к будущему беспрецедентны, отсюда интерес к самому времени.

Далее, с каждым годом все возрастает поток информации, увеличивающаяся «плотность» событий «торопит» нас, невольно заставляя задуматься, что представляет собой время?

Наконец – вероятно, это главное – отношение людей ко времени всегда будет оставаться по-особому эмоциональным, страстным и даже пристальным, поскольку это единственное, чему подвластна наша жизнь. Человек всегда ощущал временность своего существования на земле, даже когда верил в бессмертие души.

В современной философии возникновение категории времени принято связывать с восприятием «смены событий» (у человека труд сменяется отдыхом, чувство голода – чувством насыщения, бодрствование – сном и т.д.), их круговорота (смена дня и ночи и наоборот, смена зимы летом и наоборот и т.д.). То, что Гераклит обобщенно выразил в форме афоризма «Все течет», человек непосредственно наблюдал и осознавал. Так возникло представление о длительности [124, с. 185].

В понимании времени в истории философской науки можно выделить две противоположные точки зрения. По одной из них, которой придерживался, например, Платон, время не зависит от реальных процессов, а является абсолютной реальностью, которая упорядочивает Вселенную и не зависит ни от материи, ни от пространства. И. Ньютон считал, что абсолютное время «само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью» [132, с. 30].

Другая точка зрения, сторонником которой был Аристотель, сводилась к тому, что время связывалось с реальным движением, структурой реальных процессов и вне этих процессов не существует. Концепция абсолютного

времени была опровергнута лишь теорией относительности А. Эйнштейна. В ходе дальнейшего развития научной мысли было принято, что основными моментами времени являются *мгновение* и *длительность*. Под мгновением понимается «чистое когда», лишенное длительности. Длительность – продолжительность существования объекта или его элементов, сохранение их существования. Между длительностями различных явлений или различных элементов явления имеются временные отношения одновременности или последовательности. Порядок «прошлое – настоящее – будущее» характеризует временное отношение последовательности» [124, с. 185].

По поводу последней посылки хотелось бы заметить, что указанный порядок временного отношения последовательности приемлется в форме незыблемого абсолюта. Так, в философской концепции Ж. Делеза [65, с. 95] предлагается два прочтения времени. Одно из них наполнено только настоящим, по отношению к которому измеряются прошлое и будущее. Это время именуется Хроносом. Второе – содержит только прошлое и будущее, которое развивается одновременно в двух направлениях и именуется Эоном. По мнению автора, именно второе наделяет язык смыслом, бестелесным атрибутом события, который выражается в предложении, но не сливается ни с ним, ни с вещами. Свернутым событием в языке представляется глагол, несущий в себе внутреннюю темпоральность языка [65, с. 97].

Известна и другая точка зрения, согласно которой во времени реально существует лишь прошлое: «настоящее – только момент, мгновенно становящийся прошлым. Будущего нет, ибо не совершенны поступки, определяющие те или иные последствия, и не известно – будут ли они совершенны. Грядущее можно рассчитать лишь статически, с допуском, лишаящим расчеты практической ценности. А прошлое существует, и все, что существует – прошлое, так как любое свершение тут же становится прошлым» [59, с. 85].

При кажущейся новизне последнего воззрения предпосылки ее можно обнаружить в философии М. Хайдеггера [229], утверждавшего, что «согласно привычным представлениям, настоящее время с прошлым и будущим образуют характеристику времени [181, с. 81]. «Настоящее время – едва лишь мы его назвали, как сразу подумали о прошедшем и будущем, о более раннем и более позднем, в отличие от «теперь»... Если нам нужно обозначить время от настоящего, то мы понимаем настоящее как «теперь», в отличие от уже-более-не-(теперь) прошедшего и пока-еще-не-(теперь) будущего. Но настоящее означает одновременное присутствие. Между тем не принято определять собственное времени, идя от настоящего в смысле присутствия. Наоборот, время – единство настоящего, прошедшего и будущего – представляется от «теперь». Уже Аристотель говорил: то, что от времени есть, т.е. присутствует, это «теперь» сия секунды. Прошедшее и будущее – это $\mu\eta\ \delta\upsilon\tau\iota$ - нечто несуществующее, правда, не просто ничто, а скорее присутствующее, которому чего-то недостает, и этот недостаток называется с помощью «уже-более-не» и «пока-еще-не»-теперь. При таком рассмотрении время представляется чередой моментов «теперь», следующих друг за другом, причем едва пытаешься назвать

какой-то момент, как оказывается, что он уже исчез в только что прошедшем «теперь» и преследуется следующим «теперь». О времени в таком представлении Кант говорит: «оно имеет только одно измерение» («Критика чистого разума», А. 31, В. 47). При измерении и калькуляции имеется ввиду время, знакомое нам лишь как череда следующих друг за другом моментов «теперь»... Побывавшее не пропадает как просто ушедшее из прошедшего теперь. Напротив, побывавшее присутствует, однако своим собственным образом. В побывавшем простерто присутствие.

Но отсутствие обращается к нам также и в смысле пока-еще-не-присутствующего – обращается к нам в смысле к-нам-подходящего. Между тем речь о к-нам-приближающемся стала пустой фразой. Так говорят: «Будущее началось», а это неправда, потому что никогда не бывает так, что будущее вот только что началось, ведь отсутствие в качестве присутствия пока-еще-не-настоящего всегда уже обращено к нам неким образом, т.е. присутствует также непосредственно, как и побывавшее [181, с. 89-90].

Далее философ более основательно рассматривает диалектическую взаимосвязь трех измерений и приходит к определению того, что мы называем «временным пространством». Но под словом «время» мы более не имеем в виду последовательность моментов «теперь». Соответственно и временное пространство более не означает лишь интервал между двумя моментами «теперь» скалькулированного времени... Теперь временное пространство обозначает открытое, которое проглядывает друг-другу-самоподавание будущего, прошедшего и настоящего... Подлинное время – четырех измерений. Однако то, что мы называем четвертым при перечислении, на деле является первым, т.е. все определяющим подаванием. Оно выдает в будущее, в прошедшее и настоящее им свойственное присутствие, держит их отдельно – в просвете – друг от друга и в такой близости друг к другу, из которой эти три измерения накладываются друг на друга [181, с. 91-92]. Важна и посылка автора о том, что «времени нет без человека»... «он стоит внутри тройного простирания и выносит эту определяющую простирание отказывающее-задерживающую близость. Время не сделано человеком, человек не поделка времени» [181, с. 93-94].

В качестве общей оценки философской концепции М. Хайдеггера сошлемся на мнение В.В. Петрова: «Основу философии Хайдеггера составляет глубокое осознание решающей роли повседневного контекста человеческой деятельности. Абстрактное мышление может действительно пролить свет на новые явления, но необходимо учитывать, что лишь крайне малая часть индивидуальных знаний порождается в процессе ментальной рефлексии. Большая часть знаний передается через опыт, усваивается в ходе непосредственной практической деятельности» [134, с. 107].

Мы не хотим проводить прямой аналогии между воззрениями Л.Н. Гумилева и М. Хайдеггера. Во-первых, между ними имеются существенные расхождения. Оба соотносят время и бытие, но Л.Н. Гумилев, как нам представляется, полностью отождествляет две эти категории. Во-вторых, не

всегда одна точка зрения обязательно должна восходить к родственной предшествующей в духе научной традиции.

1.2.2 Время в физике

Философы, теологи, физики уже давно ломают голову о начале существования вселенной. Более ранние космологи исходят из того, что вселенная возникла в определенный, не очень отдаленный в прошлом момент времени: «Основой для этого стало убеждение, что необходима «первая причина», чтобы объяснить существование вселенной. (Во вселенной какое-либо событие объясняется как причинное следствие какого-либо более раннего события.)» [219, с. 20].

Августин в своем писании «Божественное государство» предполагает, что Бог создал мир примерно в 5000 году до Рождества Христова.

Аристотель и большинство других греческих философов, напротив, не верили в божественное вмешательство. Они утверждали, что человек и мир вокруг него существовали всегда.

Кант [1787] считает, что вопрос возникновения вселенной противоречит разуму, так как, по его мнению, убедительным является как тезис, что вселенная имеет начало, так и антитезис, что она существует издавна. Его аргументом в пользу тезиса стало мнение, что если бы у вселенной не было начала, то каждому событию предшествовало бы бесконечное временное пространство. Это он считал абсурдным. Его аргумент в пользу антитезиса - если бы у вселенной было начало, то этому началу предшествовало бесконечное временное пространство. Почему же тогда вселенная должна была начать существовать в определенный момент времени? [219, с. 21].

Хавкин [219, с. 22] указывает на то, что для обоснования тезиса и антитезиса Кант использует один и тот же аргумент, а также что время бесконечно, независимо от того, имеет ли вселенная начало или нет. Хавкин считает, что временное понятие начала вселенной бессмысленно, на что указывал еще Августин, согласно чему время является характеристикой созданной Богом вселенной.

Лишь в этом столетии Хаббл сделал переломное открытие, которое заключалось в том, что другие галактики, независимо от того, в какую сторону мы посмотрим, быстро удаляются от нас. Из этого он заключил, что вселенная расширяется, что опять означает, что раньше объекты находились ближе друг к другу. Более того, даже кажется, будто десять или двадцать миллиардов лет тому назад все они находились на одном и том же месте!

Затем появилась теория Большого взрыва. Впервые научно было обосновано предположение, что вселенная имела свое начало.

Хавкин утверждает, что на сегодняшний день не существует единой теории вселенной, а есть две не связанные друг с другом теории: общая теория относительности описывает силу тяжести и структуру обозримой вселенной размером от нескольких до множества миллионов километров; с другой стороны квантовая механика занимается явлениями во вселенной, происходящими в масштабе одной миллионной сантиметра.

Старания современных физиков направлены на нахождение новой теории, которая содержала бы в себе обе предыдущие теории. Это - квантовая теория гравитации. Хотя ее существование уже предсказано, все же до сих пор наука не располагает подобной теорией.

Хавкин [219, с. 28] замечает, что открытие такой единой теории вселенной, вероятно, не продвинет человечество вперед и не будет способствовать его бессмертию. Но, конечно, это повлияет на физическое определение времени и временных аспектов при исследовании вселенной. При развитии физического восприятия времени всегда существовали большие различия.

Так Аристотель считал, что каждое тело предпочтительно принимает состояние покоя, если на него не направлена какая-нибудь сила. Это касается и Земли. Вопреки этому законы движения Ньютона и законы земного притяжения Галилея утверждают, что состояния покоя не существует вообще:

«С полным правом можно сказать, что тело А находится в состоянии покоя, в то время как тело В, по отношению к телу А, движется с одинаковой скоростью, или что тело В остается неподвижным, когда тело А движется. Если мы, например, на минуту оставим без внимания вращение Земли и круговую орбиту нашей планеты вокруг солнца, то мы не смогли бы утверждать, что Земля находится в состоянии покоя, в то время как поезд на ее поверхности движется на север со скоростью 150 км в час, или что поезд находится в состоянии покоя, когда Земля движется на юг со скоростью 150 км в час. Эксперименты с двигающимися предметами в поезде также подтвердили законы Ньютона. Во время матча по настольному теннису в поезде, например, можно было бы с уверенностью утверждать, что мячик точно также подчиняется закону Ньютона, как и мячик снаружи на теннисном столе, установленном на железнодорожной платформе. Итак, невозможно определить, движется поезд или Земля.» [219, с. 32]

Отсутствие абсолютного состояния покоя означает, что нельзя определить, произошли ли два одновременных события в одном и том же месте. Если кто-то со стороны наблюдает за теннисным мячиком, который в проезжающем мимо поезде разницей в одну секунду дважды ударяется об одно и то же место на столе, то для него между обоими рефлексиями мячика находятся примерно 50 метров, если поезд за этот период времени прошел это расстояние.

«Итак, отсутствие абсолютного состояния покоя означает, что какому-либо событию вопреки мнению Аристотеля нельзя определить абсолютную позицию в пространстве.» [219, с. 28]

Отсутствие абсолютной позиции или абсолютного пространства не оставляло Ньютона в покое, так как он не мог это привести в соответствие со своими представлениями об абсолютном Боге.

С другой стороны Ньютон, как и Аристотель, верил в абсолютное время. Они предполагают, что временной интервал между двумя событиями можно точно определить, что это время всегда останется одинаковым, кто бы его не измерял, при условии, что часы идут правильно [219, с. 33]. Согласно этому утверждению время не зависит от пространства. Хавкин замечает, что это представление преобладает сегодня в сознании людей, и что с точки зрения

«здравого смысла» ничто не опровергнет это, пока мы имеем дело с вещами, двигающимися относительно медленно, с яблоками или планетами. Но это утверждение перестает действовать по отношению к объектам, двигающимся со скоростью света (300 000 км/с).

Английский физик Максвелл в 1865 году предложил теорию о распространении света, которая и сегодня признается. Из нее следует, что радио и световые волны движутся с определенной постоянной скоростью.

«Но теория Ньютона не допускала больше представления об абсолютном моменте покоя. Итак, если предполагалось, что свет движется с определенной скоростью, то надо было указать, по отношению к чему измеряется скорость. Поэтому появилось мнение, что существует субстанция с названием «эфир», пронизывающая все, даже «пустое» пространство. Считалось, что световые волны движутся сквозь эфир как звуковые волны сквозь воздух, и вследствие этого их скорость относительна по отношению к этому эфиру. Наблюдатели, движущиеся опять-таки относительно эфира, увидели бы, как свет движется навстречу им с различной скоростью. Но все же скорость света относительно эфира осталась бы одинаковой.» [219, с. 35]

В 1905 году Эйнштейн, а чуть позже и французский математик Пуанкаре, доказали, что все учение об эфире излишне, если отказаться от теории абсолютного времени.

«Решающий постулат теории относительности ... свидетельствует, что законы природы должны быть равны для всех движущихся наблюдателей независимо от их скорости. Это относилось к законам движения Ньютона, но принцип распространился также и на теорию Максвелла и скорость света: все наблюдатели должны иметь одинаковую скорость света, как быстро бы они не двигались. Эта простая мысль имела примечательные последствия. Самой известной является эквивалентность массы и энергии, выраженная в знаменитой формуле Эйнштейна $E = mc^2$ (E – энергия, m – масса, c – скорость света), и закон, согласно которому ничто не движется быстрее света.» [219, с. 35]

Теория относительности имеет два важных вывода:

- Каждый «нормальный объект» движется со скоростью ниже скорости света [219, с. 36].

- С понятием абсолютного времени окончательно покончено. Хавкин аргументирует это следующим [219, с. 36]:

«Если послать световой импульс с одного места в другое, то согласно теории Ньютона, разные наблюдатели пришли бы к единому мнению по отношению к продолжительности пути (так как время абсолютно), но не по отношению протяженности пути (так как пространство не абсолютно). Так как скорость света можно вычислить, разделяя преодоленное расстояние на потраченное время, то разные наблюдатели получили бы разные значения скорости света. В теории относительности, напротив, разные наблюдатели должны быть едины в значении скорости света. Но они исходят из различных расстояний, которые преодолел свет. Как же они могут прийти к одному времени, затраченному на это?»

Согласно Хавкину каждый наблюдатель имеет собственное измерение времени, собственные часы, а одни и те же часы, используемые разными наблюдателями, не совпадают в своих показаниях:

«Каждый наблюдатель мог бы использовать свой радар и посылать свои световые импульсы или радиоволны, чтобы установить, где и когда произошло событие. Часть импульса отражается событием, и наблюдатель измеряет время до появления эха. Моментом происхождения события считается половина временного отрезка между передачей и получением импульса; отдаленность события – это половина временного отрезка, затраченного на преодоление пути туда и обратно, умноженная на скорость света. (Под событием здесь понимается что-то, что произошло в определенном пространстве и в определенный момент времени.)» [219, с. 37]

Теория относительности заставляет нас полностью изменить свои представления о пространстве и времени: время существует не отдельно от пространства, а соединяется с ним в сущности, названной «временным пространством».

В 1983 году Блазер в своей работе «Время в физике» указал на две несовместимости:

1 Субъективное время, в котором важную роль играет Сейчас, невозможно привести в соответствие с физическим временем, которое является «лишь математической теоремой без промежутка между прошлым и будущим» [200, с. 1].

2 В уравнении движения Ньютона время является не только абсолютным (независимой переменной величиной), но и принципиально обратимым и симметричным. В механике даже существует понятие «временной обратимой инвариантности» [200, с. 3].

Говоря о современном понятии времени в физике, необходимо упомянуть об исследованиях Миттельштедта. Он утверждает, что ни в коем случае один опыт не определяет структуру физических теорий; большое значение здесь имеют условности, нормы и философские точки зрения, что ясно видно при исследовании времени. Релятивистская теория пространства и времени теряет из-за этого свою исключительность, и на горизонте появляются альтернативы.

1.2.3 Время в психологии. Опыт и сознание времени

Как считают Миллер и Джонсон-Лаирд, психологические исследования времени основываются на четырех основных пунктах:

- опыт коротких временных интервалов как «феноменального настоящего»,
- оценка промежутка времени,
- восприятие одновременности,
- опыт «временной перспективы», т.е. место событий в прошлом, настоящем и будущем.

Опыт времени – это комплексный процесс. Он длится годы, пока у ребенка развивается понимание концепта времени и отношение ко времени. Это связано с тем, что до сих пор не обнаружен участок мозга, отвечающий за обработку

опыта времени, в противоположность к пространственной локализации, за которую отвечает правая половина большого полушария мозга [230, с. 62], во всяком случае, у большинства людей, у которых левая половина отвечает за речь.

В процессе восприятия время является не самим объектом восприятия, а атрибутом восприятия вещей. Это соответствует философским рассуждениям Канта. Так как вещи изменяются и движутся, то теория восприятия должна предоставить временную координату, которая показывает, что X находится в определенном временном интервале в определенном состоянии или определенном месте.

Хотя время с точки зрения физики является непрерывным, все же оно, согласно психологическим исследованиям, воспринимается человеком как последовательность многочисленных моментов [223]. Они делят время на дискретные моменты, которые нумеруются: $t, t+1, t+2\dots$; $t+1$ – психологический момент, который следует непосредственно за t , а $t+1$ – это момент, который непосредственно предшествует $t+2$.

Как долго длится такой момент? Некоторые психологи предполагают, что моменты определяются альфа-частотами потоков мыслей. Струуд указывает на значение 0,1 секунды.

Дискретность подтверждается такими выражениями как *в этот момент, in diesem/einem Moment, im nächsten Moment*. Очевидно, со временем дело обстоит так же как и со звуковым материалом, на котором основывается человеческий язык: фонетик, например, в стенограммах может установить непрерывные звуковые волны (с определенными акустическими свойствами такими как, например, характерные частоты, амплитуды и усиления с определенными частотами), фонолог, напротив, исходит из дискретных единиц; это доказывает не только возможность замены в минимальных парах (*tot - rot*), но и оговорки, где сегменты совершенно явно путаются (*Wepse* вместо *Wespe*, *Musterbrust* вместо *Mutterbrust*). Эти оговорки демонстрируют психическую реальность сегментов [236, с. 79].

Миллер и Джонсон-Лаирд [223, с. 77] утверждают, что событие может произойти в определенный момент, в то время как действие или процесс затрачивает на это целый интервал (который состоит из нескольких моментов). Фатер считает, что для событий всевозможных видов, к которым он вслед за Рейхенбахом [1947] относит также действия и процессы, надо тщательно рассчитывать определенную продолжительность, которая, конечно, может быть и очень короткой – в крайнем случае «моментом». Для обозначения временного положения событий Миллер и Джонсон-Лаирд используют «S», где подразумевается событие в широком смысле, а «t» – для обозначения цифрового временного значения момента, в котором отражается «S». Запись $Incl_{t,t+k}(y, Reg(x))$ говорит о том, что y заключен в регионе x во времени от t до $t+k$. При моментальном событии используется только один единственный временной индекс. Значение реализуется в данные моменты времени. «Временной вектор» можно представить как упорядоченную последовательность нулей и единиц, где 1 означает, что соотношение действует

для данного момента, а 0, что не действует. В выше указанной формуле 1 действительно для всех моментов от t до $t+k$.

Уже давно закрепившийся в человеческой психике концепт времени был развит из опыта последовательных моментов. Восприятие времени основывается на предположении, что время является одномерной величиной с ориентацией на прошлое и будущее [223, с. 410], которая может быть поделена на дискретные номерованные моменты. Сходство с рядом чисел выражается также в том, что концепты времени и числа развиваются у детей примерно одновременно. В детском развитии есть фаза, когда «позже» переносится на более продолжительный интервал. События тогда выстраиваются в цепочку справа налево, в крайнем случае, сверху вниз.

Концепт времени по Миллеру и Джонсону-Лаирду можно изобразить циркулярно. Это совпадает с наблюдениями лингвистов, согласно которым есть языки, в основе которых лежит циркулярный концепт времени [208, с. 94]. В нашей культуре примерами являются часы, соответственно, движение по часовой стрелке, и порядок дней недели.

Мактаггарт, который в 1927 году хотел доказать, что время недействительно, точно исследовал концепт времени и пришел при этом к различию двух временных серий:

Серия А: прошлое-настоящее-будущее.

Серия В: раньше-позже.

Все события серии В могут быть выражены как единицы серии А, но не наоборот: если Е произошло раньше чем Е', тогда Е в прошлом, если Е в настоящем, если Е' в будущем.

В серии А Сейчас – исходный пункт. Прошлое «раньше чем Сейчас», настоящее «не раньше и не позже чем Сейчас», будущее «позже чем Сейчас». Если к серии В добавить Сейчас, тогда возможны оба определения времени.

Серии А и В – это не только разные названия, но и две разных концептуализации. «Позже» (обозначено как „>“) - это ассиметричное и переходное соотношение. Оно ассиметрично, так как $b > a$ не $= a > b$; а переходно, так как $c > a$ из $b > a$, $c > b$. Для каждого t' есть более позднее t , если за t' следует t'' значит, оно следует за t или идентично ему. Из этого следует соотношение НЕХТ, которое подразумевает, что не существует последнего момента (в любом случае логически, не обязательно по отношению к истории Земли или человечества). Этот логически-психологический фактор вероятно виновен в том, что мысль о смерти не только неприятна, но, кроме того, кажется нелогичной.

Булл обращает наше внимание на то, что между психическим и психологическим концептами времени существует противоречие: с точки зрения психики время не только линейно, но и обратимо (что, как мы уже видели, действует только в некоторых областях физики и механики); каждый интервал времени может измеряться как вперед, так и назад. В сознании время, напротив, необратимо. Мы переживаем время только в одном направлении: мы стареем, а не молодеем [202, с. 5].

Кошмидер представляет мнение, что время протекает в двух направлениях:

- «Я» приходит из прошлого и проходит по настоящему и будущему.

- События приходят из будущего, становятся настоящим, когда «Я» их воспринимает, и затем уходят в прошлое.

Кошмидер объясняет это на интересном примере: он представляет, что «Я» находится на циферблате часов между шестой и седьмой минутами любого часа. Если мы проследим за движением стрелки, то «она с одинаковой скоростью движется навстречу нам из будущего, проходит по настоящему в прошлое, чтобы затем все дальше отдаляться от нас в прошлое».

При этом он подчеркивает, что настоящее – это чисто психологическое понятие:

«С психической точки зрения настоящего не существует, так как стрелка показывает только, в какой точке временной прямой находится «Я». Будущее и прошлое сталкиваются в нем друг с другом. Но с психологической точки зрения настоящее есть. Для него существенно, что оно горизонтально направляется из прошлого в будущее и в этом смысле направлено на время».

Сознание меняется с каждым моментом. Согласно Кошмидеру, его непрерывность достигается тем, что «Я» каждый момент складывается из только-что-бывшего и скоро-становившегося. Выражение Я-сознания «Я есть» подразумевает, что «Я был и буду быть дальше». Я-сознание прокладывает мост из прошлого в будущее. Это также обосновывает предположение человека, что у него есть будущее, а смерть как-то нелогична, так как не вписывается в концепт непрерывности времени.

Влияние концепта пространства на концепт времени, по Миллеру и Джонсону-Лаирду, больше всего проявляется в движении [223, С. 410].

Миллер и Джонсон-Лаирд предполагают, что пространственные отношения описывают фактически существующее физическое пространство, что временные отношения, такие как прошлое и будущее, напротив, описывают несуществующие состояния, которые являются лишь комплексными психологическими конструкциями. Современные исследования предполагают, что все основывается на сознании, идет ли речь о концепте времени или пространства [223, с. 413].

Для изображения временных отношений Миллер и Джонсон-Лаирд используют простую, но логичную временную систему по Решеру, где момент «Сейчас» является исходным пунктом. Прошлое он обозначает как «до Сейчас», а будущее как «после Сейчас».

1.2.4 Время в культуре

Время культуры – важнейший аспект модели мира, характеристика длительности существования, ритма, темпа, последовательности, координации смены состояний культуры в целом и ее элементов, а также их смысловой наполненности для человека.

Для культурологического исследования существенны как субъективные формы восприятия времени, так и объективированные с помощью образных,

словесно-знаковых, символических, понятийных средств представления о временных характеристиках бытия. Однако субъективное восприятие времени и объективированные представления о нем тесно взаимосвязаны, что проявляется не только в объективации субъективных образов времени, но и в воздействии значимых для некоторой культуры теорий о сущности времени культуры на его восприятие людьми, принадлежащими к данной культуре. Эта взаимосвязь довольно своеобразна, поскольку, скажем, учение об атомах никак не изменило восприятие вещества отдельными людьми, а теория времени Ньютона существенно определяет не только его мысленный образ, но и его понимание по типу геометрической линии.

Время культуры, выражающее самые глубинные особенности миропонимания, - одна из категорий культуры. Поэтому же и абстрактное время математического естествознания, и конкретное время повседневности и истории обладают определенной, хотя и различной смысловой наполненностью для человека, и у первого нет никакого «права первородства» по отношению ко второму. Речь идет о различных уровнях времени культуры. В соответствии с этим говорится о биологическом, психологическом, физическом, географическом и т.д. времени. Более того, «абстрактное» время не предшествует «конкретному», а, напротив, «надстраивается» над соответствующими образами и без них не может существовать. Все сущее обладает временными характеристиками, что делает невозможной дефиницию времени в ее классическом понимании как отнесение к некоторому роду и перечисление видовых признаков. Время не может быть отнесено ни к какому «роду», а потому все его определения тавтологичны и используют связанные с ним самим ассоциации либо стремятся выразить его суть с помощью свойств, присущих пространству. Последнее далеко не случайно, и связь с пространством принадлежит к числу наиболее существенных всеобщих свойств времени. По мере рационализации представлений о времени у него выделяются также такие всеобщие свойства как одномерность, асимметричность и необратимость. Но именно связь времени с пространством послужила исходным пунктом последующих рационализаций временных характеристик всего сущего. Время и пространство – необходимые компоненты всего содержания человеческого восприятия, будучи способами различения предметов. При этом пространство есть восприятие сосуществующих в поле восприятия чувствительных впечатлений, а время - чередование накопленных чувствительных впечатлений, т.е. определенное взаимоотношение между непосредственными и полученными ранее восприятиями [12, с. 84].

Формирование новых представлений о времени начинается, вероятнее всего, уже в палеолите на основе попыток осмысления процессов движения и осмысления. Но это не могло быть проявлением простой любознательности. Переход от первобытного стада к первой форме человеческой общности, роду, как переход от «природы» к «культуре», требовал замены биологических, естественных связей, объединявших особи в стаде, надбиологическими, искусственными. Эти последние связи, как и все «культурное», т.е. искусственное, не возникает само собой, т.е. «по природе». Для этого требуется

определенное человеческое усилие, и в данном случае оно было направлено на создание совместного времени. Находиться в совместном времени значит, прежде всего, жить в едином ритме. В противном случае невозможна никакая совместная, т.е. согласованная деятельность. Первые ритуалы должны были создавать именно единый ритм, и для этого использовались все подручные средства – голосовые связки человека, хлопки, притопывания, а также ритуальные танцы. Цель всего этого заключалась в подготовке к будущему действию. На этой основе формируется образ циклического времени культуры, в котором нет движения «вперед», к чему-то «новому». Происходит повторение того, что уже было, нет четкого различия между прошлым, настоящим и будущим [60, с. 112].

Чтобы разорвать этот цикл, нужно было постулировать возможность остановки, после которой время могло бы начать свое течение заново. Это было сделано в древнееврейской культуре благодаря субботе, которая, будучи точкой абсолютного разрыва времени, обеспечила возможность такой остановки и, следовательно, освобождение от власти и прошлого, и настоящего. Доминирующим становится будущее. Происходящая из будущего «тяга» конституирует уже не циклическое, а линейное время, что означает понимание времени в качестве истории, в качестве пророческого слова, становящегося плотью. Иначе говоря, историческое время становится ареной божественного откровения, и только Бог может вывести человека из безостановочного круговоротного движения и даровать ему покой – субботу. Тогда появляется возможность посмотреть на все из конца времени как состояния полноты творения, и это делает все частные верования и привязанности относительными. Конец времени выявляет смертность этих верований и привязанностей, неизбежно заставляющую конституировать время в качестве цикла. Мифы «вечного возвращения», обходящие смерть и устраняющие ее от конституирования времени, скрывают все, предшествовавшее начальному моменту. Тем самым, на деле создавая частное отношение, они маскируют его принципиальную фрагментарность. В условиях конституирования времени как циклического не может быть никакой истории, а только множество «историй», ход которых направлен от «золотого века» по нисходящей линии вплоть до момента восстановления первоначальной «полноты». Время истории, напротив, начинается не с частных привязанностей (например, смерть культурного героя или основание Рима), а находится «по ту сторону» всякого частного прошлого, начинаясь с сотворения Адама, а его внутреннее напряжение создается деятельностью пророков и ожиданием Мессии. Таким образом, время впервые признается потенциально общим для всего человеческого рода. Для того чтобы оно стало действительно общим, нужно было выйти за пределы того отдельного народа, жизнь которого впервые начала протекать в историческое время. В противном случае историческое время оказывается все же частным, локальным, а не общечеловеческим. Но за пределами такого времени находились не только роды и оседлые культуры, устроенные по типу восточных деспотий. Уникальная культура Древней Греции создала еще один способ конституирования локального времени, который должен был

обеспечить общегреческое единство, т.е. согласованную жизнь. Древние греки впервые попытались устранить принудительность времени, введя в его состав «свободное время» или «досуг». Досуг – это время, которым «обладает» сам человек, тогда как за его пределами время «владеет» им [174, с. 76].

Единое совместное время могло быть создано только путем введения всех культур в историческое время. Но для этого нужно было включить смыслообразующую функцию конца времени в настоящее. Древне-еврейскую культуру интересовали только начало времени и его конец, но следовало установить непосредственное отношение каждого момента к конечному смыслу времени, т.е. сделать каждый момент встречей прошлого и будущего. Чтобы все локальные, частные формы времени открылись навстречу друг другу, нужно было показать, что смерть является точно таким же императивом будущего, как и жизнь. Христианство создает единое время с помощью особых механизмов, опирающихся на смерть Иисуса Христа. Именно это событие релятивирует все предшествующие календарные системы, обеспечивая возможность свободного перемещения от одного ритма совместной жизни к другому: «...Суббота для человека, а не человек для субботы». А это означает, разрушение непроницаемых границ между культурами, именно поэтому апостол Павел называет Иисуса Христа «царем веков». «Век» (эон) – это и есть ритм совместной жизни, присущий отдельной локальной культуре, а учение об эонах становится необходимым элементом христианской концепции времени. Христианское летоисчисление основано не на перечислении отдельных моментов времени, а складывается из эпох, периодов, эонов, единство и осмысленность которых определяется, исходя из единого времени культуры. С другой стороны, время можно расчленять, только имея его предварительно в качестве чего-то целого, и лишь при этом условии множество эонов образуют полноту времени. Это дает ориентацию во времени, поскольку теперь все зоны открываются навстречу друг другу и подчиняются объемлющему их «эону эонов». В результате, во-первых, возникает возможность свободного изменения и людей, и мира, а во-вторых, при всех изменениях сохраняется единство смысла времени. Поэтому концепции истории Шпенглера и Тойнби, открыто противостоящие христианской концепции времени, имеют ее в качестве своего предварительного условия: анализ отдельных культур, объявляемых геометрически замкнутыми, был бы невозможен без «эона эонов» в качестве полноты времени. Ведь именно принадлежность к нему неявно приписывается историку, только благодаря этому и виден ничем незамутненный смысл каждой локальной культуры [194, с. 38]. Именно поэтому же эволюция представлений о времени может стать предметом детального культурологического анализа, основанного на междисциплинарном подходе.

Однако сама христианская концепция времени, как и все элементы культуры, требует усилий для ее поддержания. Поэтому неудивительно, что сопутствующим эффектом общего процесса секуляризации стало оживление концепций цикличного времени культуры – как традиционных, так и искусственно конструированных в контексте нетрадиционных религиозных движений. Другой особенностью современных представлений о времени

является отождествление истории с физикалистскими моделями времени, что лежит в русле натуралистического видения человека и его мира в качестве онтологически автономных. Лишенное божественного и человеческого смысла время является характерным проявлением нигилизма.

1.2.5 Время в повседневной жизни

Время является главным аспектом в нашей жизни и во всей вселенной. Мы находимся во времени, мы не можем быть вне его. Все это в равной степени касается и пространства, однако время является более абстрактным, а потому более загадочным.

Но каким образом можно представить себе время? Его можно разделить, а именно разложить на единицы времени, такие как секунды, минуты, часы и дни, которые относятся к «всеобщему времени». Но такие единицы времени могут различными, или одними и теми же людьми восприниматься по-разному, например: одна минута в кресле зубного врача длится для одного и того же человека дольше, чем минута за разговором с друзьями. А такие единицы времени как «момент», «некоторое время», «вечность», «только что», «недавно», «сейчас» вообще нельзя определить нашей хронометрической системой времени. Это единицы «персонального времени» [202, с. 75].

Это не случайно, что в пространстве нельзя провести параллели между официальным и персональным пространством – это было бы возможно показать только при помощи метафор. Кроме того, понятие «внутренние часы» указывает на то, что нельзя измерить и чему нельзя найти соответствующий эквивалент в пространстве.

Рассматриваемый предмет является не только для лингвистики, других наук, но также и для повседневной жизни центральной тематикой: «Все действия и весь опыт связан со временем и местом» [212, с. 1]. При этом человек – с одной стороны определяется пространством и временем, находится внутри них, с другой стороны – он является определяющим, так как он относит сам себя к отправной точке временных и пространственных отношений [234, с. 1].

Дейксис, согласно Бюлеру [201, с. 86], является эгоцентричным (персональным, местным и временным) ориентированием: *Я, Здесь, Сейчас* являются не физически, а только психологически определяемыми языком величинами, при котором в каждом случае эго говорящего является первичной точкой отношения.

Время играет немаловажную роль в повседневной жизни. Для ребенка концентрация непосредственно на «настоящее время» характерно так же как, и для животного, что у взрослых происходит по-другому: они легче абстрагируются от действительности и для них очень просто определить для себя «прошедшее» и «будущее время». Только постепенно ребенок учится дифференцировать пространственные и временные отношения, как, впрочем, вообще когнитивное и языковое развитие ребенка характеризуется все большей дифференциацией. При этом понимание пространства предшествует пониманию времени.

Пространство и время являются всесильными факторами, которые определяют жизнь каждого, но также и совместную жизнь в обществе. Согласно договорам устанавливаются государственные границы, каждое государство управляется из столицы, через определенные временные отрезки выбираются народные представители; социальные выплаты, такие как пенсия или пособие по безработице имеют законно регулируемые временные ограничения. Судустройство немисливо без временного урегулирования в отношении судебных сроков, мер наказания и срокам их прекращения. Договоры о найме являются примером пространственно-временной релевантности: они действуют в определенном месте (домах, квартирах, комнатах) и являются – по крайней мере, в начале – ограниченными по времени. Не в последнюю очередь международная жизнь определяется пространственными и временными факторами. Стоит назвать лишь один пример: всем известно, какую роль сыграли временные и пространственные факторы при воссоединении Германии; падение стены, прекращение существования двух государств 3 октября 1990 года являются событиями, обусловленными временем и пространством.

Повседневная речь полна выражений, которые имеют отношение ко времени: что-то происходит *своевременно, вовремя, rechtzeitig, zur rechten Zeit*. Часто в подобных выражениях отражаются наивные, ненаучные представления: *у меня нет времени, ich habe keine Zeit*. Такие выражения, если воспринимать их дословно, звучат нелогично и нереалистично. Так как каждый живет во времени, каждый имеет время, т.е. время ему подчинено. Выражение следует интерпретировать как *у меня нет времени для этого занятия* или, например, как реакцию на предложение о встречи. Также нелогично звучат воспринимаемые дословно пословицы: *время покажет; утро вечера мудренее; kommt Zeit, kommt Rat; spare in der Zeit, so hast du in der Not*. Время присутствует всегда; оно не наступит позже и никогда не кончится.

В этой связи стоит упомянуть название кантаты Иоганна Себастьяна Баха «*Gottes Zeit ist die allerbeste Zeit*». Неужели у Бога есть специальное время, отличное от нормального? Или его часы идут по-другому? Конечно, имеется в виду ни первое, ни второе. Здесь, как и в большинстве других выражений, речь идет не о времени как таковом, а о временных интервалах, частях времени. Здесь имеется в виду временной интервал, который Бог определяет для смерти человека, который выбран им обдуманно [234, с. 3].

В повседневной жизни имеют место два понятия: «социальное и индивидуальное время». Эти понятия ввел Булл для различия двух видов распределения времени: в то время как социальное время основывается на «метрической периодичности природных феноменов» (восход и заход солнца, вращение Земли вокруг солнца), при индивидуальном времени речь идет о распределении времени на интервалы субъективно оцениваемой продолжительности [202, с. 4]. «Индивидуальное время» связано с внутренними часами. В то время как внутренние часы относятся все же к общему ритму жизни индивидуума, индивидуальное время касается только интервалов субъективной продолжительности.

Как систему социального, так и систему индивидуального времени можно представить как линию (как у Миллера) или систему (как у Булла) осей, с точками на осях, которые связаны отношениями, в первую очередь отношениями «позже чем», из которого вытекает «раньше чем» и «одновременно с» (т.е. не позже чем и не раньше чем). *Только что* значит «в неопределенный момент времени перед настоящим актом речи» (но непременно в этот же день), *недавно* означает также «перед настоящим актом речи» (но не в этот день). Видно, что при индивидуальном времени речь идет об определенных интервалах, имеющих языковую специфику, временное расположение которых носителю другого языка трудно понять. Часто можно наблюдать, как иностранцы неправильно употребляют *только что*, *недавно*.

Также выражения *после завтрака*, *во время урока* являются единицами индивидуального времени, определяемыми временной локализацией событий. Это касается также *только что* и *сейчас*, которые связаны с актом речи.

Наша система социального времени, григорианский календарь, тоже связана с событиями. Такие единицы как *день*, *месяц*, *год* ориентированы на космические события (вращение Земли); исходным пунктом является историческое событие, рождение Христа.

Внутренние часы – это биологический ритм человека. При этом различают ритмы, связанные с окружающим миром (ритмы сна и бодрствования) и несвязанные с ним (пульс и менструальный цикл). Ритм сна и бодрствования в среднем составляет 8 часов сна, 16 часов бодрствования, он сопровождается другими ритмическими изменениями в организме: температура тела поднимается в течение всего дня, к вечеру она достигает своего максимума, а рано утром (еще во время сна) – минимума. За несколько часов деятельность предпочечника минимальна. Здесь выделяется гормон Кортизол, важный для выработки энергии.

Мы начинаем день в полном гормональном вооружении. Большинство людей испытывают максимальную работоспособность поздним утром, а во второй раз – после обеда; между этими интервалами работоспособность минимальна, поэтому этот промежуток времени рациональнее всего использовать для обеденного перерыва. В ночные часы работоспособность минимальна, независимо от нашей привычки спать. Водители, например, реагируют ночью на 20 % медленнее [195, с. 135].

Ход времени в разное время суток оценивается по-разному: в светлую часть дня время идет быстро, ночью в 2 или 3 часа, когда не спится, оно тянется долго. В это время температура тела и работоспособность достигают своего минимума.

В отношении «внутренних часов» были проведены интересные исследования: испытуемые на весь день были помещены в изолированные, но комфортабельные подземные помещения без часов, радио и телевизора. Результат был следующим: регулярная смена сна и бодрствования – в соотношении 2:1 – сохранилась, но суммарное время сна и бодрствования составило не 24, а 25 часов! Психологи говорят здесь о «свободно протекающем ритме сна и бодрствования» с психологическими часами,

которые только примерно совпадают с астрономическими. Психологические часы сначала были замечены у животных и растений. Все одушевленные вплоть до простейших обладают подобными времяизмерительными приборами. Для растений и животных смена светлой и темной части суток является главным показателем времени, особенно у птиц, которые просыпаются на рассвете. Для синхронизации психологических часов человека решающую роль играют социальные сигналы из окружающей среды.

Внутренние часы важны для различных существ, живущих в одном биотопе: они могут избежать конфликтов, если они распределяют свою деятельность так, что, например, что-то они выполняют днем, а что-то – ночью. Очень важны внутренние часы для перелетных птиц. Скворцы и славки, которые в лаборатории на несколько лет были лишены смены времен года, дважды в год проявляли «перелетное беспокойство». Кроме времен года и частей суток на внутренние часы некоторых живых существ влияют приливы и отливы моря и лунные фазы.

Исследования с человеком показали, что свободно протекающий ритм связан с изменением биологических ритмов: при 25-часовом дне наивысшие показатели были зарегистрированы сразу после пробуждения, а низшие – в начале сна. При 24-часовом дне температура поднимается во время бодрствования и падает во время сна; для свободно протекающего ритма характерно обратное [199, с. 140].

Для одного из испытуемых день в изоляции составил 33 часа, во время которого он 22 часа бодрствовал и 11 часов спал. Этим определился его температурный ритм и протекал свободно с периодом 25 часов. Это привело к «десинхронизации» [199, с. 140]. Подобная десинхронизация наблюдалась у 30 % испытуемых.

Испытуемые не могут определить продолжительность своего психологического дня. У одного молодого техника период сна-бодрствования составил 50 часов. Он был удивлен, когда его выпустили из камеры через 30 дней (время проведения опыта, на которое он согласился); для него прошли лишь 15 дней.

Результаты этих исследований важны по нескольким причинам: они могут быть использованы при психических и социальных проблемах. Эти сведения могут быть использованы при лечении людей, страдающих депрессией, у которых, как выяснилось, внутренние часы идут медленнее чем у здоровых; а также при проблемах, связанных с рабочим временем, например, при посменной работе. Очень важным с точки зрения медицины является то обстоятельство, что реакция человеческого организма на медикаменты зависит от времени суток. Теоретически интересными результаты являются для психологов и лингвистов, так как оценка времени и отношение ко времени (конечно, прежде всего, индивидуального времени) непосредственно связаны с этим.

1.2.6 Время в языке

Мнение представителей лингвистики частично пересекается с позицией философов. Так, полагается, что для описания семантики времени как грамматической категории недостаточно чисто схематических толкований типа «действие произошло до момента речи», «действие происходит в момент речи», «действие произошло после момента речи», то есть, толкований, задаваемых исключительно логическим исчислением [115, с. 92]. Неадекватность этого подхода отмечается, к примеру, в асимметрии прошедшего и будущего времени. Эта асимметрия вытекает из различной природы языкового субъекта о прошедших и настоящих событиях. Если сообщение о произошедших событиях является сообщением о событиях реальных, то сообщение о будущих событиях – не более, чем предположение, поскольку экстенционалом высказывания здесь будет лишь ситуация возможно допустимого [23, с. 32-33].

Частичным объяснением временной асимметрии могла бы послужить концепция о существовании трех миров: мира реальности, мира концептов и мира слов, которые в истории человечества могли возникнуть одновременно, и между которыми «осуществляется диалектическое движение» [76, с. 55]. Эта концепция, восходящая к идеям В. Гумбольдта [57] и продолженная В. Порцигом, достаточно критично рассматривалась в специальной литературе и, как может показаться, едва ли может быть выдвинута даже в виде объяснительной модели. Однако ее живучесть вполне наглядно демонстрирует теоретическое наследие Э. Гуссерля [222], который полагает, что содержание любого ментального акта определяется каким-либо объектом и обладает нозмой, обеспечивающей его направленность. Еще в начале прошлого столетия ученый предложил нозматический способ репрезентации реальности, предвосхитивший ключевую концепцию когнитивной науки – идею ментальной репрезентации. Ее введение, несмотря на значительный временной интервал, вызвано осознанием одного и того же факта: в ходе теоретической и практической деятельности человек имеет дело не непосредственно с миром, а с репрезентацией мира, когнитивными картами и моделями. Гуссерль полагал, что между сознанием и реальностью простирается пропасть смысла [222, с. 94].

Аналогичные воззрения можно обнаружить у Н.И. Жинкина [74, с. 18] и Ю.Н. Караулова [85, с. 184-189].

В настоящее время «ментальная репрезентация» - «ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления (репрезентации) мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах. Последнее определение указывает на знаковый или символический характер репрезентации с семиотикой, т.е. заставляет предположить существенность для данной единицы не только ее содержания, но и способа ее представления в психике человека» [97, с. 156].

Таким образом, вполне можно обратиться к модели «трех миров», полагая, что концепт времени является элементом одного из них. Кроме того, дополнительное объяснение временной асимметрии, видимо, следует искать в

другом – в аналогии концепта времени с концептом пространства, как физического так и ментального. Далеко не случайно М. Хайдеггер использует термин «временное пространство».

Какова же структура категории времени в языке? В традиционной лингвистике принята в качестве базисной категории темпоральность. Она определяется как «семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета. Вместе с тем темпоральность – это базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле, охватывающее группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т.п.) средств того или иного языка, используемых для выражения различных вариантов данной семантической категории [24, с. 5].

Наряду с этим определением А.В. Бондарко предлагает понятие темпоральной ситуации: «это выражаемая различными средствами высказывания типовая (выступающая в том или ином варианте) содержательная структура, а) базирующаяся на семантической категории темпоральности и образующая в данном языке ФСП (функционально-семантическое поле); б) представляющая собой тот аспект передаваемой высказыванием общей ситуации, который, так или иначе, характеризует ее временную отнесенность (отнесенность ситуации в целом и ее элементов)» [24, с. 6].

Описываемые события обычно находятся в определенных временных соотношениях. Одни события проходят одновременно, другие образуют цепь следующих друг за другом событий и т.д., причем эти события нередко оказываются взаимообусловленными в том смысле, что-либо они связаны причинно-следственными отношениями, либо одно действие происходит на фоне другого и т.п. Подобные темпоральные отношения находят свое выражение в идее о таксисе, родоначальником которой является Р. Якобсон, введший в лингвистический обиход понятие зависимого и независимого таксиса. Зависимый таксис определяется Р. Якобсоном как выражающий различные типы отношений к независимому глаголу – одновременность, предшествование, прерывание, уступительную связь и т.п. Позднее Ю.С. Маслов и А.В. Бондарко определяют таксис как «категорию, характеризующую «действие», обозначенное предикатом, с точки зрения его соотношения с другим упоминанием в данном высказывании или подразумеваемым «действием», причем имеется в виду хронологическое соотношение (одновременность – предшествование - следование), но также и противопоставление второстепенного «действия» главному» [121, с. 42; 24, с. 71]. В определении таксиса А.В. Бондарко нашли свое отражение основные признаки данной категории: «Таксис трактуется нами как ФСП, формируемое различными средствами (морфологическими, синтаксическими, лексическими), объединенными функцией выражения временных отношений между

действиями в рамках целостного временного периода, охватывающего комплекс действий, выражаемых в высказывании...» [24, с. 71].

Таксис выступает как признак, сопряженный с другими семантическими признаками уровня грамматической категориальности. В немецком языке темпоральная система располагает временными формами, специфика которых состоит в том, что выражение того или иного таксисного значения составляет их категориальный признак. Другими словами, таксис в немецком языке образует семантический комплекс, сопряженный, прежде всего, с категорией времени. В связи с этим следует обратить внимание на само название «относительное время» (*relative Zeitform*), объединяющее в себе *per definitionem* два категориальных признака: время и хронологическое отношение между действиями, что служит основанием для выделения категории таксиса, хотя, как указывает Р. Якобсон, относительное время – это лишь одна из разновидностей категории таксиса [127, с. 67].

В завершении обзора обратимся к трактовкам категории времени в словарях. В своем словаре Даль трактует время как «длительность бытия; пространство в бытии; последовательность существования; продолжение случаев, событий; дни за днями и века за веками; последовательное течение суток за сутками» [64, с. 264]. В памятниках древнерусской письменности *время* встречается с XI века, причем его писали даже с Ъ: *ВРЪМА* как в старославянском. Древнерусское *время* родственно *времене* и *врѣма*. В русском языке слово появилось из старославянского, но эта форма была вытеснена формой с сочетанием *ре*. Старшее значение, надо полагать, было что-нибудь близкое к «коловращение», «вечный оборот». Сравним древнеиндийское *vartman* – «колея» (след от колеса), «дорога» при корне *vart* – «встретиться», «кружиться». Может быть, старшее значение имеет в индоевропейском *uertman*, что означает «колесо» или «орбита» (как движение по кругу). Таким образом, можно сделать вывод, что в русском слове *время* отображена цикличность, периодичность этого понятия.

Рассмотрим этимологию основной лексической единицы, отображающей категорию времени в немецком языке, - *die Zeit* „Ablauf des Geschehens, Aufeinanderfolge der Ereignisse, bestimmter Abschnitt oder Punkt dieses Ablaufs“. Слово известно с VIII века по форме *zît*, которая сохранялась и в средневерхненемецком, в весьма широком значении „Zeit, Lebensalter, Leben, Jahres-, Tageszeit, Stunde“. Через общегерманское *tîdi* возводится к индоевропейскому *dī-* < *dā(i)-* „teilen, zerschneiden, zerreißen“ [Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, III, 2013]. Именно из значения «разделять» получила развитие современная семантика слова «делать дискретной некую последовательность».

Категория времени, оказавшись в поле зрения специалистов самых разных научных направлений, рассматривалась в самых различных ипостасях. Не обошла эта тенденция и лингвистику, вернее сказать, филологию в широком смысле, где время изучается не только в грамматическом и текстообразующем, но и фразеологическом аспектах.

2 Фразеологические исследования в контексте культуры

2.1 Современное состояние фразеологии

Фразеология, которая многие годы боролась за признание своего автономного статуса и которая отличается своим «междисциплинарным» характером, является лингвистической дисциплиной 20-го века. Предметом фразеологии являются исследования основных признаков фразеологизмов, на основе которых выделяются основные признаки фразеологичности и решается вопрос о сущности фразеологизмов как особых единиц языка, а также выявление закономерностей функционирования фразеологизмов в речи и процессов их образования.

Фразеология как последовательное учение об устойчивых сочетаниях слов с полностью или частично переосмысленным значением оформилась в самостоятельную лингвистическую дисциплину сравнительно недавно, около четырех десятилетий назад. А к ее новому направлению – контрастивной фразеологии – ученые обратились лишь в последнее время.

Вопрос о фразеологии как лингвистической дисциплине был впервые поставлен выдающимся русским лингвистом Е.Д. Поливановым. Он утверждал, что существует необходимость выделения особого отдела в лингвистике, «который был бы соизмерим с синтаксисом, но в то же время имел в виду не общие типы, а индивидуальные значения данных отдельных словосочетаний, подобно тому, как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями отдельных слов. Этому отделу языкознания, как и совокупности изучаемых в нем явлений, я уделяю наименование фразеологии» [136, с. 119].

Однако, несмотря на многочисленные подробные разработки многих вопросов фразеологии до настоящего времени, существуют разные точки зрения на то, что такое фразеологизм как объект фразеологии. Более емкое определение фразеологической единицы (далее ФЕ) принадлежит А.В. Кунину, который считает, что фразеология – это наука о фразеологических единицах, т.е. об устойчивых сочетаниях слов с осложненной семантикой, не образующихся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний [102, с. 5]. В.Н. Телия понимает под фразеологизмом «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава». В нашем исследовании мы будем руководствоваться следующим определением фразеологизма, данным Е.М. Верещагиным и В.Т. Костомаровым в их книге «Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного», так как считаем его наиболее операционным в нашей работе: фразеологизм- это самостоятельная, не сводимая ни к словам, ни к языковым афоризмам номинативная (непосредственно соотнесенная с внеязыковой действительностью), языковая, массово воспроизводимая единица, обладающая

синтаксически членимой формой (словосочетание) и исполняющая во фразе цельную синтаксическую функцию (член предложения), номинативная форма имеет лексический характер, причем речь идет об идиоматической семантике [32, с. 65].

Вопрос о границах предмета фразеологии не находит однозначного решения в силу, во-первых, промежуточного положения фразеологической подсистемы между лексической и синтаксической, и, во-вторых, в зависимости от аспекта исследования и решаемых исследователями конкретных задач. Мы придерживаемся широкого понимания объема фразеологии (В.В. Виноградов 1967, 1967; С.Г. Гаврин 1979; А.В. Кунин 1986; И.И. Чернышева 1970 и др.) и в нашей работе обращаемся к рассмотрению всех устойчивых сочетаний слов независимо от их характерологических признаков: идиом, характеризующихся переосмыслением лексико-грамматического состава и обладающие целостной номинативной функцией, фразеологических единств, мотивированных единиц с единым целостным значением, возникающим из слияния значений лексических компонентов, фразеологических сочетаний, обладающих переосмыслением синтаксического строения и определенной части лексического состава, фразеологических выражений, устойчивых в своем составе и употреблении оборотов, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободным значением. Кроме того, рассмотрение концепта «время» невозможно на наш взгляд без применения паремий, крылатых выражений со значением «время», воплощающих в образной форме жизненно важные глобальные проблемы человеческого бытия. Такой подход к изучению лингвовременной фразеологической картины мира представляется оправданным, так как способствует всестороннему изучению номинативной и коннотативной возможностей фразеологических единиц.

Богатство выразительных средств языка является показателем уровня его развития и степени его совершенства. Фразеологический фонд языка - живой и неиссякающий источник, который обеспечивает обогащение литературного языка новыми выразительными возможностями и средствами. Фразеологизмы – высокоинформативные единицы языка; они не могут рассматриваться как «украшения» или «излишества». Подобная трактовка фразеологизмов все еще встречается в работах некоторых лингвистов, однако в данное время считается устаревшей.

Смысл любой ФЕ представляет собой информацию, требующую раскодирования. Понимание смысла фразеологизма не должно быть буквальным, даже при определении частей этого смысла должна учитываться речевая ситуация, а также рациональная и эмоциональная оценка происходящего [193, с. 278]. Идиома, в отличие от слова и словосочетания, дает представление не только о том, что происходит во внутреннем мире субъекта, но также и о том, как сам говорящий и его окружающие оценивают данное эмоциональное состояние. Н.Д. Арутюнова считает, что идиомы – это одна из форм аномалий языка, сохраняющих свою устойчивость в силу этой своей «аномальности» [9, с. 16]. Фразеологические единицы заполняют лакуны в

лексической системе языка, которая полностью не может обеспечить наименование познанных человеком (новых) сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций и т.д. Образование фразеологизмов ослабляет противоречие между потребностями мышления и ограниченными лексическими (вербальными) ресурсами языка. В тех же случаях, когда у фразеологизма имеется лексический синоним, они обычно различаются в стилистическом отношении.

Современная фразеология – продукт длительного исторического развития, в результате которого произошла эволюция в семантике и структуре фразеологических единиц. Исследователь французской фразеологии А.Г. Назарян в своей монографии «История развития фразеологии» выдвинул и доказал тезис о двойной историко-семантической природе фразеологизмов, в которой проявляется их динамическая сущность [128, с. 65]. Основным способом образования фразеологизмов является семантическое преобразование общего значения свободного сочетания слов, которое происходит на основе различных семантических процессов (разные типы переносов, расширений, абстрагирование, обобщение значений и др.). Слово оказывает огромное влияние на семантические процессы в составе фразеологических единиц, их широкую сочетаемость реализация семантических свойств компонентов позволяет достичь большей экспрессивности и интенсивности фразеологических единиц, придает их значению большую корректность [139, с. 285 - 287].

Не стоит путать и тем более отождествлять вышеприведенную историко-семантическую природу фразеологических единиц с его семантической двуплановостью. При утрате образности фразеологическая единица может лишиться семантической двуплановости, но всегда сохраняет свою истинно семантическую природу. Под семантической двуплановостью мы понимаем сочетание во фразеологизме прямого и идиоматического значения. Такая двуплановость может быть синхронной (ворон считать) и диахронной (смысл словосочетания, который лежит в основе фразеологической единицы уже не воспринимается и используется только идиоматическое значение). Здесь могут быть две причины: устарело слово или слова в составе фразеологической единицы (как зеницу ока), или забылось явление, обычай, примета, ремесло, которое легло в основу некогда свободного словосочетания. Поэтому нужно различать сам фразеологизм и его генетический прототип – свободное словосочетание с прямым смыслом. Это различие является важным для подхода к фразеологизму как к хранителю и источнику страноведческой информации [32, с. 66 - 67].

Фразеологическое значение – это динамическое явление, порожаемое особым взаимодействием формы и содержания ФЕ, что приводит к возникновению более обобщенного, абстрактного содержания. Специфичность фразеологического значения заключается, на наш взгляд, не столько в более отвлеченном значении, по сравнению с лексическим значением, а, прежде всего, в идиографической избирательности, нацеленности на экспрессивно-

эмоциональные, антропоморфные сферы обозначения действительности. Этот фактор играет существенную роль в формировании образности, которая выступает основным дифференциальным признаком ФЕ и тесно связана с внутренней формой. Фразеологическое значение состоит из упорядоченных лексических элементов – сем, соотносимых с определенными свойствами и явлениями действительности. Например, фразеологизм *на пороге*, образно выражающий значение времени в русском языке, может быть соотнесен со смыслом «очень скоро».

Значение фразеологических единиц, прежде всего, связано с понятием внутренней формы, в которой отражаются предметы и понятия материального и духовного мира носителей языка. Внутренняя форма фразеологизмов является образным или символически-образным представлением их значения. Словесный комплекс-прототип, отражающий внутреннюю форму ФЕ, указывает на предметы материального, реже – невидимого мира – или определенного понятия. Значение же фразеологизма формируется на основе прямых или косвенных функций, закрепленными за этими предметами, и тех ассоциаций, которые способен вызвать СК-прототип. Основная особенность внутренней формы состоит в том, что она способна вызвать определенные ассоциации у говорящего и у адресата и тем самым осуществить акт коммуникации [45, с. 121]. Внутренняя форма непосредственно связана с различными типами мотивированности фразеологизмов. Образно-мотивированные ФЕ не зависимо от того, в какой мере они сохраняют образность, обозначают ситуации-стереотипы, признак или признаки предметов, явлений, которые участники коммуникации понимают как заменяющие реальные ситуации, отражающие реальные свойства и качества предметов, явлений и вызывающих у них более или менее одинаковые ассоциации с ситуацией-стереотипом, а также с реальными свойствами, признаками явлений, предметов материального мира. Образное восприятие является одним из способов концептуализации фрагментов языковой картины мира, одним из способов познания явлений действительности, помогающих моделированию и реконструкции не только фрагментов языковой картины мира, но и общечеловеческой системы ценностей [178, с. 13].

В структуре фразеологического значения большинство исследователей выделяют три макрокомпонента: денотативный, сигнификативный, коннотативный, а также этнокультурный компонент. Первый компонент - денотативный – на основе сигнификативного значения соотносит фразеологизмы с предметами и явлениями реальной действительности, их качествами, действиями и т.д. Фразеологическая семантика отличается диалектической раздвоенностью. По мнению исследователя Н.Н. Кирилловой, один из них лежит в сфере предметных отношений реального мира (денотат 1), другой - в сфере психических понятий (денотат 2) [87, с. 82]. Такая двойственная денотативность обуславливает два типа фразеологической экспрессивности в зависимости от того, к какому семантическому полю относится тот или иной фразеологизм. Если это поле само по себе является экспрессивным, то соответствующие ФЕ обладают двойной экспрессивностью

– денотативной и коннотативной. Таковым является поле ФЕ со значением «время», которые сами по себе номинативны, коннотативность же их создается за счет экспрессивности, эмоциональности, образности, являющихся структурными элементами внутренней формы фразеологизмов. В русском и немецком языках временное значение выражают ФЕ *на носу* – *vor der Tür*, *на пороге* – *an der Schwelle* с семантикой «очень скоро», которые имеют непосредственную соотнесенность с денотатом, и ФЕ *когда рак на горе свистнет*, *wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht“ sagen*, имеющие значение «нескоро, неизвестно когда», отражающие опосредованную связь с денотатом.

Компонент сигнификативный выражает обобщенно-понятийное содержание, свойственное фразеологизмам с временным значением. Фразеологизм *при царе Горохе* образно выражает значение «давно, неизвестно когда», которое формируется на основе народных представлений о вымышленном герое русских сказок.

В современной лингвистической литературе пристальное внимание также уделяется третьему компоненту – коннотативному, который охватывает в своей совокупности экспрессивно-стилистические, образно-экспрессивные, эмоциональные и оценочные возможности фразеологизма. Абсолютное большинство отечественных ученых говорят о коннотации как о языковом явлении, т. к. в языковой единице отражается не только понятие о предмете или явлении действительности, но и отношение человека к этому явлению. В.Н. Телия характеризует коннотативное значение как «семантическую сущность, узуально или окказионально входящую в семантику языковых единиц...» [160, с. 5]. Коннотация, по словам В.Н. Телии, является «неотъемлемой частью очень сложного по своей архитектонике и по объему информации экспрессивно окрашенного значения». Эта неотъемлемость выражается в том, что коннотация сращена с денотацией внутренней и внешней формой: «она подпитывается ее ассоциативно-образной мотивировкой» [160, с. 133]. Коннотация является опосредованным отражением явлений действительности и благодаря этому неразрывно связана с сигнификативно-денотативным макрокомпонентом значения, придавая им завершенность. Если в сигнификативно-денотативном макрокомпоненте отражены сущностные, понятийные признаки денотата внеязыкового, то коннотация отражает оценочно-эмоциональное, чувственное отношение к ним. Именно благодаря коннотации фразеологизмы являются яркими выразительными средствами любого языка.

Некоторые лингвисты в структуре фразеологического значения выделяют этнокультурный компонент, который также непосредственно связан с внутренней формой [149; 160; 70]. Поскольку «идиомы характеризуются образной мотивированностью, напрямую связанной с мировидением народа – носителя языка» [160, с. 214 - 215], то коннотативному и этнокультурному компонентам принадлежит ведущая роль.

Абсолютное большинство фразеологических оборотов любого языка восходит к народным метафорам, сравнениям, метонимиям. Такие образные выражения возникают в сознании людей в результате восприятия фактов

действительности, общественной жизни, географической среды. Восприятие, как это доказывают психологи, опосредуется, дополняется, корректируется коллективным опытом людей, имеющимися у них знаниями. Поэтому народная метафора, сравнение или любой другой образный оборот могут повторяться в речевом общении при одинаковых или близких ситуациях, превращаясь из свободных речевых сочетаний в воспроизводимое. Появлению у словосочетания идиоматического смысла всегда предшествует прямое значение словосочетания. Например, сейчас уже не шьют одежду со слишком длинными рукавами, но выражение *засучив рукава* путем обычного в языке переноса значения с конкретной ситуации на более широкий круг смежных явлений стало идиоматичным, следовательно, фразеологизм возникает, когда словосочетание утрачивает свой прямой смысл. При этом происходит устранение второстепенных или избыточных компонентов в таких выражениях, сужение их сочетаемости (валентности), переосмысление содержания. Но элементарное образное представление, послужившее основой для фразеологической семантики, определившее её идиоматичность, сохраняясь (в разной мере), определяет экспрессивно-оценочные качества фразеологизма, поддерживает их. Поэтому, как в картине художника, кроме мысли передается представление, так и большинстве фразеологизмов, сохранивших образность, передается чувство, настроение, экспрессивная оценка предмета мысли, который соотносится в речи с экспрессией всего высказывания. Следовательно, чтобы в полной мере воспринять коннотативные качества фразеологизма в семантике, лингвист должен не только располагать необходимым количеством материала, но и учитывать ее этимологический элемент [176, с. 11], то есть культурный фон.

2.2 Задачи изучения фразеологии в контексте культуры

Особое значение проблема взаимосвязи языка и культуры приобрела в настоящее время, когда отношения людей, принадлежащих к различным культурам, развиваются особенно интенсивно. Межъязыковые контакты ставят задачу исследования языка параллельно с культурно-национальной спецификой. За последнее время были сделаны многочисленные попытки выявления и исследования фактов отражения в языке культурной специфики народа [98; 149; 170; 160; 128].

Особенно ярко культурно-национальные особенности окружающей действительности проявляются во фразеологии. Общеизвестным представляется тот факт, что фразеологический фонд языка является носителем и источником культурно-национальной информации. По наблюдениям ученых культурно-национальную семантику следует искать в словах, фразеологизмах и афоризмах, при этом именно во фразеологическом фонде национальная самобытность языка получает яркое и непосредственное проявление [31, с. 301]. Это объясняется тем, что фразеологизмы представляют собой отдельно оформленные языковые единицы, компоненты которых характеризуются полным или частичным семантическим преобразованием. Возникшая в результате этого новая семантическая структура в значительно большей

степени зависит от экстралингвистических факторов, чем семантика отдельного слова, следовательно, во фразеологии наиболее полно и ярко отражается своеобразие жизни быта того или иного народа [33, с. 121]. В основе экстралингвистических источников лежат изменения в реальном мире, ведущие к фразеологизации переменных сочетаний, связанных с актуальными в определенный исторический период явлениями из различных областей человеческой деятельности [13, с. 106-110]. Фразеологизмы возникают в национальных языках на основе образного представления действительности, которая отображает производственный, духовный, исторический и обиходно-практический «опыты» языкового сообщества, представляющие собой разные сферы национальной культуры [70, с. 248]. А.Ф. Артемова называет фразеологизмы лингвокультурологическими единицами, то есть «единицами, в которых отражено мировоззрение того или иного лингвокультурного общества» [8, с. 79]. Поскольку для идиом характерна образная мотивированность, «которая напрямую связана с мировидением народа – носителя языка», идиомы в принципе обладают культурно-национальной коннотацией [160, с. 214-215]. Л.А. Лебедева, объектом исследования которой явились устойчивые сравнения русского языка, отмечает, что культурно-национальная специфика ФЕ обнаруживается как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения – в наличии в их составе особых культурных примет – маркеров (безэквивалентной предметной лексики, этнонимов, топонимов, архаизмов и т.д.), требующих этимологического или историко-культурного комментария при переводе. В плане содержания – в денотативной соотнесенности образа и сопутствующих ему коннотациях, которые и отражают «национальный колорит» [106, с. 66].

При исследовании фразеологического фонда языка в контексте культуры В.Н. Телия выделяет три круга вопросов:

1) Первый из них связан с определением фразеологического состава как наиболее самобытной в культурно-языковом плане части его номинативного запаса. Это предполагает выявление во фразеологизмах различных экстралингвистических предпосылок, соотносимых с предметной областью культуры, которая является «второй природой» для человека – с одной стороны, а с другой – выявление тех внутриязыковых средств и способов, которые придают фразеологизмам способность к культурной референции и тем самым – к отображению в их знаковой форме черт культуры, характерных для того или иного языкового сообщества.

2) Второй круг вопросов касается уточнения соответствий и различий в методах и результатах изучения и описания культурной семантики фразеологизмов, осуществляемых в рамках этнолингвистического, лингвокультурологического и контрастивного направлений в исследовании взаимодействия двух разных предметных областей – языка и культуры. Как известно, каждое из них хотя и пересекается по предмету исследования, но не совпадает целиком по целям и задачам, поскольку в центре внимания этих направлений разные временные (диахронические или синхронические) культурно-реальные срезы изучения фразеологизмов.

3) Третий круг вопросов охватывает проблемы, связанные с выделением общей для языка и культуры методологической платформы, на базе которой разрабатываются методы изучения фразеологических единиц, выступающих в функции межпоколенно воспроизводимых знаков «языка» культуры и участвующих в трансляции ментальности народа – носителя языка [159, с. 13 - 14].

Из упомянутого выше круга вопросов наиболее актуальным и в то же время сложным представляется первый, поскольку он связан с необходимостью верификации трех основных постулатов, которые в явной или неявной форме присутствуют в исследовании культурно-национальной самобытности фразеологического состава языка. Исходным для любого такого исследования является постулат о том, что (1) большинство единиц фразеологического состава обладает культурно-национальным своеобразием (в это большинство могут входить и те фразеологизмы, которые освоены и культурно адаптированы в нем через разные формы заимствования). Следующий постулат связан с распознаванием в культурной памяти фразеологизмов хранимых в ней культурно-маркированных смыслов: (2) в коллективной подсознательной памяти языка сохраняется интертекстуальная связь фразеологизмов с тем или иным кодом культуры, что проявляется в способности носителей языка к культурной референции, которая оставляет свой след в культурной коннотации, играющей роль «звена», обеспечивающего диалогическое взаимодействие разных семантических систем – языка и культуры. Третий постулат связывает устойчивость фразеологизмов с их свойством выступать в роли функционирующих в лингвокультурном сообществе «констант культуры» [151, с. 76 - 78]: (3) воспроизводимость фразеологических знаков способствует межпоколенной трансляции культурно значимых установок и тем самым – формированию в процессах овладения и употребления языка культурного самосознания как отдельной личности, так и культурно-национальной идентичности народа – носителя языка.

Ко второму из упомянутого выше круга вопросов, актуальных для изучения фразеологизмов в контексте культуры, относится определение направлений исследования и характерных для них результатов. Этнолингвистическая ориентация исследования и описания нацелена преимущественно на исторически реконструктивный план выявления культурных пластов в формировании фразеологизмов. Лингвокультурологический анализ ставит перед собой цель изучения способности фразеологических знаков отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как остов его ментальности и выражать его в процессах живого употребления фразеологизмов в дискурсах различных типов. Основной целью контрастивного направления является выявление этнически- или национально-культурной специфики фразеологизмов того или иного языка, извлекаемой на фоне «наивной картины мира», в сотворении характерных черт которой они участвуют.

Каждое из этих направлений вносит существенный вклад в исследование материала фразеологии в контексте культуры. При этом первые из упомянутых

выше направлений решают задачи выявления собственно культурологических аспектов формирования и функционирования фразеологизмов, выдвигая на первый план проблему взаимодействия фразеологического состава языка и культуры. Контрастивное направление оперирует более широким контекстом – избирательностью образного мировидения того или иного народа, которая проявляется и в различиях отбора образных оснований фразеологизмов, что и рассматривается как косвенное подтверждение их связи и окультуренным мировосприятием.

Таким образом, контрастивные исследования фразеологизмов в контексте культуры имеют дело с описанием по преимуществу «скрытых» в наивной картине мира следов взаимодействия языка и культуры, а этнолингвистическое и лингвокультурологическое направления стремятся раскрыть средства и способы проникновения «языка» культуры во фразеологические знаки естественного языка и формы презентации ими культурно значимой информации. В этих последних двух направлениях особое внимание уделяется методологическим основаниям культурно значимой функции фразеологизмов и методам ее выявления и описания. Основные методы установки лингвокультурологического анализа фразеологизмов и метаязыковые средства, используемые в нем, тесно, и более того, – органично переплетены с методами и приемами этнолингвистики, поскольку последняя и по времени ее становления как особой дисциплины, и по временному срезу ее материала предшествует времени становления лингвокультурологии, ориентированной на изучение действующих в современном состоянии языка процессов культурно-языкового синтеза. В этой связи представляется необходимым уточнить те различия, которые, как мы полагаем, существуют между тесно переплетенными предметными областями этих ответвлений социокультурной антропологии, их целями и задачами [159, с. 15].

Важной представляется интеграция в рамках лингвокультурологии приемов исследования и описания, разрабатываемых в рамках контрастивного анализа. Результаты контрастивного описания фразеологизмов проливают свет на этническую логику, предопределяющую различия «наивных» культурно-языковых картин мира. Характерологические черты, присущие этим картинам мира, запечатленные во фразеологизмах, вносят культурно-языковую специфику во фразеологический строй того или иного языка. Эти данные служат надежным материалом для сопоставления «фразеологических фрагментов» культурного самосознания тех или иных языковых сообществ.

Поскольку этнолингвистическое и контрастивное изучение материала фразеологии имеет уже сложившуюся и широко известную традицию, представляется уместным, касаясь третьего круга вопросов, выделенного выше, сосредоточить внимание на целях и задачах лингвокультурологии, на ее методологическом фундаменте и разрабатываемых на ее основе методов и метаязыка лингвокультурологического анализа. В решении этого комплекса вопросов мы и усматриваем перспективы получения новых сведений при исследовании фразеологии в контексте культуры.

Главной целью лингвокультурологии, материалом которой является язык в его живом функционировании в дискурсах разных типов является выявление «повседневной» культурно-языковой компетенции субъектов лингвокультурного сообщества на основе описания культурных коннотаций, соотносимых с концептуальным содержанием языковых знаков различных типов и воспроизводимых вместе с ними в процессах употребления языка, и, тем самым, несущих сведения о совокупной идентичности культурно-языкового самосознания как части общекультурного менталитета социума [159, с. 24].

Проверка выдвинутых выше постулатов и решение связанных с ними первоочередных задач нуждается в уточнении тех методологических предпосылок, на основе которых может быть разработан метаязык лингвокультурологического анализа. Концептуальное содержание этого метаязыка должно обеспечить возможность оперировать данными взаимодействия двух разных предметных областей – культуры и естественного языка – на единой методологической основе. Возможность такого единства заложена в семиотической презентации данных этого взаимодействия, рассматриваемого с учетом когнитивного содержания этих ментальных процедур, результатом которых и является культурно оязыковленные ментальные структуры, выражаемые средствами фразеологии.

Основная задача лингвокультурологии применительно к материалу фразеологии – исследование и описание механизмов, на основе которых осуществляется взаимодействие фразеологизмов как единиц естественного языка с культурной семантикой «языка» культуры. Результатом действия этих механизмов и является презентация фразеологизмами культурной семантики и, тем самым, – выполнение ими функции вербализованных знаков «языка» культуры.

Подтверждением того, что фразеологизмы могут выполнять эту функцию, служат и экспериментальные данные. Эти данные показывают, что носители языка обладают в той или иной степени рефлексивной способностью к культурной референции, в основе которой и лежит соотнесение знаковых фрагментов текстов естественного языка с «языком» культуры. Степень владения субъектами культуры и языка интертекстуального «опознавания» в языковых сущностях культурно значимых для них установок, соотносимых с тем или иным тезаурусом и симболярием культурных кодов, характеризует «уровень» культурно-языковой компетенции. Эта последняя «в свою очередь, предопределяет способность к культурной референции, а также ту или иную глубину когнитивной по своему характеру процедуры культурной интерпретации языковых способностей. Результатом такой интерпретативной рефлексии и является содержание культурной коннотации, которая выступает как связное звено между значением единиц естественного языка и культурной семантикой знаков «языка» культуры» [159, с. 38].

2.3 Категории универсального и культурно-национального во фразеологических фондах разных языков

В современном динамично развивающемся мире основной тенденцией во всех сферах жизни, в том числе и в языке, является ряд процессов, ведущих к формированию единого и универсального, то есть глобального социума. В таких современных условиях происходит взаимодействие и частичное слияние культур разных народов. Изменения в повседневной жизни людей, новые нормы поведения и обычаи наиболее ярко проявляются в языке, на котором говорит народ. Любой язык является своеобразным зеркалом жизни, в нем отражаются знания и представления людей об окружающей действительности.

Язык, являясь инструментом познания мира и хранилищем индивидуального и общественного опыта, восприятия и оценки окружающей действительности, отражает мировосприятие конкретной этнокультурной общности. Передавая информацию о действительности знаковым способом: с одной стороны - универсальным для всех людей независимо от их культуры, с другой - несущим в себе особенности глубоко национального мировосприятия, язык участвует в формировании картины мира как системно упорядоченной, социально значимой модели знаков, передающей информацию об окружающей среде. В этой информации переплавлены три группы признаков, которые объединяет в себе любая функционирующая культура. В данном случае речь идет о признаках: а) характерных для всего человечества, то есть общих, неспецифических; б) характерных для группы локальных культур – относительно специфических; в) характерных только для данной локальной культуры – абсолютно специфических [81, с. 23]. При этом национальная специфика может проявляться в таких компонентах культуры как традиции, отличающихся относительной устойчивостью, обычаи, понимаемые как традиции в «социо-нормативной» сфере культуры, обряды, выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данном обществе системе нормативных требований, а также в бытовой культуре, в повседневном поведении, нормах общения, принятых в некотором социуме и связанным с ним кинесическим кодом, в национальных особенностях мышления, художественной культуре, отражающей культурные традиции этноса, в способе освоения и представления природных богатств и географической среды, в особенностях социо-политического устройства, техническом и технологическом уровне/ способе освоения действительности.

Картина мира всегда представляет собой результат деятельности целого ряда поколений, где язык служит средством конденсации и передачи опыта мировосприятия. Передача культурно-исторического опыта была бы, однако, невозможной, если бы язык не располагал общечеловеческими значимостями. В роли таких значимостей выступают общие значения слов, или сумма некоторых самых общих дифференцирующих признаков реалий, названных словом. Минимум дифференцирующих признаков у всех говорящих на конкретном языке одинаков, благодаря чему и устанавливается взаимопонимание людей.

Единство биологической и социальной сущности человека, независимо от его расовой или национальной принадлежности, индивидуальных особенностей как живого существа, определяет универсальность человеческого механизма восприятия окружающего мира. Общие для всех людей индивидуальные процессы в осмыслении мира, логические законы мышления и способы связи понятий, а также единство и объективность материального мира для всех людей Земли являются основой для формирования единых, универсальных понятий и категорий, присущих языковой картине мира каждого народа.

В нашем понимании **универсальное** – это существующие во всех языках универсальные для человеческого мышления понятия, которые служат для осмысления, оценки и классификации реалий объективной действительности и их связей и отношений. Среди них можно выделить такие общечеловеческие понятия как время, пространство и др. Данные концепты находят свое выражение и в языке как системе знаков. Они получили название «языковых универсалий».

Концепт «время» не случайно выбран нами для исследования. Во-первых, в нем отражаются существенные свойства основных философских категорий, определяющие наше бытие, наше сознание. Во-вторых, это универсальная категория, присущая многим языкам мира, что дает нам определить общие логические схемы отражения действительности в сознании человека. В-третьих, языковая модель времени пронизывает всю систему языка, поэтому исследование фразеологизмов со значением «время» даст возможность воспроизвести целостную фразеологическую картину мира.

В лингвистической литературе можно найти различные определения языковых универсалий. Так, одни исследователи понимают под данным термином обобщенные высказывания о свойствах и тенденциях, которые могут осуществляться для одного языка в процессе его существования [54, с. 83], другие определяют универсалии как относительно устойчивую связь определенной совокупности признаков свойств, которые характеризуют одну значительную группу языков в отличие от другой группы, третьи считают универсалии своего рода «инвариантами», присущими структуре большинства языков мира, независимо от их системных возможностей, и, следовательно, характеризующими «человеческую природу» вообще и закономерности человеческого (языкового) поведения, в частности [116, с. 163]. В целом, языковые универсалии можно определить как универсальное (то есть прослеживающееся во всех языках) свойство или универсальное отношение между неуниверсальными свойствами языков.

Языковые универсалии разнообразны, могут быть обнаружены, практически, на всех уровнях языка (в фонетике, грамматике, лексике, синтаксисе). Особую трудность при этом представляет изучение семантических универсалий, отражающих глубинные свойства языковой системы.

В нашем исследовании мы придерживаемся мнения, согласно которому, универсалии могут не обладать абсолютным характером, а относиться к регулярным, статистическим явлениям, которые наблюдаются и в более ограниченной сфере языков какой-то отдельной группы [197, с. 24; 182, с. 18].

Следует также иметь в виду, что языковые универсалии, как и язык в целом, не являются неизменными. В процессе исторического развития человеческого общества, в связи с расширением знаний об окружающей действительности, с совершенствованием методов ее познания, с постоянным преобразованием системы взглядов на мир меняется и содержание языковых универсалий. В связи с этим предлагается дифференцировать универсалии на диахронические и синхронические.

Бесспорным является тот факт, что наличие культурно-языковых универсалий обусловлено универсальным характером человеческого мышления, общим поступательным развитием человеческой культуры и цивилизации, всеобщностью бытия и познания и, соответственно, их универсальными законами и категориями. Культурно-языковая специфика выявляется как результат специфического действия процесса языкового кодирования при описании фактов окружающей реальности, отражающих специфику бытийных и познавательных моделей, принятых той или иной языковой общностью, и специфику цивилизованного прогресса и строительства, специфику социально-психологических особенностей данного лингвокультурного сообщества [81, с. 24].

Изучение языковых универсалий связано с исследованием общности фактов в русле типологической лингвистики. Языковые универсалии при этом могут служить в качестве основания сравнения исследуемых единиц. В частности, в данной работе в основу сравнения немецких и русских фразеологизмов положена такая универсальная понятийно-языковая категория как категория времени.

Проявляясь на разных уровнях языковой системы, универсалии находят свое отражение и во фразеологии. В частности, само существование фразеологического уровня в языке относится к лингвистическим универсалиям: нет такого языка, в составе которого не было бы фразеологических единиц. При контрастивном изучении фразеологии немецкого и русского языков обнаруживается, что оба языка для выражения определенных коммуникативных намерений часто используют идентичные ФЕ [215, с. 169]. Исходя из этого, Фельдес утверждает, что сравнительный анализ направлен на то, чтобы определить степень конвергенции (сходства, соответствия) исследуемых фразеологических систем. Под этим подразумевается количественное соотношение эквивалентных или частично эквивалентных ФЕ. Чем выше процент полностью или частично соответствующих фразеологизмов, тем выше степень соответствия исследуемых систем, и наоборот [там же].

В случае исследуемых нами языков степень межъязыковой фразеологической эквивалентности довольно высока, причиной чего в первую очередь являются неязыковые факторы, прежде всего многовековые политические, экономические и культурные контакты России и Германии.

А.Д. Райхштейн издал пособие по лексикологии, где собрал наиболее частотные идентичные немецкие и русские ФЕ [140]. При разработке корпуса выяснилось, что количество межъязыковых фразеологических эквивалентов достигло более тысячи. Если подумать, что речь идет о генетически

неродственных и типологически совершенно различных языках, то это число можно считать очень высоким.

Если исследовать причины этих соответствий, то следует лучше присмотреться к взаимоотношению этих языков.

С точки зрения образования межъязыковой эквивалентности немецких и русских фразеологических конструкций различают три основных типа.

Существует значительное число так называемых фразеологических интернационализмов, которые можно встретить во многих языках с похожим культурным фоном.

К ним относятся в первую очередь фразеологизмы, имеющие свои корни в библии, мифологических преданиях Античности или известных произведениях мировой литературы. При рассмотрении некоторых этих ФЕ их библейское или мифологическое происхождение ясно без особых этимологических знаний. В случае ФЕ такого типа как *bis zum Jungsten Gericht warten* – *ждать до страшного суда, до судного дня, seit Adams Zeiten, со времен Адама* идентификация библейского источника является едва ли проблематичной. Кроме того, *счастливые часов не наблюдают* не только у А.С. Грибоедова, но и у Ф. Шиллера *dem Glücklichen schlägt keine Stunde*, и Т. Манн в «Будденброки» тоже считает, что *не все еще потеряно*: „...*Oh, Tony; Courage!*“, *sagte der Senator, und gerührt und ergriffen von Ihrer Hilflosigkeit, rückte er ihr nahe...*“ *Noch ist nicht alle Tage Abend. Noch ist er ja nicht verurteilt*“.

Определенные идентичные ФЕ основываются на соответствующих наблюдениях или опыте, похожем образе жизни, образе мыслей, ассоциациях, т.е. на соответствующем коллективном сознании исследуемых языковых сообществ.

К этой группе можно отнести различные межъязыковые соответствия, которые существуют во многих генетически неродственных и типологически различных языках независимо друг от друга. Эти фразеологические параллели, как было сформулировано И. Чернышевой, «основываются на универсальных законах человеческого сознания, которые для выполнения эмоциональной функции языка используют одни и те же механизмы и образуют похожие комплексные языковые единства» [189, с. 20]. Опираясь на ее исследования, здесь следует назвать пять универсальных логически-семантических моделей, являющихся продуктивными также и при формировании фразеологического материала русского и немецкого языков:

- противопоставление, когда общее значение образуется на основе семантической интеграции антонимичных лексем, например, *день и ночь, Tag und Nacht*;

- модель идентичности или сходства, основывающаяся на сравнении, например, *wie der Blitz, blitzschnell* – *молниеносно, wie ein Pfeil angeschossen* – *стрелой, wie eh und je* - *как повелось издавна, die Zeit verging wie im Fluge* - *время пролетело, klar wie der Tag* - *ясно как божий день*;

- гипербола, т.е. образование фразеологизмов происходит на основе осознанного преувеличения/переоценки определенных явлений, черт, например, *wie Rakete* - *как ракета*;

- мейоза, т.е. фразеологизмы образуются на основе осознанного преуменьшения определенных явлений, черт, например, *im Schneckentempo* – черепашьим шагом;

- алогизм, т.е. способ образования фразеологизмов, основывающийся на нереальной ситуации, например, *wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht!“ sagen, wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen* – когда рак на горе свистнет.

Универсальные свойства фразеологизмов проявляются как в их семантике (плане содержания), так и в их структуре (плане выражения). Во фразеологии любого языка получают выражение универсальные семантические категории языка (категории времени, пространства, количества, степени, качеств и состояний предметов и субъектов). Кроме того, в семантике фразеологизма могут закрепляться общечеловеческие культурные коннотации, связанные с той или иной реалией окружающего мира, на основе которых формируется фразеологический образ. Яркой иллюстрацией этого являются фразеологизмы со значением «время». Сравнительный анализ языкового материала показывает, что образ и ассоциации у носителей немецкого и русского языков совпадают в большинстве случаев. Об этом свидетельствует существование эквивалентов в обоих языках, например, *откладывать в долгий ящик* – *auf die lange Bank schieben*; *вставать с петухами* – *mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen*; *глазом не успеv моргнуть* – *ohne mit der Wimper zu zucken* и др.

Так, фразеологизм *глазом не успеv моргнуть*– *ohne mit der Wimper zu zucken* означает «очень быстро», потому что процесс моргания глазом занимает доли секунды. Как *ракета* – *wie eine Rakete* имеет значение «мгновенно, молниеносно». В основе фразеологизма лежит образ космической ракеты, стремительно взмывающей вверх.

Фразеология каждого языка отображает образную картину мира в призме восприятия того или иного народа. Р.Х. Хайруллина доказывает применимость к фразеологии выдвинутой И.Ф. Протченко и Н.В. Черемисиной концепции универсалий языкового развития, включающих тенденции: 1) к динамике и устойчивости; 2) к стандарту и экспрессии; 3) к экономии и избыточности.

Фразеологизм, отражая динамику развития процесса наименования реалий мира от слова к словосочетанию, является при этом устойчивой языковой единицей. Будучи, с одной стороны, стандартной, стереотипизированной, существующей в «готовом виде» единицей языка, фразеологизм представляет собой, с другой стороны, знак, у которого экспрессивность выступает как неотъемлемое свойство. Поскольку фразеологизм почти всегда является вторичным по отношению к слову наименованием явлений и фактов реальной действительности, он характеризуется избыточностью, но в то же время в его семантике проявляется закон экономии, т.к. фразеологизм – это компактная передача многовекового опыта народа в освоении мира [182, с. 29].

Выделяя универсальное в языке, нельзя забывать, что контрастивное изучение языков выявляет наряду с чертами сходства также и национальную

самобытность, специфичность языков. Каждая конкретная этнокультурная общность строит свою модель мира в рамках и в форме своего национального языка, интерпретирует факты реальной действительности в соответствии со своими культурно-историческими традициями, нормами, верованиями и образом жизни. Поэтому под **культурно-национальным** понимается нами как сам язык и характерные для данного народа реалии и его история, а также языковые образы в их соотнесенности с характерными для данного этноса ситуациями.

Наиболее распространенной формой выражения и хранения установок, стереотипов, символов отдельно взятой культуры, является, в частности, фразеологический фонд языка.

В содержании фразеологического фонда каждого языка выделяются как универсальные, так и культурно-национальные элементы. Общечеловеческое содержание, отражаемое во фразеологии языков разных народов базируются на общих типах образной интерпретации реалий окружающей действительности.

Национально-культурная специфика фразеологизмов базируется в первую очередь на конкретных культурно-исторических условиях развития народа и его традициях. Каждая нация в форме присущей именно ее менталитету образной интерпретации действительности отражает факты, явления, события, не просто называя, но и одновременно оценивая их.

В отечественной и зарубежной лингвистике широко представлены работы по исследованию национального своеобразия фразеологического фонда на материале разных языков, в том числе и в сопоставительном плане, обычно на примере двух языков. В меньшей степени исследованы вопросы фразеологической универсальности. Однако на наш взгляд уникальность фразеологии каждого отдельного языка заключается именно в особом соотношении общего, универсального и культурно-национального.

На современном этапе развития фразеологии выявление фразеологических универсалий и национальной специфики ФЕ является важной задачей. Подобное лингвокультурологическое сопоставительное исследование ФЕ может не только дать новые сведения о системном устройстве языков и взаимосвязях их подсистем, но и представляет собой национально-культурный аспект исследования, то есть находится на стыке с другими науками, занимающимися изучением человека и человеческого фактора в языке.

Для выявления фактов культурно-языковой специфики предлагаются два метода: сравнительный и интроспективный. Сравнительный подход предполагает сравнение с другими языками и культурами, поскольку именно сравнение способствует выявлению общих и специфических черт. Интроспективный анализ предполагает работу с информантами и текстовый анализ языкового материала с целью выявления национально-культурной специфики языка [69, с. 74].

В работе Ю.П. Солодуба предлагается принцип выявления национального своеобразия ФЕ, учитывающий языковые факторы формирования фразеологического значения. По Ю.П. Солодубу, основу семантики ФЕ

составляет фразеологический образ, который «чаще всего сохраняет национальную специфику фразеологизма, поскольку он очень часто опирается на реалии, известные только одному народу, представителям одной нации» [148, с. 58].

Проявление национально-культурной специфики не отменяет действия языковых универсалий. Представляется, что культурно-языковая специфика и культурно-языковые универсалии не находятся в отношениях взаимоисключающего противодействия. Они сосуществуют, что вполне согласуется с утверждением Б. Рассела о том, что наше знание о мире и вещах (речь в данном случае идет о знании, облеченном в плоть языка) состоит из знания двух видов – когда вещи известны как конкретности и как универсалии.

Национальная особенность фразеологии того или иного языка может проявляться как в характеристиках ее внутриязыковой организации, так и в уникальности различных фактов национальной культуры, связанных с отличным восприятием некоторых концептов, получивших отражение в ФЕ. Так, некоторые русские фразеологические единства вообще не имеют эквивалента в немецком языке: *скучен день до вечера, коли делать нечего*. Эти фразеологические единства осуждают поведение людей, которые не берегут свое время, растрачивают его понапрасну.

Можно предположить, что некоторые русские фразеологические единицы не имеют эквивалента по причине их исторической основы. Например, фразеологизм *вот тебе бабушка и Юрьев день* восходит корнями еще к 15-16 векам, когда крепостным крестьянам было разрешено на Юрьев день 26 ноября менять своего хозяина.

Нет в немецком языке и понятия *на черный день*. Немецкий народ говорит с легкостью об этой реалии *für den Notfall*.

Можно согласиться с мнением ряда исследователей, полагающих, что страноведческая ценность и национальная неповторимость ФЕ складывается из следующих составляющих: во-первых, ФЕ могут отражать национальную культуру своими актуальными фразеологическими значениями, служащими экспрессивному наименованию явлений, присущих только данному народу; во-вторых, фразеологизмы могут отражать национальную культуру прямым значением переменного словосочетания (генетического прототипа), лежащего в основе фразеологизма; словосочетания, являющиеся основой ФЕ, описывают определенные традиции, особенности культуры, быта, исторических событий страны; в-третьих, ФЕ могут отражать специфику национальной культуры в прямых значениях лексических компонентов, входящих в состав ФЕ.

На наш взгляд, категории универсального и национального, отражая специфику отношений всеобщего и единичного, находятся в диалектическом единстве и характеризуют во всей полноте особенности исследуемых единиц.

2.4 Антропоцентрические основания фразеологических фрагментов языковой картины мира: ФЕ как средство характеристики языковой личности

В последнее время в лингвистике все четче вырисовывается тенденция к антропоцентрическому описанию языка, обозначенного в ряде работ, как «человеческий фактор в языке». Для антропоцентрической лингвистики главным является тезис о том, что по своей природе язык насквозь психологичен, человечен, так как он всегда сопровождает человека и «выражает» его. Язык человека настолько глубоко и органически связан с выражением личностных свойств самого человека, что, если лишить язык подобной связи, он едва ли сможет функционировать и называться языком [17, с. 14]. «Обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о методологическом принципе, наметившемся в современной лингвистике, - о смене ее базисной парадигматики и переходе от лингвистики «имманентной», с ее установкой рассматривать язык «в самом себе и для себя», к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением» [158, с. 9].

Фразеология, как и весь язык антропоцентрична по своей сути, так как подавляющее большинство фразеологизмов связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности. Кроме того, человек стремится наделить человеческими чертами объекты внешнего мира, в том числе и неодушевленные. Еще Ш. Балли утверждал, что «извечное несовершенство человеческого разума проявляется также и в том, что человек всегда стремится одухотворить все, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это еще не все: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» [15, с. 221].

В.Г. Гак вносит существенный корректив в высказывание Ш. Балли и считает, что «поскольку в центре внимания человека находится он сам, то отсюда его постоянное стремление описывать окружающий мир по образу и подобию своему. Языковой антропоморфизм является не пережитком первобытного мышления, как это утверждают некоторые философы, но общим законом развития средств номинации в языке» [43, с. 274].

Фразеологическая единица является специфическим знаком, в семантику которого изначально заложено эмотивно-оценочное отношение субъекта коммуникативно-прагматической деятельности к объекту действительности. Связь между знаком и использующим его человеком представляет собой сложный комплекс отношений, где доминирующая роль принадлежит человеку, активно и целенаправленно создающему языковые знаки и использующему их в речевом общении, пронизывающем все сферы деятельности человека. Совершенно справедливо отмечается Е.А. Добрыдневой, что двойной антропоцентризм ФЕ позволяет интегрировано представить антропоцентрические основания фразеологических средств языка в общении [70, с. 17-18].

Номенклатура номинируемых фразеологическими единицами фрагментов действительности очень обширна, так как ФЕ хранят и транслируют из поколения в поколение знания о выработанной в обществе системе обычаев, традиций, законов и обыденных представлений о мире. Как знаки вторичной номинации, ФЕ «покрывают» самые разнообразные фрагменты языковой картины мира, но вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что весь фразеологический словарь языка концентрируется вокруг разнообразных характеристик человека, его личностных свойств, внешности, психических и эмоциональных состояний, поступков, отношений к себе и окружению и т.д. Таким образом, субъективность становится важной чертой картины мира. В формировании языковой картины мира участвуют реальный мир, мыслительный мир и собственно языковой мир [89, с. 56], связующим звеном между которыми выступает категория языковой личности. Языковая картина представляет собой «иерархию ценностей языковой личности» [85, с. 55], которые определяют поведение человека в обществе.

Личность — «средоточие взаимосвязи культуры и языка и диалектики их развитие» [40, с. 12]. «Языковая личность — это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще. Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — человеку, к конкретной языковой личности» [85, с. 8]. Под языковой личностью понимается также совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, то есть личность коммуницирующая. Поэтому уместно говорить о личности только как о языковой, воплощенной в языке и через язык и проявляющейся в речевой деятельности. Нельзя познать функциональную сторону языка до конца, не обратившись к его создателю и пользователю - личности, как и нельзя узнать личность во всем многообразии ее национальных, исторических, социальных и культурных особенностей, не обратившись к ее языку.

Фундаментальная потребность извлекать смысл из окружающего мира дала формулу «мыслящей личности», а в оценке нового времени данная способность обозначается еще и «говорящей личностью»; особое внимание, при этом; акцентируется на коммуникативной потребности [151, с. 132]. Говорящие обычно стремятся использовать язык не только в его основной, коммуникативной функции, но и в той его функции, которую условно называют эстетической. Потенциальная образность фразеологизма отвечает элементарной потребности разнообразить речь, средствами самой номинации придавать ей экспрессивно-оценочную направленность.

Французский лингвист К. Ажеж предлагает понятие «человека диалогического», под которым он понимает психо-социального субъекта высказывания, когда в ситуации диалога совместно принимают участие все компоненты психологии и общественной природы человека. «Термин «субъект высказывания» следует понимать в смысле «говорящий + слушающий», а не в смысле «говорящий – слушающий», как если бы речь шла о двух взаимозаменяемых сущностях», то есть в зависимости от обстоятельств, человек

одновременно говорящий, который что-то произносит, и высказывающийся субъект, который действует. Общение осуществляют индивиды: они используют коммуникативную компетенцию, определяют стратегию и тактику коммуникативного поведения. С этой точки зрения фразеологизмы, благодаря образной семантике, являются важным фактором языковой личности, выступая средством эмоционально-субъективной оценки мира.

С позиций прагматики фразеологизм можно рассматривать, принимая во внимание то, в каких ситуациях общения говорящий предпочитает воспользоваться фразеологизмом, с одной стороны, и к какому типу языковой личности относится такой участник общения, с другой. В.И. Карасик различает два типа языковой личности с точки зрения прагматики фразеологизмов: эгоцентрический и социцентрический. Эгоцентрическая языковая личность насыщает свою речь яркими и необычными выражениями, среди которых немало ФЕ, с целью саморепрезентации и украшения речи. Социцентрическая языковая личность использует клишированные выражения для подтверждения своего статуса и — в случае статусной неопределенности — для опознания членов своей социальной группы [84, с. 21].

Национальный склад мышления материально закреплен, прежде всего, в лексике и фразеологии. Как уже отмечалось, наиболее яркое выражение национальная специфика находит во фразеологизмах, которые являются и способом передачи информации о культуре и истории народа. В качестве смысловых и языковых доминант носителей немецкого языка как языковой личности называют вежливость, сдержанность, практичность, бережливость, пунктуальность: *wer auf die Zeit wartet, dem fehlt die Zeit; die Zeit drängt; wer nicht kommt zur rechten Zeit, der muss essen, was übrig bleibt*.

Среди особенностей русской языковой личности следует отметить самую отличительную — поляризацию души, в которой совмещаются совершенно противоположные черты: *не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня; отложить не значит отменить*.

В основе формирования этнического сознания и культуры в качестве регуляторов поведения лежат как врожденные, так и приобретаемые в процессе социализации факторы — культурные стереотипы, которые усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом, определенной культурой и осознавать себя ее элементом. По мнению В.А. Масловой, механизмом формирования стереотипов являются когнитивные процессы, потому что стереотипы выполняют когнитивные функции — функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии [122, с. 110]. Нет сомнения в том, что язык отражает национальную ментальность и культурные ценности определенного этноса. У каждой культуры есть свои ключевые концептуально значимые слова. Специалисты по этнической психологии отмечают, что нации, находящиеся на высоком уровне экономического развития, подчеркивают у себя такие качества, как ум, предприимчивость, деловитость, а нации с более отсталой экономикой — доброта, сердечность, гостеприимство. Подтверждением сказанному может служить исследование С.Г. Тер-Минасовой, согласно результатам которого, в

немецком обществе более ценится профессионализм, трудолюбие, ответственность, а в русском – гостеприимство, справедливость, общительность [163, с. 255].

Таким образом, языковая личность «реализуется» и характеризуется с помощью языковых доминант, среди которых важное место принадлежит фразеологическим образованиям.

3 Сопоставительный анализ концепта «время» во фразеологии немецкого и русского языков

3.1 Концепт «время» в русском и немецком языках: лингвокультурологический анализ

Во всех культурах категория времени служит важным показателем темпа жизни, ритма деятельности. От того, какова ценность времени в культуре, зависят типы и формы общения людей, образ жизни. По этой причине отношение ко времени в той или иной культуре следует обязательно учитывать при общении с ее представителями.

Каждая культура имеет свой собственный язык времени. Время – неотъемлемая часть содержательной стороны языка, что находит выражение в единицах различных языковых уровней: морфологических – в виде глагольной категории времени, лексических – в качестве слов с временным значением; синтаксических – в виде темпоральных синтаксических конструкций. К грамматическим средствам также относятся некоторые падежи, предлоги (до, после, vor, nach) и т.д. Но все же самые тонкие нюансы временной системы различных культур нашли свое выражение во фразеологии.

Ритм жизни может связывать людей между собой или изолировать их друг от друга. Люди с различными жизненными ритмами с трудом понимают друг друга, так как они живут асинхронно. В одних культурах этот ритм очень медленный, в других – очень быстрый. Поэтому по способу использования времени культуры принято разделять на два противоположных вида: в одних культурах время распределяется таким образом, что в один и тот же отрезок времени возможен только один вид деятельности, поэтому одно идет за другим, как звенья одной цепи. Культуры, в которых доминирует такой вид распределения времени, называются монохронными, так как в них за один период времени выполняется только одно дело. Такой является культура Германии. Явная склонность представителей немецкой культуры к планированию, соблюдению договоренностей, сосредоточенность на выполнении одного дела в определенный промежуток времени являются проявлениями монохронности.

В других культурах время распределяется таким образом, что в один и тот же отрезок времени возможен ни один, а сразу несколько видов деятельности. Такие культуры называются полихронными, поскольку сразу несколько дел выполняются одновременно. К типичным полихронным культурам относится Россия [56, с. 102]. Пунктуальности и распорядку дня в этих культурах не придается большого значения.

Безусловно, в каждом обществе присутствуют элементы как монохронного, так и полихронного времени. Можно говорить о значительно большей степени выраженности монохронной системы времени в Германии по сравнению с Россией.

Различия в поведении русских и немцев по темпоральному фактору связаны не только с микроперспективой (полихронность/монохронность). Свой

отпечаток на фразеологический фонд накладывает и макроперспектива временной ориентации (направленность на прошлое, настоящее, будущее). В этом плане считается, что Россия более чем, Германия, ориентированна на прошлое. Подтверждением тому может служить русская реклама, в которой преобладают ценности дореволюционной России и бывшего СССР. Качество товара, его название вызывает больше доверия у населения, если оно коррелирует со старым добрым прошлым: «Кофейня на паях», «Конфеты Коркунов», «Наша марка «Красный Октябрь», «Качество не моей мануфактуры» и т. д. [125, с. 65]. Об этом свидетельствуют также и фразеологизмы со значением «прошлое», «давно», «очень давно, неизвестно когда», общее число которых составляет 4,5% от всех исследуемых русских ФЕ со значением «время» по сравнению с 3,8% немецких ФЕ: *при Царе Горохе; вчерашний день; во время оно; до сего времени; в прежние времена; испокон веков* и др.

Немецкая культура рассматривается как менее направленная на прошлое. Примером этого служат фразеологизмы со значением «будущее», «в будущем», «скоро, очень скоро», количество которых составляет 6% по сравнению с 4,5% в русском языке: *er trägt den Marschallstab im Tornister, unverzagt in die Zukunft blicken, eine lichtvolle Zukunft*.

Философы утверждают, что время – это другое название для жизни. И язык подтверждает это, называя с помощью единиц времени духовные сущности: *час расплаты – die Stunde der Rache, die Stunde der Vergeltung, часы одиночества – die Stunde der Einsamkeit, часы бедствия – die Stunde der Not, час опасности – die Stunde der Gefahr, час забвения – die Stunde der Vergessenheit, час смирения – die Stunde der Demut*. В Библии мы встречаем следующие выражения: *минута покаяния – Buß- und Bettag, смертный час – die Todesstunde*.

Т.М. Николаева связывает время с событием, предлагая говорить не о цикличности времени, а о циклических-во-времени-событиях. И, действительно, во всех языках, в том числе и в немецком и в русском есть много слов для наименования периодов протекания различных событий: *завтрак – das Frühstück, обед – das Mittagessen, ужин – das Abendessen, пост – Fasten, Пасха – Ostern, Рождество – Weihnachten* и др. Если имеются в виду отрезки времени неопределенной длительности, то называются такие единицы, которые служат для счета времени – *месяц – der Monat, неделя – die Woche, год – das Jahr* и т.д. Сам факт присутствия в языке наименований единиц для измерения времени свидетельствует о том, что оно дискретно и измеримо.

Отличительной чертой любой языковой модели является ее ориентированность на человека, поэтому признаки антропоцентричности нашли отражение в языковой модели времени: детство, юность, зрелость, старость. Выделение периодов, характеризующих временные особенности человека, накладывает на объективное время определенные рамки. Жизнь человеческая просматривается сквозь призму модели времени: *утро жизни, закат жизни*. Уважение к старости и немцев и русских, их шутливое отношение к молодости, печаль о прожитых годах и о бренности

существования человека: *выйти из детского возраста – die Kinderschuhe austreten; тридцатилетний / сорокалетний – doppelter Teenager / doppelter Twenty; молодо-зелено, погулять велено – Jugend muss sich austoben / Jugend hat keine Tugend; и на старуху бывает проруха – Alter stürzt vor Torheit nicht; нежный возраст – ein zartes Alter; на старости лет – auf seine alten Tage; стар и млад – alt und jung; яйца курицу не учат – Eier lehren die Henne nicht; яблоко от яблони не далеко падает – wie die Alten singen, so zwitschern auch die Jungen / der Apfel fällt nicht weit vom Apfelbaum; юношеский пыл – jugendliches Feuer; что в детстве просим, то под старости бросим – vom Jugend ersehnt, vom Alter abgelehnt; тряхнуть стариной – das Alte auffrischen; старый конь борозды не портит – mit altem Hunde ist die sicherste Jagd; стареть не радость – Alter ist ein schweres Malter; старого пса к цени не приучишь – alte Hunde sind schwer bängig zu machen; старого воробья на мякине не проведешь - alte Spatzen fängt man nicht mit Spreu; старая карга – die Wachtel; дни сочны – j-s Tage sind gezählt; сын своего времени – ein Kind seiner Zeit; иметь немало лет за плечами – so manches Jährchen auf dem Buckel haben; без году неделя – unlängst vor kurzem, рано сойти в могилу – ein frühes Grab finden; раньше смерти не умрешь – niemand stirbt vor seinem Tage; он человек бывалый – er ist nicht von heute; век живи – век учись – man wird alt wie eine Kuh und lernt noch immer was dazu; jeder Tag bringt was Neues zu lernen; отжить свой век – zum alten Eisen gehören ничто не вечно под луной – nichts ist dauernd als der Wechsel.*

«Время» в русском языке произошло от «время», которое родственно словам «вертеть», «веретено». В русской картине мира, таким образом, идея времени связана с идеей повторяемости, регулярности, цикличности. В немецком же «Zeit» иная идея времени – линейный образ: глагол «ziehen» - тянуть.

Таким образом, русский язык отражает время, которое движется по кругу, циклично. Циклично – это «на майские», «к октябрьским», «на крещение».

Согласно немецкому подходу, время линейно, одномерно, однонаправлено и необратимо. Время движется, и его движение непрерывно. Каждое его мгновение уникально. Время нельзя остановить, повернуть вспять. Н.Д. Арутюнова считает, что время подобно числовому ряду, оно линейно и необратимо, как путь, как поток. Абстрактная модель времени – это прямая линия, ориентированная в обе стороны от точки отсчета.

Не будет преувеличенным сказать, что концепт, включенный в немецкое слово «Zeit», реализуемый в понятиях «Pünktlichkeit», «Planung», «Terminkalender», «Organisation» относится к ключевым элементам национальной культуры. Примеры немецкого отношения ко времени содержат следующие фразеологизмы: *Zur rechten Zeit kommen; Wer nicht kommt zur rechten Zeit, der muss essen, was übrigbleibt; Alles zu seiner Zeit; Ende gut, alles gut; Die Zeit bringt Rosen; Was zu rechten Zeit kommt, ist am wertesten; Die Zeit drängt; Es hat Eile; Es duldet keinen Aufschub; Es ist die höchste Eisebahn; Die Zeit eilt; Die Zeit verrinnt; Die Zeit verfließt.*

Для большинства русских время не является жестким принципом их жизни. Поэтому отношение к нему часто можно назвать легкомысленным, что

находит отражение во всякого рода опозданиях, переносах мероприятий, изменениях повестки дня заседаний, несоблюдения графиков автобусов, поездов и т. д., о чем свидетельствуют фразеологизмы: *гром не грянет, мужик не перекрестится; день да ночь – сутки прочь*.

Размытость и растяжимость во времени в русской парадигме проявляются также на вербальном уровне, что часто бросается в глаза иностранцам. Русский язык позволяет выразить договоренность, например, о встрече достаточно неопределенно: *примерно, приблизительно, около, после дождичка в четверг, не сегодня – завтра*. Простое изменение порядка слов в словосочетании «в семь часов» на «часов в семь» вполне может служить коммуникативной помехой, культурным шоком, особенно для немецкой точности. [99, с. 34]. Особенно сильно ощущают культурный шок лица, выезжающие за рубеж на постоянное место жительства. Как правило, русский не видит проблемы в том, что он лишь накануне предупреждает своего делового партнера о предстоящем визите, а для немецкого коллеги, у которого все распланировано заранее, это просто не приемлемо. Вместе с тем иногда культурный шок бывает полезен для саморазвития и личностного роста.

В Германии принято планировать все: визит к друзьям и даже к родственникам, отпуск и выходные дни, деловые встречи и конференции. Планирование, с немецкой точки зрения, максимально усиливает эффективность любого назначения. Непременным атрибутом почти любого немца является записная книжка с планом встреч и событий, без которой он ощущает себя неуверенным и незащищенным. Присущая же русским спонтанность и некоторая авральность выполнения дел вызывает полное недоумение и даже раздражение у немцев.

Важным показателем того, как обходятся со временем в немецкой и русской культурах, служит отношение людей к пунктуальности. Пунктуальность немцев рассматривается ими как гарантия надежности. Более того, как общество с низкой степенью терпимости к неопределенности, стремящееся максимально обезопасить свое будущее, предотвратить возможные проблемы, оно воспринимает пунктуальность и долгосрочное планирование в качестве способов противодействия непредсказуемости. Об этом свидетельствуют фразеологизмы: *Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen; Was einer früh um viere tut, das kommt ihm nachts um neun zugut; Morgenstunde hat Gold im Munde; Langweilig ist der Tag bis zum Abend, wenn man nichts zu tun hat*. В свою очередь, гиперчувствительное отношение ко времени в немецкой культуре не отвечает русским представлениям о его эффективном использовании: *поживем – увидим; еще не вечер; искать вчерашний день*.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: ни один контакт между людьми, принадлежащими к различным временным системам, не обходится без стресса. При этом очень сложно избежать негативных эмоций, если приходится подстраиваться под другую временную систему. Здесь важно всегда помнить, что на поступки людей из другой системы времени нельзя реагировать точно так же, как на те же поступки людей из своей временной

системы. Многие действия, например, такие, как опоздание или внезапный перенос встреч, имеют иное, а иногда и просто противоположное значение.

3.2 Фразеологический образ в языковой модели времени

Фразеологизмы обладают способностью отражать фрагменты языковой картины мира определенного народа. Именно фразеологизмы, являясь яркими, образно-эмоциональными, экспрессивными средствами языка способствуют созданию эстетически значимой, художественной картины мира, своеобразие которой заключается

в восприятии чувственно осязаемых, зрительно представляемых, наглядных образов. Фразеологические единицы, являясь вторичными номинативными средствами, обладают двуплановостью, в которой заключен источник фразеологической образности, «обладают памятью» - внутренней формой, в которой запечатлены те или иные моменты, ситуации, фрагменты действительности в виде представления, своеобразной «картинки», чаще яркой, выразительной, - в виде фразеологического образа [178, с. 4].

Фразеологический образ, или «то наглядное представление, своего рода «картинка», на фоне которой воспринимается целостное значение фразеологической единицы как обобщенно-переносное, как метафорический или метонимический дериват, возникший в результате глобального переосмысления первоначального смысла словесного комплекса-прототипа» [148, с. 58], является структурирующим элементом всякой фразеологической единицы (ФЕ), в том числе и ФЕ, представляющей собой языковую модель времени.

Языковой моделью времени мы будем называть интерпретацию времени, содержащуюся в семантике фразеологизмов, группирующихся вокруг понятия *время*.

Значение ФЕ *когда рак на горе свистнет, неведомо когда, до второго пришествия, до гробовой доски, до морковкина заговенья, до новых венков, это долгая песня* в «Лексико-фразеологическом словаре русского языка» определяется как «неопределенно долго». В немецком языке аналогичное значение имеют фразеологизмы *am Nimmerleinstag, wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen, wenn der Fuchs und der Hase einander „gute Nacht“ sagen*. Уточнение актуального значения перечисленных фразеологизмов – одна из задач семантического исследования ФЕ, образно выражающих временное значение в русском и немецком языках.

Основу семантики фразеологизмов с временным значением представляет фразеологический образ. «Фразеологический образ как один из компонентов плана содержания является основным «хранителем» национальной специфики фразеологизма» [20, с. 23]. Выражается же этот образ лексическим составом и грамматической структурой ФЕ, которые позволяют сопоставить первоначальный смысл словесного комплекса-прототипа с результатом его семантической трансформации и создают необходимые условия для двойственного видения мира, на чем и основано само явление образности.

Означенные этапы изучения ФЕ представляют собой своего рода методологию лингвистического исследования фразеологического образа.

Придерживаясь данной методологии, попытаемся продемонстрировать национальную специфику образа нескольких ФЕ. Примечательно, что фразеологизмы *когда рак на горе свистнет; неведомо когда, до второго пришествия; до гробовой доски; до морковкина заговенья; до новых веников; это долгая песня; am Nimmerleinstag; wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen; wenn der Fuchs und der Hase einander „gute Nacht“ sagen* обладают национально-культурной спецификой, которая в разной степени отражается как на поверхностном уровне (наличие топонимов и т.д.), так и на глубинном уровне. Так фразеологизмы *когда рак на горе свистнет; до второго пришествия; am Nimmerleinstag; wenn Pfingsten und Ostern auf einen Tag fallen; wenn der Fuchs und der Hase einander „gute Nacht“ sagen* выражают идею нетемпорального времени*, национальная специфика которых осознается как на глубинном, так и на поверхностном уровнях. Семантика же ФЕ *до новых веников, до гробовой доски; bis zum Grabe* отражает отдаленное, но все же темпоральное время (при этом национальная специфика их отражается уже лишь на поверхностном уровне), однако, наиболее образными, экспрессивными, эмоционально-оценочными являются ФЕ первой группы. В их фразеологических образах отражается восприятие действительности, связанное с мифологическим мышлением, верой в сверхъестественные силы.

Наивное восприятие фрагментов действительности, связанное с мифологическими представлениями, отражает внутренняя форма фразеологизма *когда рак на горе свистнет*. Значение ФЕ следует трактовать – «не скоро, неизвестно когда». Фразеологизм, как правило, выражает отрицательную оценку, обусловленную его фразеологическим образом. Свистящий рак представляет собой жизненную аномалию, вследствие чего фразеологический образ вызывает представление долгого, бесконечного ожидания чего-либо, чего можно вовсе не дожидаться, поэтому фразеологизм *когда рак на горе свистнет* вызывает отрицательные эмоции: *Вера в бога рухнула, словно карточный домик. Настал день, когда он (Герман) ушел из академии, оставив краткую записку: «У вас все ложно, вредно, мерзко, гнусно! Ждите сами второго пришествия Христа, когда рак свистнет. Считайте это моим заявлением об уходе».* (В. Розанов. Боги сходят на землю.) Такое же значение имеют и немецкие фразеологизмы *wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen; wenn der Fuchs und der Hase einander „gute Nacht“ sagen*. Совпадение этих событий, пасхального праздника и поста, в один день невозможно, а лиса с зайцем злейшие враги, поэтому они не пожелают друг другу «спокойной ночи».

Основная функция фразеологического образа, в том числе и с временным значением, как нам представляется, состоит в том, чтобы выразить субъективный, эмоционально-оценочный взгляд на мир, чтобы приблизить к нам языковые факты, сделать их яркими, наглядными, зримыми, эстетически значимыми, существующими реально и в нашем воображении.

* Под нетемпоральностью мы понимаем отсутствие в семантической структуре ФЕ временных маркеров

Когда мы произносим фразеологизм *при царе Горохе*, то мысленно представляем, что что-то произошло очень давно, в нетемпоральном времени. Наши представления связаны с ассоциативным мышлением, в основе которого – знание сказок.

Отвлекаясь от сказочной природы фразеологизма, обратимся к структурно-семантическому анализу. Фразеологизм *при царе Горохе* построен по модели субстантивного словосочетания, являющегося типичным для выражения временных отношений в русском языке (ср. *не сегодня-завтра, первым делом, с утра пораньше, ни свет ни заря*). Формированию временных отношений способствует не только предлог «*при*», который употребляется при указании явления, события, факта, с которым совпадает по времени какое-либо действие, но и существительное *царь*, прямым номинативным значением которого является – глава государства, существовавшего очень давно. Компонент *царь Горох*, который никогда не существовал, придает фразеологизму оттенок значения неопределенности. Образность фразеологизма возникает на фоне одновременного представления ситуации, вызванной буквальным значением словесного комплекса-прототипа и ситуацией, связанной с целостным обобщенно-переносным значением «очень давно, неизвестно когда». Как видим, без ассоциативного мышления, без дополнительных фоновых знаний трудно определить основное значение фразеологизма, которое чаще всего связано с национальными особенностями.

Фразеологизм *при царе Горохе* употребляется чаще всего с шутливой, ироничной коннотацией, обусловленной внутренней формой ФЕ, фразеологическим образом: *О том, что происходило когда-то, при царе Горохе, где-нибудь в тридевятом царстве, в тридесятom государстве, рассуждать было легко.* (Н. Рыленков. Великая Росстан.)

Тут (в мараловодческом совхозе) дело на той самой научной основе, которая еще при царе Горохе была. (С. Залыгин. Тропы Алтая)

Когда дед решил разжечь костер, чтобы сварить кулеш, и не мог найти спичек, Сашка протянул ему свой кремень и трут. Дед и Петрик добродушно рассмеялись. – Техника твоя – курам на смех, - сказал дед. – При царе Горохе ею еще пользовались. У нас Днепрогэс рядом, а ты мне трут даешь. (П. Журба. Александр Матросов)

Этот дом еще дед Архип строил, отец мужа моего покойного, - тихо отозвалась Авдотья. – Оно и видно, что при царе Горохе ставили. (Ю. Грибов. Журавлиная стая)

В основе немецкого фразеологизма *als der alte Fritz noch Gefreiter war*, так же как и русского, лежит образ главы государства, жившего очень давно. Но в отличие от компонента *царь Горох*, который присутствует в русском фразеологизме, *der alte Fritz* - это не вымышленный персонаж, которого никогда не было, а реальная личность, существовавшая в немецкой истории. *Der alte Fritz* (Старый Фриц) – это прозвище прусского короля и курфюрста бранденбургского Фридриха II (1712 - 1786), ставшего прусским королем в 1740 году и известного под именем *Friedrich der Grosse*.

Фразеологизм *отложить что-либо в долгий ящик*, т.е. отложить, перенести что-либо на долгий, неопределенный срок, имеет иную структуру. Он построен по модели глагольного словосочетания. Формированию временных отношений способствует прилагательное *долгий*, прямым значением которого является *длинный*. По одной из версий, фразеологизм восходит к эпохе царя Алексея Михайловича (1629-1676), в подмосковной резиденции которого, в селе Коломенском, перед царским дворцом был установлен *долгий ящик* для челобитных, большая часть которых вообще оставалась без ответа [Жуков 2003: 67]. Внутренняя форма данного фразеологизма определена не народным фольклором, а известным историческим фактом. Фразеологический образ, структурирующий целостное обобщенно-переносное значение ФЕ, актуализирует в значении фразеологизма сему «отдаленность во времени»: *Чичикову хотелось поскорее кончить все, не откладывая в долгий ящик*. (Гоголь. Мертвые души)

Между тем молодые... не откладывали дел своих в долгий ящик и потому решили немедленно ехать на базар (Д. Григорович. Деревня)

Прохор всегда был крут в поступках, поэтому, не откладывая в долгий ящик начатых хлопот, он в час дня позвонил к баронессе Замойской. (В. Шишков. Угрюм-река)

У нас есть товарищи, у которых вошло в привычку «признавать», «одобрять», даже составлять что-то вроде планов, а самое дело откладывать, как говорится, в долгий ящик. (А. Колосов. Новое поле)

В немецком языке существует свой эквивалент данного фразеологизма: *etwas auf die lange Bank schieben*. Но русский фразеологизм подчеркивает больше, что решение какого-либо дела откладывается на неопределенное время, надолго, в то время как немецкий фразеологизм делает акцент на том, что кому-либо очень не хочется что-либо (может быть неприятно) делать сейчас, сегодня и он откладывает это на некоторое время.

С устным народным творчеством связана образная структура фразеологизмов *в один прекрасный день; es war einmal; час от часу; ни свет ни заря; in aller Frühe; bei Tagesanbruch; в мгновение ока; im Handumdrehen; im Augenblick; испокон веков; seitdem die Welt steht; seit Menschengedenken; во веки веков; во время оно; на веки веков; für ewige Zeiten; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; das ist bald gesagt, aber schwer getan*.

Многие фразеологизмы с образным значением «очень давно» сохранили архаичные формы, реликты, свойственные древнейшей эпохе: торжественно воспринимаются фразеологизмы *во время оно / во времена оны / в оны дни*. Патетически звучат и немецкие фразеологизмы, сохранившие свои архаичные формы *anno, Anno, Anno Tobak, Anno Domini*.

Образная структура фразеологизма *во время оно* построена на ассоциативном представлении, связанном со старинной формой местоимения *оно* в значении «то», актуализирующего отдаленность во времени. Особую лиричность фразеологизму *во время оно* придает фонетический образ: все слоги в образном выражении являются открытыми (заканчиваются гласным звуком), что способствует возникновению ощущения гармоничности, певучести.

Архаичная форма свойственна и фразеологизму *денно и ночью*, представляющему собой сочетание слов с сочинительным союзом *и*, который соединяет равнозначные компоненты. Патетичность, торжественность фразеологизмы приобретают именно за счет словесного комплекса-прототипа (далее СК-прототип), содержащие архаизмы: *денно и ночью, во времена оны, Anno, Anno dazumal...*

На фоне этих книжных, торжественно-патетических ФЕ совсем обычно, непринужденно мы воспринимаем фразеологизм *до морковкина заговенья*, созданный творческим воображением русского народа, отражающий его традиции и верования. Этот фразеологизм имеет значение «неопределенно долго, до времени, которое никогда не наступит, до бесконечности». На первый взгляд, актуальное значение фразеологизма является необычным, немотивированным, однако, если внутреннюю форму фразеологического выражения, лингвистически представленную СК-прототипом *до морковкина заговенья*, если представить его фразеологический образ, то можно вывести определенную закономерность формирования актуального значения «неопределенно долго, до бесконечности» у фразеологизма *до морковкина заговенья*.

Заговенье у христиан – последний день перед постом, когда верующим разрешалось есть скоромное, т. е. молочную и мясную пищу. Во время наступающего потом поста на такую пищу устанавливается запрет. В заговенье же еще разрешалось есть жирную пищу, поэтому необычное, алогичное соединение слова *заговенье* со словом *морковка* способствует возникновению коннотации иронии. Созданию яркой образности, экспрессивности и выразительности способствует и словообразовательный элемент – фразеологизм *до морковкина заговенья* содержит лексический компонент «морковкин», являющийся окказиональным образованием от слова «морковка» при помощи суффикса «ин». Такой способ словообразования в русском языке раньше являлся продуктивным. Ю.А. Гвоздырев отмечает: «В русском языке названия церковных праздников и обрядов традиционно употреблялось с временным значением, например: *до Филиппова заговенья*» [15, с. 121]. Вероятно, по такой же словообразовательной модели возникло шутивное фразеологическое выражение *до морковкина заговенья*.

Фразеологизм *до второго пришествия* образно выражает значение «неопределенно долго». Являясь библейским по происхождению, выражение чаще всего сочетается с глаголом *ждать*. Сочетаемость фразеологизма обусловлена внутренней формой образного выражения: библейским героям часто приходилось подолгу ждать лучшей доли, удачи, избавления от тяжелой болезни до пришествия Христа. Синтаксическая модель фразеологизма представляет собой субстантивное словосочетание, состоящее из существительного в родительном падеже, употребленного с предлогом *до*, указывающим на временной предел действия или состояния, и числительного. Такая конструкция является характерной для субстантивных словосочетаний, выражающих количественные отношения в русском языке (ср. *до первой звезды, до седьмого пота, до седьмого неба, до седьмого коленья*). В основу

немецкого фразеологизма *bis zum Nimmerleinstag* (дословный перевод: до греческих календ) лег не библейский сюжет, а исторический факт. Синтаксическая модель фразеологизма является аналогичной русского фразеологизма: субстантивное словосочетание, состоящее из существительного в дательном падеже и предлогов *bis zu* со значением временного предела.

Многие фразеологизмы с временным значением и в немецком и в русском языках построены на противопоставлении. Самыми яркими примерами противопоставлений является пословица *делу время, потехе час* и ее эквивалент в немецком языке *erst die Arbeit, dann das Vergnügen*. В немецкой пословице противопоставление достигается за счет использования контекстуальных антонимов *die Arbeit* и *das Vergnügen*, а также временные наречия со значением «начало и конец» *erst* и *dann*.

В русской пословице противопоставление содержит не только синтаксическая структура – бессоюзное сложное предложение с пропущенным сопоставительным союзом *а*, но и противопоставлены и лексические элементы – контекстуальные антонимы *дело* и *потеха*, а также *время* и *час*.

На основе анализа данных фразеологизмов, образно выражающих значение времени в русском и немецком языках, можно сделать некоторые выводы:

1 Фразеологический образ способствует формированию экспрессивности, эмоциональности, оценочности и выразительности ФЕ, так как является основной, определяющей, доминирующей компонентой фразеологического значения.

2 Образная основа многих русских и немецких фразеологизмов с временным значением построена на гиперболической метафоре: идея значительного преувеличения количественных признаков и временных ориентиров определяет образную структуру ФЕ *при царе Горохе, als der alte Fritz noch Gefreiter war, когда рак на горе свистнет, wenn der Fuchs und der Hase einander „gute Nacht“ sagen, в мгновение ока, blitzschnell, im Augenblick, в один миг*. Внутренняя форма связана с идеей нетемпорального времени.

3 Семантические особенности ФЕ с временным значением в обоих языках обусловлены, прежде всего, фразеологическим образом, который способствует не только актуализации временного значения фразеологизмов, но и обуславливает их семантические различия, поэтому синонимичные по своему значению фразеологизмы *когда рак на горе свистнет; wenn der Pfingsten und der Ostern auf einen Tag fallen; до второго пришествия; bis zum Nimmerleinstag; до морковкина заговенья с одной стороны и до новых веников; до гробовой доски; bis zum Grabe* с другой различаются в своем смысловом содержании: первые толкуются как «очень долго, неизвестно когда», а вторые как «очень долго».

3.2.1 Метафорический образ во фразеологизмах со значением

«время»

Основная функция фразеологизмов, образно выражающих значение времени в немецком и русском языках, не столько объяснительная, мотивирующая, сколько экспрессивная, эмоциональная, оценочная, что лингвистически представлено в формировании коннотативного компонента и отражении иерархии его «составляющих»: эмоциональности, экспрессивности, образности, оценочности. Формирование коннотативного компонента фразеологического значения – это логически и психологически обусловленный процесс, который имеет лингвистическую основу. Этот процесс отражен нами в логико-семантических (мотивационных) моделях. Логико-семантические модели фразеологизмов со значением «время», с одной стороны, способствует систематизации и обобщению фразеологического материала, а с другой – отражают закономерный процесс формирования фразеологической образности. Логико-семантическая модель фразеологизмов со значением «время» является двучленной, двухкомпонентной. Первый компонент представлен абстрагированной ситуацией, свойствами, являющимися следствием прочтения прямого прочтения СК-прототипа фразеологизма, второй компонент – это семантический результат, представляющий единое обобщенно-переносное значение фразеологизма как следствие глубинной семантической трансформации СК-прототипа. Следовательно, СК-прототип находит отражение, как в плане выражения, так и в плане содержания.

Логико-семантическая модель фразеологизмов со значением «время» в немецком и русском языках может репродуцировать метафорический, метонимический и смешанные типы переноса. Большая часть фразеологизмов со значением «время» представляет собой метафору.

Метафора же представляет собой сложный феномен онтологически связанный с человеком, пронизывающий язык и культуру, отражающий взаимообусловленность мышления особенностями языковой реализации. Ее универсальность проявляется в пространстве и времени, в структуре языка и в его функционировании, поскольку это и стилистическое средство создания ярких и запоминающихся образов, и средство номинации, и особый вид речевого употребления, воздействия на собеседника, а также способ мышления и познания действительности, способ аккумуляции и трансляции национальных этнических стереотипов, «картины мира» данного этноса [213, с. 108]. Согласно теории концептуальной метафоры (Jakoff/Johnson) метафора понимается как когнитивная операция над понятиями, как средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур изначально сложившихся на базе опыта в других областях [228, с. 126]. «Переносу» подвергается не изолированное имя, а целостная концептуальная структура, активизируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка. Таким образом, метафора – перенос когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, которой она исконно

принадлежит, в другую область. Можно утверждать, что для определенных концептов сложился конкретный метафорический образ или базовая метафора.

Основываясь на этом, можно предположить, что базовой метафорой концепта «время» и в немецком и в русском языках является метафора *время – это движение*. Эту метафорическую модель мы предлагаем условно разделить на три образных поля: *die Zeit fließt* - *время течет*, *die Zeit dreht sich im Kreise* – *время движется по кругу*, *die Zeit steht still* – *время остановилось*.

Если воспринимать время как движение, то в качестве ядра этого поля можно представить такие метафоры как *время проходит* – *die Zeit vergeht*, в основе которых образ быстротечности, бренности, преходящего, отсюда такие производные формы, характерные для обоих языков, как *прошлое*, *прошедшее*, *преходящее*, *vergangen*, *vergänglich*, *Vergangenheit*, *Vergänglichkeit*. К ядру этого поля относятся также метафоры *die Zeit läuft* – *время бежит*, *der Lauf der Zeit* - *бег времени*, в то время как метафоры *Zeit fließt* - *время течет* находятся на периферии, так как не упоминаются в словарях. Положение на периферии отнюдь не означает, что эти метафоры реже употребляются, возможно, как раз обособленность этих метафор составляет их эмоциональность и экспрессивность. В основе этой метафоры *die Zeit fließt* - *время течет* лежит правомерное сравнение времени с течением воды, которое человек не может остановить, как и течение времени. Можно предположить, что образность концептуальной метафоры тем больше возрастает, чем дальше она находится от ядра. К периферии этого поля принадлежат такие метафоры как *время летит* - *die Zeit verflicht*. В немецком поле встречаются метафоры, звучащие возвышенно и патетически и не характерные для русского поля *die Zeit wandelt*, *die Zeit entflieht*.

Если за исходную метафору брать *время – движение* – *die Zeit ist Bewegung*, то совершенно логичными кажутся метафоры *die Zeit dreht sich im Kreise* – *время движется по кругу*, которые мы использовали в качестве названия второго поля. Здесь сравнение с водой не уместно, так как, как мы знаем, дважды в одну реку нельзя войти. Но в концепте «движение» ничего не указывает на то, что это движение должно происходить линейно. Например, цикличность ночи и дня относится к самому первому житейскому опыту человека.

Третье поле *die Zeit steht still* – *время остановилось* вовсе не отрицает исходное утверждение *время – движение*, а наоборот логично интегрируется в обобщенное метафорическое поле «движение», так как оба глагола *остановиться* и *stehenbleiben* в значении своем подразумевают движение.

Метафорическим типом переноса связана образная структура многих других фразеологизмов, как вошедших так и не вошедших в три вышеназванных поля: *на носу*, *на пороге*, *vor der Tür*, *an der Schwelle* и др. Фразеологизм *на пороге*, по синтаксической структуре представляющий предложно-падежное соединение слова, означает начало жизненного пути. Фразеологический оборот образно выражает значение времени, которое ассоциируется с ожиданием чего-то радостного, светлого. Сравним: *весна на пороге*, *на пороге третьего тысячелетия*. Такое восприятие связано с

фразеологическим образом, вызывающим представление начала, имеющего перспективу развития. Даже синтаксическая конструкция СК-прототипа, являющаяся типичной для выражения пространственного значения (*на дороге, на земле, на поляне*) способствует формированию наглядно-чувственного представления: соединение пространственной и временной метафор. Несмотря на аналогичную синтаксическую конструкцию и лежащую в основе метафору в отличие от русского эквивалента немецкий фразеологизм *an der Schwelle* употребляется с отрицательной коннотацией, например, *an der Schwelle des Todes*.

Понять фразеологизм, основанный на метафоре – значит разгадать, какие из свойств обозначаемого объекта выделяются в ней и как они поддерживаются за счет ассоциаций, вызванных «буквальным значением» СК-прототипа. Следует отметить, что метафора для нас важна вовсе не как средство вторичной номинации, а как средство коннотации уже однажды названного явления.

Буквальное значение совокупности компонентов СК-прототипа может, например, представлять собой алогизм, изображение абсурдной ситуации, невозможной в реальной жизни: *когда рак на горе свистнет, после дождика в четверг, не доходя две недели в сторону, wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht“ sagen, wenn Pfingsten und Ostern auf einen Tag fallen*. Следует отметить, что все алогизмы – это метафоры. Противоречие как художественный прием широко используется во фразеологии. Наиболее образными, экспрессивными, эмоциональными, оценочными являются фразеологизмы, образная основа которых построена на алогизме. Ирреальная ситуация, закрепленная в СК-прототипе *когда рак на горе свистнет* (раки в действительности не свистят и не живут на горе), *wenn der Hahn Eier liegt* (петухи не откладывают яйца) идея движения, существующая в СК-прототипе *не доходя две недели в сторону*, не реализована, в реальности дождь не обязательно может быть в четверг (*ФЕ после дождика в четверг*), – все эти факторы формируют актуальное временное значение «никогда», которое является логически обоснованным и мотивированным. Противоречие, раскрывающееся при сопоставлении значения СК-прототипов перечисленных фразеологизмов с их обобщенно-переносным значением, является противоречием качества, свойства и соответствует традиционному оксюморону.

В основе образной структуры таких фразеологизмов как *глазом не успел моргнуть* – *ohne mit dem Wimper zu zucken*, как *ракета* – *wie eine Rakete*, *молниеносно* – *blitzschnell* находится гиперболическая метафора, что является логически оправданным – чрезмерное увеличение скоростного признака способствует усилению значения «очень быстро».

Метафора лежит в основе образной структуры фразеологизмов *тянуть время* – *das Spiel verzögern*, *искать вчерашний день* – *den gestrigen Tag suchen*, *убивать время* – *die Zeit totschiagen*, где представлена идея манипуляции человека временем. Однако, во фразеологической картине мира, отражающей образное восприятие времени как живого существа, с которым возможны различные эксперименты, манипуляции, человек воспринимается как существо

пассивное, безынициативное и бездеятельное (манипулирование временем – это воображаемая деятельность человека). Особенности восприятия времени человеком, его желание выдать действительное за реальное представлены в значении фразеологизмов *тянуть время – das Spiel verzögern*, *искать вчерашний день – den gestrigen Tag suchen*, *убивать время – die Zeit totschiagen*, *выиграть время – die Zeit gewinnen*.

Метафорический перенос, представленный лингвистически в двухкомпонентной логико-семантической модели, обладает большими эмоциональными, экспрессивными и оценочными возможностями по сравнению с метонимическим переносом. Внутренняя форма фразеологизмов *тянуть время – das Spiel verzögern*, *искать вчерашний день – den gestrigen Tag suchen*, *убивать время – die Zeit totschiagen*, *выиграть время – die Zeit gewinnen* связана с олицетворением. Мы представляем себе человека, который, чтобы как-то приспособиться к быстротекущему времени, старается *растягивать, тянуть время*, однако ему это не удается, и он *ищет вчерашний день*. Такое пассивное восприятие времени осуждается и немецким и русским народом.

В современной лингвистике существует проблема разграничения метафоры, символа и образа. Многие исследователи отмечают образную природу символа, утверждают, что символ непосредственно связан с образом. Символ, как и метафора, – это, прежде всего знак, материальная сущность, однако в отличие от метафоры, означаемое символа значительно глубже, шире и многограннее, чем то означаемое, которое свойственно обычно метафоре. Так, например, слово *час* в немецкой и русской фразеологии является символом судьбоносности. Данное явление отражает образная структура фразеологизмов *смертный час – die Todesstunde*, *час расплаты – die Stunde der Rache*, *die Stunde der Vergeltung*, *часы одиночества – die Stunde der Einsamkeit*, *часы бедствия – die Stunde der Not*, *час опасности – die Stunde der Gefahr*, *час забвения – die Stunde der Vergessenheit*, *час смирения – die Stunde der Demut*.

Символ и метафору объединяет то, что, являясь образной основой фразеологизмов, выражающих значение времени, они выполняют, прежде всего, эстетическую функцию, создавая яркие, впечатляющие, наглядные, чувственно-осознаваемые образы, которые способствуют моделированию лингвовременной картины мира.

Как мы убедились, человеку свойственно различное восприятие времени, что находит отражение в лингвовременной картине мира. Одни считают: *чему быть, того не миновать – was sein soll, schickt sich wohl*, другие философски заключают: *утро вечера мудренее – über Nacht kommt Rat*, одни стремятся *довести дело до конца – die Sache zu Ende führen*, другие резюмируют: *на худой конец и так сойдет – für den schlimmsten Fall wird es schon gehen*. Психологическое восприятие человека может измениться, тогда соответственно меняется и его отношение ко времени, не зависимо от его национальной принадлежности. В основе восприятия времени лежит антитеза, которая в яркой форме выражает чувства, эмоции, оценку тех или иных явлений, антитеза нашла свое воплощение в лексических оппозициях, характеризующих разные параметры времени.

Человек может *владеть временем – die Zeit beherrschen* (а может быть, это ему кажется), *тратить время – die Zeit vergeuden*, *беречь время – die Zeit sparen*, *проводить время – die Zeit verbringen*, *коротать время – sich die Zeit vertreiben*, и, наконец (звучит как приговор) *убивать время – die Zeit totschiagen*. Человек стремится не только подчинить себе время, но и манипулировать временем: *тянуть волюнку – in die Länge ziehen*, *торопить время – zur Eile drängen*, *оттягивать время – auf die lange Bank schieben*, *отнимать время – Zeit in Anspruch nehmen*, но, увы, *время не только неуловимо – die Zeit ist nicht zu erreichen*, но и *неумолимо – die Zeit ist unerbittlich*, *времени не хватает – die Zeit fehlt*.

А может быть, *еще не время – es ist noch nicht soweit*, ведь *время работает на нас – die Zeit arbeitet für uns*, правда иногда *против нас – die Zeit arbeitet gegen uns*. Время может быть и гуманным по отношению к человеку: *время лечит – die Zeit heilt alle Wunden*, *расставляет все по своим местам – die Zeit stellt alles zurecht*, напоминая о бренности существования и о вечных ценностях.

Таким образом, фразеологизмы с временным значением, построенные на метафоре, характеризуются яркой образностью, эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью, обладая огромными коннотативными возможностями, обусловленными «образной составляющей», они способствуют структурированию лингвовременной картины мира, в которой находит отражение глубокое философское осмысление времени. Представленные логико-семантические модели фразеологизмов, отражающих метафорический перенос, способствуют не только обобщению и систематизации фразеологического материала, но и наглядно демонстрируют структурирование лингвовременной картины мира на основе фразеологического образа.

3.2.2 Выражение реального и ирреального времени во фразеологизмах

Ирреальное время существует в сознании человека, как и реальное время. Ирреальное время, отраженное во фразеологии – это время, непосредственно связанное с различными религиозными, мифическими, сказочными представлениями; чаще всего, это время, вызванное безудержной фантазией, неиссякаемым творческим воображением народа [178, с. 99]. Фразеологизмы, выражающие значение ирреального времени, являются самыми образными, экспрессивными, эмоциональными, так как их образность имеет двойственную природу: с одной стороны, они связаны с экстралингвистическими факторами (нереальностью ситуации, дающей простор безудержной фантазии), с другой – лингвистическими, проявляющимися в использовании для формирования образной структуры алогизмов, служащих самым ярким средством усиления образности, экспрессивности, эмоциональной оценочности, а значит, и коннотативности фразеологической семантики. Ирреальное время выражают фразеологизмы: *когда рак на горе свистнет*, *после дождичка в четверг*, *после пятницы в четверг*, *Бог знает когда*, *черт знает когда*, *на морковкино*

заговенье, *wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht“ sagen, wenn Pfingsten und Ostern auf einen Tag fallen, wenn der Hahn Eier legt.*

Фразеологизмы *когда рак на горе свистнет, а рыба запоет, wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht“ sagen, wenn Pfingsten und Ostern auf einen Tag fallen, wenn der Hahn Eier legt* имеют ироническую коннотацию. Данные фразеологизмы реализуют идею ирреального времени. Конкретно представленная ситуация, возникающая за счет буквального значения СК-прототипа, вызывает недоумение, так как вступает в противоречие со знанием, что в действительности раки не свистят, рыбы не поют, пасха и пост не выпадут на один день, а лиса и заяц никогда не подружатся настолько, чтобы пожелать друг другу «спокойной ночи». На формирование абстрактного временного значения влияет лексический компонент – местоименные наречия *когда* и *wenn*. Препозиция местоимения по отношению к глаголу способствует формированию единого обобщенно-переносного значения «никогда» и отражает коннотацию иронии. Слуховой образ, лежащий в основе внутренней формы фразеологизмов *когда рак на горе свистнет, а рыба запоет, wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht“ sagen* также является иллюзорным, что находит отражение в актуальном значении фразеологизмов – в толковании «никогда». Алогичная ситуация воспринимается на фоне целостного обобщенно-переносного значения, получившего трактовку «никогда», в которой отражается фразеологический образ, его внутренняя форма. Целостное обобщенно-переносное значение фразеологизмов – это результат глобальной семантической трансформации СК-прототипа.

Рассмотрим фразеологизм *не доходя две недели в сторону*. Специфика образности названной ФЕ заключается в столкновении (аллогичном) временных и пространственных ориентиров. Примечательно, что временная определенность (*две недели*) противопоставлены не локализованности (*не доходя*), идея движения времени выражена также формой глагола – деепричастие с частицей *не* – *не доходя*. Но идея остается лишь идеей, не превращаясь в реальность – цель не достигнута, компонент *в сторону* сигнализирует об отклонении от цели.

Следует отметить, что в русском языке существует многозначный фразеологизм *в сторону*, а в немецком *vom Wege* которые, сочетаясь с глаголами движения *уводить* (разговор), *отвлекаться*, *уходить*, имеют значение «отвлекаться от темы», то есть препятствовать достижению цели.

Глобальная семантическая трансформация СК-прототипа *не доходя две недели в сторону* способствует возникновению целостного обобщенно-переносного значения фразеологизма, реализующего в формуле «никогда», где отражается фразеологический образ, способствующий также созданию коннотации иронии.

Иронической коннотацией обладает фразеологизм *при царе Горохе*. Значение фразеологизма *при царе Горохе* – «давно, неизвестно когда». Образная структура этого фразеологизмов построена на ассоциативном мышлении, которая связана в первом случае со старинной формой местоимения *оно* в значении «то», а во втором случае с существительным *царь*, прямым

номинативным значением которого является – глава государства, существовавшего очень давно.

Фразеологизм *до второго пришествия* образно выражает значение «неопределенно долго». Являясь библейским по происхождению, выражение чаще всего сочетается с глаголом *ждать*. Сочетаемость фразеологизма обусловлена внутренней формой образного выражения: библейским героям часто приходилось подолгу ждать лучшей доли, удачи, избавления от тяжелой болезни до пришествия Христа. В основу немецкого фразеологизма в отличие от русского *bis zum Nimmerleinstag* (дословный перевод: до греческих календ) лег не библейский сюжет, а исторический факт, несмотря на что, фразеологизм сохраняет значение ирреального времени.

Реальное время – это время, не только существующее в языковом сознании, но и время, характеризующее те или иные явления в прошлом, настоящем и будущем, - время, существующее не только в нашем воображении, но и в действительности. «Реальное время характеризуется двумя необратимыми свойствами: одномерностью (линейностью) и однонаправленностью (необратимостью)».

Следует отметить, что реальное время так же, как число, величина, имеет свой «конец», «предел», границу, только эта граница не «внизу», как у числа, и не «вверху», как у величины, а в «середине». Реальное время представляется Т.М. Филоненко бесконечным «в обе стороны» - в прошлое и в будущее; поэтому его «концом» является момент настоящего, «теперь», который является одновременно началом будущего и концом прошлого, тем самым, обеспечивая непрерывность реального времени [178, с. 113].

Объектом исследования данного раздела являются фразеологизмы со значением «реальное время», это может быть настоящее время (*в данный момент, сей момент, в данную минуту, einen Augenblick*), будущее время (*на носу, не за горами, на пороге, vor der Tür, an der Schwelle*), прошедшее время (*в прадедах, в стариках, во времена оны, seit Adams Zeiten, Anno dazumal*), а также время, представленное в лексических оппозициях, образно представленные в семантике фразеологизмов, связанных с параметрами измерения времени - «начало - конец» (*от Адама, сдвинуть с мертвой точки, в конце концов, кончен бал, letzten Endes, seit Adams Zeiten*), «быстро - медленно» (*молниеносно, глазом не успел моргнуть, im Schnecken tempo*), «рано - поздно» (*ни свет ни заря, до глубокой ночи, bei Tagesanbruch, vor Tau und Tag*).

Фразеологизмы немецкого и русского языков представляют собой систему семантических инвариантов, отражающих фрагменты языковой картины мира и формирующие основные жизненные правила в ценностной картине мира. Образные языковые средства передают наиболее значимые интенции фольклорной риторики, которые сохраняются как исторический норматив культуры в виде системы смысловых инвариантов (концептов), нашедших отражение в лексических оппозициях, раскрывающих основные параметры времени [178, с. 115].

Многие фразеологические единицы мы можем объединить во фразеосемантические поля по следующим значениям:

1) Начало - конец

Сдвинуть с мертвой точки – *den toten Punkt überwinden, etwas vom Fleck bringen, die Sache über den toten Punkt hinwegbringen, etwas ins Rollen bringen, den Stein ins Rollen bringen*; начать с азов - *von vorne (von A) anfangen*; первые шаги - *die ersten Schritte*; с пеленок - *von klein auf, seit frühester Kindheit*; на первых парах; с колыбели - *von der Wiege bis zur Bahre*; в первую очередь - *in erster Linie*; первая ласточка – *die erste Schwalbe*; конец – делу венец – *Ausgang gibt den Taten ihre Titel*; под занавес – *zum Totschuß*; пора и честь знать – *jetzt ist es aber genug*; первое время - *in der ersten Zeit*, в последнюю минуту - *in letzter Minute*, заключительный аккорд - *Schlußakkord*.

2) Быстро – медленно

Ohne mit der Wimper zu zucken – «глазом не моргнуть»; *im Schweinsgalopp* – галопом по Европам, второпях, *aus Leibeskräften laufen* – бежать со всех ног, *kurz entschlossen* – без оглядки, *in Sekundenschnelle* – в считанные секунды, *im Schneckentempo* – черепаший шаг.

3) Рано – поздно

Bei Tagesanbruch, *vor Tau und Tag* – ни свет ни заря, *in aller Frühe* – чуть свет, *mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen* – вставать с петухами, *kommen, wenn alles vorbei ist*; *kurz vor Toresschluss kommen* – прийти к шапочному разбору, *bis tief in die Nacht hinein* – до глубокой ночи, *wer nicht kommt zur rechten Zeit, der muss essen, was übrigbleibt* – поздние гости глодают кости, *von klein auf, seit frühester Kindheit* - с пеленок; *von der Wiege an* - с колыбели; *zum Torenschuß* – под занавес.

4) Давно - недавно

Als der Alte Fritz noch Gefreiter war (noch Fahnenjunker war, noch im Sand spielte); *seitdem ist schon viel Wasser verflossen* – много воды с тех пор утекло, *vorbei ist vorbei* – что было то прошло и быльем поросло, *hinter sich haben* – за плечами; *на днях* – *in diesen Tagen, dieser Tage, третьего дня* - *vorgestern*, без году неделя – *erst ein paar Tage, ganz kurze Zeit*.

5) Долго

etwas auf die lange Bank schieben – отложить что-либо в долгий ящик, *das ist eine lange Geschichte* – это долгая песня, *Rom ist nicht an einem Tage erbaut worden* – Москва не сразу строилась и др.

Русский фразеологизм *сдвинуть с мертвой точки* имеет несколько эквивалентов немецком языке (*etwas vom Fleck bringen, die Sache über den toten Punkt hinwegbringen, etwas ins Rollen bringen, den Stein ins Rollen bringen, den toten Punkt überwinden*) и образно выражает начальную фазу какого-либо действия. Внутренняя форма этих фразеологизмов лингвистически представлена СК-прототипами, где значительную роль играет не только лексическое значение компонентов, но и грамматический фактор. СК-прототипы представляют собой специально созданные лексические композиции, не встречающиеся в свободном употреблении, которые представляют собой соединение глаголов *сдвинуть, bringen, hinwegbringen* с конкретными значениями физического действия – «приложить какое-то усилие» и метафорического сочетания *мертвая точка - der tote Punkt*,

обозначающего неподвижность какого-либо предмета в пространстве. Семантическая трансформация СК-прототипов способствуют созданию единого обобщенно-переносного значения. Образность фразеологизмов достигается за счет одновременного представления конкретного действия, требующего усилия, и абстрактного временного, сигнализирующего о начальном этапе какого-то действия, явления, процесса. Формирование фразеологической образности можно лингвистически обосновать в двучленной логико-семантической модели, где первая часть отражает внутреннюю форму фразеологизма, лингвистически представленную СК-прототипами *сдвинуть с мертвой точки - etwas vom Fleck bringen, die Sache über den toten Punkt hinwegbringen, etwas ins Rollen bringen, den Stein ins Rollen bringen, den toten Punkt überwinden*, а вторая – актуальное значение фразеологизмов «начать какое-либо действие». Следовательно, фразеологические образы этих фразеологизмов находят воплощение как в плане выражения, так и плане содержания. Схематически формирование фразеологической образности закреплено в логико-семантической модели «приложить какие-либо физические усилия для достижения цели – начать какое-либо действие», которая объединяет *сдвинуть с мертвой точки - etwas vom Fleck bringen, die Sache über den toten Punkt hinwegbringen, etwas ins Rollen bringen, den Stein ins Rollen bringen, den toten Punkt überwinden*.

Примечательно, что русские и немецкие фразеологизмы *на первых парах – fürs erste, в первую очередь - in erster Linie, первое время - in der ersten Zeit, первые шаги - die ersten Schritte; первая ласточка – die erste Schwalbe* объединяет наличие общего компонента *первый – erst*, который вносит в семантику фразеологизмов значение «начало». Фразеологизмы *с пеленок - von klein auf, seit frühester Kindheit; с колыбели - von der Wiege* также обозначают начало, но это начало биологическое.

Общим компонентом фразеологизмов *положить конец - einer Sache ein Ende machen, и дело с концом - damit ist Schluß, заключительный аккорд – Schlußakkord* является слово «конец – *das Ende, der Schluß*», которое, актуализируясь в семантике фразеологизмов, символизирует о заключительном этапе того или иного явления, процесса, события.

Лексическая оппозиция «скоро - нескоро» находит отражение в актуальном значении фразеологизмов *вот-вот, с минуты на минуту – jeden Augenblick, того и гляди – ehe man sich versieht, с часу на час - von Stunde zu Stunde, на днях – dieser Tage, in diesen (einigen) Tagen, не сегодня-завтра – heute oder morgen, von heute auf morgen, со дня на день – von Tag zu Tag, на носу – vor der Tür, на пороге – an der Schwelle, не за горами - nicht allzufern sein* (первая часть оппозиции), которые противопоставлены ФЕ до второго пришествия – *bis zum Jüngsten Gericht*, до гробовой доски – *bis zum Grabe* (вторая оппозиция).

Следует отметить, что фразеологизмы *с минуты на минуту – jeden Augenblick, с часу на час - von Stunde zu Stunde, на днях – dieser Tage, in diesen (einigen) Tagen, не сегодня-завтра – heute oder morgen, von heute auf morgen, со дня на день – von Tag zu Tag* объединяет логико-семантическая модель «представление о промежутке времени, выраженном повторяющимися словами с

временным значением – скоро, точно в назначенное время». Фразеологизмы *вот-вот, с минуты на минуту – jeden Augenblick, того и гляди – ehe man sich versieht, с часу на час – von Stunde zu Stunde, на днях – dieser Tage, in diesen (einigen) Tagen, не сегодня-завтра – heute oder morgen, von heute auf morgen, со дня на день – von Tag zu Tag, на носу – vor der Tür, на пороге – an der Schwelle, не за горами – nicht allzufern sein* имеют значение «очень скоро» (логико-семантическая модель «представление о приближающемся времени – очень скоро»).

Лексическая оппозиция «давно - недавно» находит яркое отражение в актуальном значении фразеологизмов, характеризующих время с точки зрения реальности-ирреальности происходящих событий: первая часть оппозиции представляет чаще всего ирреальное время в русском и немецком языке (ФЕ во времена оно – *Anno dazumal, при царе Горохе – als der Alte Fritz noch Gefreiter war, als der Großvater die Großmutter nahm, Бог знает когда – wer weiß wann, испокон веку – von alters her, seit jeher, много воды утекло с тех пор – seitdem ist schon viel Wasser verflossen*); вторая часть представляет реальное время (ФЕ на днях – *in diesen Tagen, dieser Tage, третьего дня – vorgestern, без году неделя – erst ein paar Tage, ganz kurze Zeit*). Фразеологизмы *во времена оно – Anno dazumal, при царе Горохе – als der Alte Fritz noch Gefreiter war, als der Großvater die Großmutter nahm, Бог знает когда – wer weiß wann, испокон веку – von alters her, seit jeher, много воды утекло с тех пор – seitdem ist schon viel Wasser verflossen* объединяет одна логико-семантическая модель «идея измерения очень длительного времени – очень давно», которая противопоставлена логико-семантической модели «идея измерения небольшого промежутка времени - недавно» (ФЕ третьего дня - *vorgestern, без году неделя – erst ein paar Tage, ganz kurze Zeit*). Своеобразной неповторимой внутренней формой обладает русский фразеологизм *без году неделя*.

Логико-семантическая оппозиция «рано – поздно» также находит отражение в образной структуре фразеологизмов с временным значением.

Примечательно, что в обоих языках временной концепт «рано» противопоставлен концепту «поздно»: ФЕ *с пеленок – seit jüngster Kindheit, с колыбели – von der Wiege* противопоставлены фразеологизмам *прийти к шапочному разбору – zum Torschluß kommen, задним числом – nachträglich, после драки кулаками не машут – wenn das Kind ertrunken ist, deckt man den Brunnen*.

Фразеологизмы *с пеленок – seit jüngster Kindheit, с колыбели – von der Wiege* имеют общую логико-семантическую модель «начало человеческой жизни – очень рано»; логико-семантическая модель «несвоевременность, преждевременность, неразумность какого-либо действия – очень поздно» отражается в значении ФЕ *прийти к шапочному разбору – zum Torschluß kommen, задним числом – nachträglich, после драки кулаками не машут – wenn das Kind ertrunken ist, deckt man den Brunnen*.

Лексическая оппозиция «всегда - никогда» находит отражение в актуальном значении фразеологизмов, образно выражающих реальное или ирреальное время в немецком и русском языках: *во веки веков – in alle Ewigkeit,*

на веки вечные – *auf Gedeih und Verderb*, до скончания века – *bis zum Jüngsten Tag*, *bis in alle Ewigkeit*, до гробовой доски, по гроб жизни – *bis zum Grabe*, до конца дней, до последнего дыхания – *bis zum letzten Atemzug*, *bis zum letzten Schnaufer*. Логико-семантическая модель «идея измерения биологического времени, имеющего логическое завершение, - всегда» находит воплощение в образной структуре ФЕ *во веки веков – in alle Ewigkeit*, *на веки вечные – auf Gedeih und Verderb*, *до скончания века – bis zum Jüngsten Tag*, *bis in alle Ewigkeit*, *до гробовой доски, по гроб жизни – bis zum Grabe*, *до конца дней, до последнего дыхания – bis zum letzten Atemzug*, *bis zum letzten Schnaufer*. Фразеологизмы *ни в жизнь*, *на морковкино заговенье*, *после дожличка в четверг*, *на турецкую пасху*, *на русский байрам*, *когда рак на горе свистнет*, *а рыба запоет – wenn Ostern und Fasten auf einen Tag zusammenfallen*, *wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht“ sagen*, *wenn der Hahn Eier liegt*, *am Sankt-Nimmerleins-Tag*, образно выражают значение «никогда», являются экспрессивными, выразительными языковыми средствами, внутренняя форма которых основана на алогизме. Логико-семантическая модель «время, действие, которое не является реальным, возможным с точки зрения логики, - никогда» находится в основе образной структуры вышеназванных фразеологизмов.

Лексическая оппозиция «быстро - медленно» находит воплощение в актуальном значении ФЕ с временным значением: фразеологизмы *в мгновение ока – in einem Augenblick*, *в один миг – im Nu*, *im Handumdrehen*, *в одну минуту – in einer Minute*, *с быстротой молнии - blitzschnell*, *в два счета – im Nu*, *im Handumdrehen*, *как ветром сдуло – er war wie weggeblasen*, *мчаться как на пожар – losrasen wie die Feuerwehr*, *и был таков – und schwupp war er weg*, образно выражают мгновенность действия, фразеологизмы *черепаший шаг*, *в час по чайной ложке – im Schneckentempo* имеют значение «очень медленно». Следует отметить, что в основе образной структуры фразеологизмов, основанной на сравнении, находится логико-семантическая модель «одноактность, мгновенность действия – очень быстро» (ФЕ *в мгновение ока – in einem Augenblick*, *в один миг – im Nu*, *im Handumdrehen*, *в одну минуту – in einer Minute*, *с быстротой молнии - blitzschnell*, *в два счета – im Nu*, *im Handumdrehen*, *как ветром сдуло – er war wie weggeblasen*, *мчаться как на пожар – losrasen wie die Feuerwehr*). Фразеологизмы *черепаший шаг*, *в час по чайной ложке – im Schneckentempo* отражают идею измерения времени, которую схематически можно представить в логико-семантической модели «идея измерения непродолжительного времени – очень медленно» (параметрами измерения являются предметы, незначительные по размеру).

В основе образной структуры фразеологизмов чаще всего лежит сравнение, являющееся универсальной моделью познания мира. Сравнение как логико-семантическая модель познания мира способствует переосмыслению «первоначального денотата» (Е.И. Диброва), «СК-прототипа» (Ю.П. Солодуб). Генетически являясь речевым производением, фразеологизм в определенной степени сохраняет связи с исходным «строительным материалом» - со словом, значение которого может просвечивать сквозь внутреннюю форму ФЕ или может быть восстановлено в результате диахронического анализа семантики

фразеологизма. Именно анализ «первоначального денотата», СК-прототипа показывает, какими способами шли семантические преобразования ФЕ, какая логико-семантическая модель послужила основой образной структуры фразеологизма.

Как мы видим, отсчет времени в человеческом понимании ассоциируется с наступлением конкретных явлений, с протяженностью каких-либо действий, с определенными приметам того или иного отрезка времени. В характеристике времени в немецких и русских фразеологизмах закрепился житейский опыт в организации работы и досуга, отдыха, знания о скорости движения человека в определенных ситуациях.

Так, фразеологизм *глазом не успел моргнуть* означает «очень быстро», потому что процесс моргания глазом занимает доли секунды; *как на пожар, без оглядки* – «очень быстро», так как на пожаре люди должны действовать очень быстро, и если человеку некогда даже оглянуться, значит он тоже бежит очень быстро. Аналогичные выражения с таким же значением есть и в немецком языке: *blitzschnell* – вспышка молнии длится очень короткое время. *Im Schweinsgalopp* означает «быстро, но не очень обдуманно». В основу этого фразеологизма лег образ бегущей свиньи, которая передвигается быстрой, но неуклюжей рысцой. *Wie eine Rakete* имеет значение «мгновенно, молниеносно». В основе фразеологизма лежит образ сигнальной осветительной ракеты, стремительно взмывающей вверх. *Im Schneckentempo* означает «очень медленно», так как улитка передвигается с очень маленькой скоростью. Примечательно то, что в основе русского фразеологизма лежит образ не улитки, а черепахи – *черепаший шаг*.

Детское время, еще не вечер означает «рано», так как детей укладывают спать в вечернее время, когда взрослые еще не спят, и если вечер еще не наступил, значит, день не подошел к концу. Аналогами этих выражений в немецком языке являются фразеологизмы *mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen, bei Tau und Tag*. Они имеют то же самое значение «рано», потому что петухи кричат на заре, когда встает солнце, то есть очень рано, и роса появляется только на рассвете. *Kurz vor Toresschluss kommen* имеет значение «очень слишком поздно», то есть прийти в определенное место с большим опозданием, когда все уже разошлось и даже ворота закрыты.

Фразеологизм *jedes Ding hat seine Zeit* ассоциируется с явлениями природы, созреванием растений, сбором урожая. Русский фразеологизм *всему свое время* относится не только и не столько к природе, сколько к человеку, его стремлению, осознать цикличность времени, его восприятию линейного времени. Человек – это часть природы. Так же как и в природе происходит смена времен дня и сезонов года, так и в жизни человека периоды рождения, расцвета и увядания неизбежны – *всему свое время*.

И в немецком и в русском языках имеется ряд фразеологизмов, призывающих активно использовать данное нам время: *время – деньги – die Zeit ist Geld, время не ждет – die Zeit drängt, время пришло – es ist soweit, время торопит – es hat Eile, время зовет, время мчится – die Zeit läuft, время летит – die Zeit verfliegt*. Примечательно, что все перечисленные фразеологизмы

представляют законченные интенции, в которых содержатся не только глубокие философские рассуждения о быстротечности времени, но и этический смысл человеческого существования. Это наиболее обобщенные представления человека о времени, о его ценности для человека.

Многие фразеологизмы отражают непосредственно философские характеристики времени: необратимость, бесконечность, цикличность и, в сравнении с ним, указывают на конечность бытия: *время идет – die Zeit vergeht*, *время мчится – die Zeit läuft*, *круговорот времени, бег времени – der Lauf der Zeit*. Образные языковые средства, объединенные общим значением цикличности/бесконечности, изображают время, движущееся по кругу. С другой стороны, в значении фразеологизмов отражается, что всякий объект и связанное с ним действие конечны во времени. Это свойство по отношению к живой природе называется брэнностью. В связи с этим необходимо *ценить время – nicht zu großzügig mit der Zeit umgehen*, *не растрачивать его впустую – die Zeit nicht vergeuden*.

Значения фразеологических единиц отражают типы измерения времени в пределах трех главных параметров: объективное астрономическое измерение времени (по движению светил), субъективное измерение времени, когда время измеряется в связи с действиями, предпринимаемыми человеком по своей воле, и событиями, происходящими с человеком, и определяется в плане будущего, прошедшего и общего времени, и связь событийных представлений о времени с объективным, годично-суточным временем.

Самым существенным моментом в измерении времени является то, что время измеряется всеми доступными без приборов времени способами. Поэтому важнейшим критерием, важнейшим параметром для измерения времени является сам субъект, который рассматривает время в контексте своих действий и переживаний и в связи с действиями и событиями, которые с ним происходят.

Субъективное измерение времени, представляющее для нас наибольший интерес, отражается в образной структуре фразеологизмов двумя способами: один способ состоит в том, что время соизмеряется в связи с теми действиями, которые человек предпринимает по своей воле (*время меритум – das hat Zeit*, *damit hat es Zeit*, *время пришло – es ist soweit*), а другой способ измерения времени состоит в том, что человек рассматривает время как сочетание событий, с ним происходящих и от него не зависящих (*время мчится – die Zeit läuft*, *время летит – die Zeit verfliegt*, *время не ждет – die Zeit drängt*). Концепт «время» здесь непосредственно связан с философским представлением о вычленении свободы воли как категории, присущей человеческому существу. Свобода воли определяется как умение выбирать цель и принимать правильное решение, т. е. как соотношение действий и событий в поведении человека в контексте действий и событий, непосредственно связанных со временем. Отражение измерения времени при помощи фразеологических средств представляет собой истолкование и осознание разумной целенаправленности, с одной стороны, и стихийности, неорганизованности относительно субъекта, ощущающего время событий, с другой. Специфика оценочной фразеологии, отражающие темпоральные нормы поведения, состоит в том, что временные

параметры содержатся в ней не явно, а в виде семантического признака, выявляемого при толковании ФЕ. Оценке подлежит времяпрепровождение, соблюдение социального порядка, соответствие поведения ситуации и возрасту, случившегося – ожидаемому, адекватность реакции на происходящее изменения и контроль за ними.

Времяпрепровождение – наиболее контролируемая субъектом сфера жизни, и поэтому ответственность за него полностью ложится на субъекта (*делу – время, потехе – час; erst die Arbeit, dann das Vergnügen*). Нормы поведения находят яркое воплощение в пословицах и поговорках: *хороша ложка к обеду – jedes Ding hat seine Zeit; после драки кулаками не машут – wenn das Kind betrunken ist, deckt man den Brunnen; куй железо, пока горячо – man muss das Eisen schmieden, solange es heiß ist; не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня – was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen*. Перечисленные образные средства подчеркивают важность современности и своевременности, он и предупреждают, ненавязчиво поучают: *тише едешь, дальше будешь – mit Sacht, mit Bedacht hat's mancher weit gebracht; поспешишь – людей насмешишь – Irrtum ist der Übereilung Sohn; цыплят по осени считают – man soll den Tag nicht vor dem Abend loben*.

Темпоральная оценка деятельности формирует свой кодекс поведения: *терпенье и труд все перетрут – Arbeit schlägt Feuer aus dem Stein; всему свое время – jedes Ding hat seine Zeit*.

Каждое время в каждой языковой мира имеет свой социальный и культурный статус. Быть современным – значит соответствовать современному стилю жизни: *быть сыном своего времени – ein Kind seiner Zeit sein, идти в ногу со временем – mit der Zeit Schritt halten, держать руку на пульсе времени – dem Gebot der Stunde gehorchen, опередить время – die Zeit gewinnen*.

Таким образом, можно сделать вывод, что в немецкой и русской лингвовременной картине мира социальные стереотипы сложным образом взаимодействуют с национальным менталитетом и индивидуальными жизненными установками.

Как видно, фразеологизмы со значением «реальное время» в обоих языках основываются на обозначении конкретных временных отрезков: «секунда», «минута», «час», «день», «ночь», «неделя», «месяц», «год», «век» и др. Однако содержанием данных лексем в составе фразеологизмов является не объективное время (минута – 60 секунд, век – сто лет), а их общее временное значение – кратковременные отрезки и долговременные отрезки. Описание временной протяженности отражает значения членов обоих языковых сообществ об одной из важнейших категорий бытия: человек живет в среднем 70 – 80 лет, поэтому век – это бесконечно долгое время; секунда, минута – наикратчайшие отрезки времени; день – это мера отсчета человеческого бытия; годы – это временная протяженность жизни.

3.2.3 Визуальные и аудиальные образы во фразеологизмах со значением «время»

В философии, психологии и языкознании образы – это конкретные представления, связанные с отражением человеческим сознанием единичных предметов, явлений, фактов, событий в их чувственно воспринимаемом облики. Естественно, что в каждой науке понятие образа включается в специфическую систему представлений и отношений, а сам термин «образ» - в специфический метаязык той или иной науки, однако объединяет их именно восприятие образа как представления яркого, наглядного, чувственного, чаще всего связанного с отражением зрительных или слуховых ощущений. Поскольку понятие образа относится и к чувственному, и к понятийному отражению, обычно различают чувственные и концептуальные образы, связанные с когнитивными процессами. Образ ориентирован, прежде всего, на предметный мир, основной источник образов – зрительное восприятие – слова *изображать, изобразительный* могут передавать яркое или тусклое зрительное восприятие, еле уловимое (*с течением времени – im Laufe der Zeit*), а могут оставить неизгладимый след в памяти, в душе человека, в его сознании (*на пороге – an der Schwelle, первые шаги – die ersten Schritte, юность, весна жизни – die Blütezeit des Lebens, нуи царе Горохе – als der alte Fritz noch Gefreiter war*). Основой образа является представление, которое может быть связано с *изображением, преобразованием, преображением* фрагментов действительности.

Следовательно, при помощи образов можно сконструировать языковую картину мира, в которой образы предназначены отразить не только внешнее восприятие, вследствие частичного, отрывочного, неполного представления о тех или иных фактах и явлениях, но и, как представляется Т.М. Филоненко, именно образы могут способствовать внутреннему осмыслению тех или иных процессов, связанных с концептуализацией фрагментов действительности [178, С. 29].

Существует три уровня отражения: отражение в неживой природе, отражение в живой природе, и отражение в человеческом обществе. Отражение в человеческом обществе связано с ощущениями. «Признание образного характера ощущений, - как полагает Л.О. Резников, - составляет один из главных элементов всей теории отражения» [51, С. 73]. Следовательно, фразеологический образ, лежащий в основе фразеологизмов со значением «время», может основываться на ощущениях, связанных с визуальными или аудиальными ассоциациями носителей языка, образуя, тем самым яркую лингвовременную картину мира, наполненную звуками и красками.

И в русском и немецком языках способность воспринимать то, о чем говорят не анализируя, воспринимая на веру, называют слухом.

В обоих языках существуют поговорки и пословицы: *не всякому слуху верь; верь только половине того, что слышишь; слухом земля полнится; лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать; слышал звон, а не знает, где он; er hat's läutern gehört, weiß aber nicht, wo die Glocken hängen; besser einmal sehen, als hundertmal hören; alle Mäuler sind voll davon; j-m einen Floh ins Ohr setzen;*

Gerüchte verbreiten, etwas in Umlauf setzen, которые констатируют существование приоритета зрения над слухом. Эта сентенция указывает, с одной стороны, на цельность того, что слышится, с другой – выражает отрицательное отношение к слухам. Слухи в языковой картине мира связаны с ирреальным временем, они существуют в пространстве, но не становятся реальностью, так как не имеют действительного подтверждения – смыслового наполнения достоверными, объективными фактами. Слухи в языковой картине мира ассоциируются с пустым звуком. Пустота и время – несоединимые понятия, они не гармонируют друг с другом, время должно быть содержательным, наполненным важными событиями и вехами, даже свойственная человеку созерцательность не является бессодержательной, созерцательность в языковой картине мира связана с эстетической направленностью человеческой психики, а также умением наблюдать, анализировать, сравнивать, и здесь к нам на помощь приходит время, которое *passudum – die Zeit entscheidet*.

В языковых картинах мира многих языков образное восприятие тех или иных ситуаций, тех или иных фрагментов действительности связано с творческим воображением. Мы воспринимаем мир, стараемся понять его логику, или отсутствие логики, используя с этой целью зрительные и световые образы. Б.Л. Иомдин утверждает, что для того чтобы понять или осмыслить те или иные фрагменты действительности, в языковой картине мира большое значение приобретает идея света [82, С. 71]: *пролить свет – Licht in eine Sache bringen, свет истины – Licht der Wahrheit, свет знаний Licht der Kenntnisse, светлый ум – ein klarer Verstand, светлая голова, ясная голова – ein klarer Kopf*.

Идея света отражается во внутренних формах таких фразеологизмов, как *пелена с глаз упала – es fiel j-m Schuppen von den Augen, пролить свет – Licht in eine Sache bringen*, идея внезапного озарения отразилась в образной структуре языковых единиц *сверкнула мысль, мысль поразила как молния – ein Gedanke blitzte mir durch den Kopf, ein Gedanke schoss mir durch den Kopf*, одним из компонентов которых являются глаголы иррационального понимания. «Глаголы иррационального понимания – это ментальные предикаты с пропозициональным дополнением, описывающие ситуацию возникновения понимания без помощи разума, не обусловленного ни чувственным восприятием, ни логическим рассуждением» [82, с. 71].

Полное отсутствие понимания в языковой картине мира связано со слепотой. Непонимающего человека называют слепым. Любовь, не контролируемая разумом, – *слепая (безрассудная) любовь – Liebe macht blind; слепая вера – фанатичная, не подвластная разуму; слепая ревность – blinder Eifer – охватывающая человека целиком, полностью, парализующая его волю, разум; слепой гнев – blinde Wut – ярость; слепое повиновение – blinde Ergebenheit – безрассудное, фанатичное.*

Образные языковые средства, одним из компонентов которых является прилагательное *слепой – blind*, как правило, характеризуют состояние человека, доведенного до предела, не способного не только анализировать, но даже контролировать свои поступки, действия, характеризуют человека, который

становится *сам не свой* – *ganz außer sich sein*, человека одержимого страстью, какой-то абстрактной идеей, фанатичного, не способного предвидеть последствия своих действий – слепого, действующего в впотьмах, в которого как бы вселяется дьявол. От слепоты непонимания может избавить прозрение, просветление, которое наступает (как трактуется в языковой картине мира), неожиданно, вдруг, как вырвавшийся из темноты луч света.

Идея света отразилась и в образной структуре фразеологизмов *звездный час* – *die Sternstunde*, образно выражающем значение времени в русском и немецком языках. Актуальное значение ФЕ трактуется как «момент наивысшего подъема, напряжения сил, энергии», - это период в жизни человека, когда он способен совершать чудеса, самый счастливый момент в его жизни, связанный с пониманием и осознанием своей значимости, своего назначения, но все это приходит позже. «Понимание прежде всего воспринимается как вспышка или луч света. Этот луч может быть направлен как на внешний мир, выхватывая ранее неизвестные или скрытые факты, так и «вовнутрь», озаряя человеческое сознание, память, душу...» [82, с. 71], и тогда человек осознает *звездный час* – *die Sternstunde* своего бытия.

Эти фразеологизмы соединяют воедино, как нам представляется, рациональное и иррациональное понимание: с одной стороны внезапность, неожиданность восприятия, с другой – осознание счастливого момента, прекрасного периода в своей жизни.

Первоначальное значение «эстетическое» (прекрасное) – чувственно воспринимаемое зрением и слухом, находит воплощение в различных философских концепциях. В.Е. Хализев отмечает, что «бытийные (онтологические) основы прекрасного понимались по-разному. По Аристотелю, красота – это прежде всего определенность, соразмерность, порядок. И впоследствии на протяжении ряда эпох эстетическое сопрягалось с представлением о гармонии и симметрии, равновесии и спокойствии. Эта концепция присутствует в христианской эстетике» [184, с. 16].

Вторая идея связана с идеей света. Из мыслителей близкого нам времени эстетике света отдавал дань В. Соловьев, утверждавший, что «прекрасное только озарение и что свет – это «выразитель мирового всеединства» [146, с. 364-365].

На наш взгляд, гармоничное восприятие мира, соразмерность, умиротворенность – благоприятные условия для озарения, для наступления *звездного человека* в жизни человека.

ФЕ *звездный час* – *die Sternstunde* являются в обоих языках книжными, чаще всего употребляются в поэтическом стиле, придавая высказыванию торжественность, патетичность.

Значение ФЕ *звездный час* – *die Sternstunde* объясняется в их источнике – в исторической новелле «Звездные часы человечества» Стефана Цвейга (1927). «... Каждый шаг эпохи... созревает исподволь.., из миллионов впустую протекающих часов, только один становится подлинно историческим – *звездным часом* человечества... Именно эти исторические мгновения «предопределяют судьбу сотен тысяч поколений, направляют жизнь отдельных

людей, целого народа или даже всего человечества... подобно вечным звездам, они неизменно сияют в ночи забвения и тлена». [237, с. 123]

Время в образной структуре фразеологизмов, содержащих слово *час*, - персонцентрично: тяготеет к описанию личностного начала (*ФЕ пробил час, час настал, ударил час*), время имеет направление, мыслится в перспективе пути (*ФЕ час от часу не легче*), слово *час* актуализирует судьбозначимый перелом в содержании ФЕ: *час настал, пробил час, ударил час*.

ФЕ *час пробил* – *die Uhr hat geschlagen* символизирует наступление важного момента в жизни человека, и этот переломный момент закреплен во фразеологической картине мира вследствие ассоциации со слуховым образом *час пробил* – *die Uhr hat geschlagen*, как пробил колокол, возвещая о знаменательных событиях (чаще трагических) не только в жизни отдельного человека, но и всего общества в целом. Эти ФЕ являются книжными и наделены торжественной патетикой. Они чаще всего употребляются в торжественной, патетической речи, когда необходимо подчеркнуть неизбежность, необходимость происходящего. СК-прототип фразеологизмов по структуре представляет собой двусоставное предложение, состоящее в русском языке из двух слов (существительного *час* и глаголов в прошедшем времени *настал, пробил, ударил*), а в немецком – из существительного с артиклем и глагола в Perfekt. Форма прошедшего времени глаголов сигнализирует не только о завершенности, но и неизбежности действия, представленного при помощи конкретных глаголов. Все эти ФЕ объединяет логико-семантическая модель «определенный момент, сигнализирующий о завершенности, неизбежности конкретного действия – время пришло».

Конечный этап времени отражается в актуальном значении фразеологизмов *под занавес* – *zum Torschluss*, *пора и честь знать* – *jetzt ist es aber genug*, *заключительный аккорд* – *der Schlussakkord*, внутренняя форма которых связана с ассоциативным представлением, основанных на зрительных или слуховых образах: зрительный образ лежит в основе образной структуры фразеологизма *под занавес* – *zum Torschluss*, слуховой – *заключительный аккорд* – *der Schlussakkord*. И немецкие и русские ФЕ имеют общую логико-семантическую модель «зрительное или слуховое представление, сигнализирующее об окончании какого-либо действия, завершение чего-либо».

Примечательно, что часто внутренняя форма фразеологизмов, образно выражающих значение реального времени в русском и немецком языках, может быть связана со зрительным или слуховым представлением. Если образная структура фразеологизмов *травой / быльем поросло* – *darüber ist längst Gras gewachsen* («очень давно»), *с быстротой молнии* – *blitzschnell*, как *ракета* - *wie eine Rakete* («очень быстро, мгновенно»), *от зари до зари* – *die ganze Nacht hindurch* («сутки», «всю ночь») непосредственно связана со зрительным представлением, то образная структура фразеологизмов *до первых / вторых / третьих петухов, вставать с петухами* – *mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen* – со слуховым представлением. Хотя в немецком языке существует еще один фразеологизм, соответствующий русскому *вставать с петухами* по своей

логики-семантической модели «очень рано», но основывающийся на зрительных ассоциациях: *mit der Sonne aufstehen*.

Фразеологизмы *бильем поросло – darüber ist längst Gras gewachsen* имеют актуальное значение «очень давно». И русские и немцы говорят так о тех событиях, которые уже давно безвозвратно прошли. Оба фразеологизма возникли на основе свободного сочетания *зарасту травой* (*билье – былинка - трава*). Травой может зарастить тропинка, огород, а также трава вырастает на заброшенных, забытых людьми местах. В основе внутренней формы фразеологизмов находится зрительно-осязаемый образ, связанный с конкретной, чувственно представляемой картиной тропинки, заросшей травой.

Фразеологизмы *с быстротой молнии – blitzschnell, как ракета - wie eine Rakete* образно выражают значение «очень быстро, мгновенно». Внутренняя форма фразеологизмов лингвистически представлена СК-прототипом *с быстротой молнии – blitzschnell, как ракета - wie eine Rakete*, отражает зрительный образ – о мгновенном сверкании молнии или взрывании ракеты в небо. Это чувственное наглядное представление находит лингвистическое воплощение в актуальном значении фразеологизмов, в толковании «очень быстро, мгновенно».

Менее образными являются фразеологизмы *от зари до зари – die ganze Nacht hindurch*, в основе которых лежит метонимический перенос, где реализуется семантическая трансформация СК-прототипа, выражающего более конкретного времени. По модели фразеологизма *от зари до зари* создан фразеологизм *от темна до темна*. Метонимический перенос фразеологизмов *до первых / вторых / третьих петухов, вставать с петухами – mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen, час пробил – die Uhr hat geschlagen* связан, как мы уже отмечали, со слуховым образом, который лингвистически представлен СК-прототипом ФЕ и нашедший отражение в компоненте толкования «очень» актуального значения «очень рано». Фразеологизмы *до первых / вторых / третьих петухов, вставать с петухами – mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen* образно выражают «очень давно» вставать, так же рано, как рано (примерно в 4-5 часов утра) начинают петухи. Фразеологизм *от звонка до звонка*, не имеет аналога в немецком языке и обозначает определенный промежуток времени, связанный с деятельностью человека – представлением об определенных слуховых сигналах, извещающих о начале, а затем, об окончании работы. Фразеологизмы *от звонка до звонка, от зари до зари, от темна до темна – die ganze Nacht hindurch, весь день напролет - den ganzen Tag hindurch* объединяет логики-семантическая модель «представление о реально существующим времени, когда человек стремится раздвинуть границы светового дня чаще всего для интенсификации трудового процесса, - очень долго, в течение суток, в течение всего дня, всей ночи». Примечательно, что данная модель, претерпевая незначительные изменения, может расширять или сужать временные рамки. Так, недавно появившийся в русском языке фразеологизм *от звонка до звонка*, образно выражает промежуток времени, который значительно короче суток, где совершается какое-либо действие.

Следует отметить, что в основе образной структуры русских фразеологизмов находится тавтология, «слова-компоненты тавтологических оборотов утрачивают свою синтаксическую самостоятельность, так как в составе таких оборотов отсутствуют живые синтаксические связи свободных сочетаний слов» [19, с. 180]. Тем самым русские фразеологизмы отличаются от своих немецких эквивалентов *die ganze Nacht hindurch, den ganzen Tag hindurch*, в которых присутствует синтаксическая связь. Однако, как замечает Т.Г. Карапотина, синтаксические связи тавтологических единиц характеризует паратаксис (простое соположение соотносящихся элементов без формального положения синтаксической зависимости одного от другого), чем сильнее паратаксис, а значит, ослабление синтаксических связей, тем сильнее традиция сохранения структуры фразеологизированных тавтологических оборотов [26, с. 41] и, следовательно, выше степень фразеологизации, что ведет к повышению фразеологической образности, экспрессивности, эмоциональности и оценочности.

СК-прототип фразеологизма *ни свет ни заря* лингвистически представлен контекстуальными; специально созданная лексическая композиция *ни свет ни заря*, представленная сочетанием слов, не встречающихся в свободном употреблении, представляет собой алогичное соединение контекстуальных синонимов; двойное отрицание способствует формированию идеи утверждения, повторение контекстуальных синонимов, лексическое значение которых связано с обозначением раннего промежутка времени, усиливает временную семантику.

Немецкий фразеологизм с аналогичным значением «очень рано» *in aller Herrgottsfrühe* представляет собой предложно падежную группу, в состав которой входит составное существительное. Именно *Herrgott*, входящий в состав этого составного существительного, наделяет фразеологизм экспрессивностью и вызывает у говорящего зрительный образ раннего чистого божественного утра.

Фразеологизм *vor Tau und Tag* вызывает у говорящего картину очень раннего утра, когда еще роса даже не оросила травы, когда день еще не начался. Фонетический образ создается ощущением гармоничности, певучести, которое возникает симметричного повторения звуков.

Логико-семантическая модель «объективное ориентирование человека во времени по определенным показателям этого времени, соотнесенными с поведением птиц, животных, - очень рано» (*ФЕ с курами спать ложиться – mit den Hühnern schlafen gehen, вставать с петухами – mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen*) отражает объективное восприятие времени человеком, построенное на зрительных и слуховых ассоциациях.

Объективное восприятие времени отражено в немногочисленной группе образных языковых средств. Объективное астрономическое время, не зависящее от субъективных факторов (человеческой деятельности), определяется астрономическими явлениями, обусловленными движением небесных светил, прежде всего, суточным движением Земли вокруг Солнца. Некоторые фразеологизмы определяют действие по времени суток:

начало/конец, поздно/рано. Своеобразным ориентиром во времени суток являются петухи и куры. По ним также визуально определяется начало и конец суток, как по восходу и заходу Солнца. И то, и другое природное явление объективно ориентируют человека во времени: *с курами спать ложиться – mit den Hühnern schlafen gehen, вставать с петухами – mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen.*

И в немецком и в русском языках существуют многочисленные фразеологизмы со значением «время», в которых присутствуют названия животных, основанные на зрительных и слуховых ощущениях возможных или невозможных действий: *когда рак на горе свистнет, а рыба запоем – wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht!“ sagen, wenn der Hahn Eier legt; черепашьим шагом – im Schneckenschritt, im Schneckentempo; когда жареный петух в темя клюнет – am Nimmerleinstag; ночью все кошки серы – bei Nacht sind alle Katzen grau; рано пташечка запела, как бы кошечка не съела – Vögel, die morgens singen, holt abends die Katze.* Все они построены по различным логико-семантическим моделям, но, несмотря на это все, они вызывают в воображении говорящего яркую картинку, наглядно представляющую образ, лежащий в основе фразеологизма.

Проанализировав вышеназванные фразеологизмы, можно сделать вывод, что во многих фразеологизмах присутствует художественное восприятие, основанное чаще на зрительных образах, иногда на слуховых восприятиях. Отражение предметов и явлений действительности при помощи образов представляет нам мир ярким, красочным, чувственно осязаемым, реальным и воображаемым, воображаемый мир присутствует чаще всего в нашей фантазии. Фразеологические образы дают нам возможность не только созерцать явления окружающей действительности, но и объяснить существующие связи и закономерности в языковой картине мира, а также способствует структурированию лингвовременной картины мира.

3.3 Семантические особенности фразеологических единиц со значением «время» в немецком и русском языках как отражение культурологических различий соответствующих народов

3.3.1 Анализ фразеологизмов со значением «время», в состав которых входят лексемы «время», «час»

Фразеологизмы со значением «время» занимают важное место во фразеологическом фонде любого языка, а по подсчетам А.Д. Райхштейна их удельный вес составляет в немецком языке 1,5 %, а в русском языке – 2 %. Для того чтобы облегчить сопоставительный анализ фразеологических единиц со значением «время» в русском и немецком языках, мы разбили их на следующие группы:

- фразеологические единицы с лексемой «время»;
- фразеологические единицы с лексемой «час»;
- фразеологические единицы с лексемой «век»;
- фразеологические единицы с лексемой «день»;
- фразеологические единицы с лексемой «минута».

Слова в составе фразеологизмов, являющиеся предметом нашего рассмотрения, связаны общим понятием интервала времени. При этом время мыслится не как безликий отрезок числовой оси той или иной длительности, но, по мнению Е.С. Яковлевой, как нечто *семантизированное* – время проходит под знаком событий, его заполняющих [196, с. 55]. Это то «психологическое», по А. Бергсону, время, «видимый количественный характер» которого «есть в действительности качество» [19, с. 142]; то время, которое В.И. Даль назвал «пространством в бытии», «последовательностью существования» [64, с. 260], о котором в «Афоризмах» Валериана Муравьева сказано: «Время – это другое название для жизни» [127, с. 113].

Качественная спецификация времени-вместилища событий (понимаемого как синоним жизни) позволяет носителю языка с помощью рассматриваемых фразеологизмов соотносить описываемое с разными сферами бытия. Это становится возможным потому, что сгруппированные вокруг какого-нибудь одного, количественного однородного временного интервала (краткого у *минуты* и под., периода у *времени*, *поры* и др.), слова в составе фразеологизма позволяют этот интервал представить по-разному в плане «качества» времени, его заполняющего.

Таким образом, Е.С. Яковлева моделью времени называет *интерпретацию времени*, содержащуюся в семантике слова-названия времени [196, с. 55]. Модель она мыслит как двучленную семантическую структуру, первый компонент которой является оценкой, а второй – ее интерпретацией. К примеру, у слов *момент*, *мгновение* оценочное основание общее – «краткость, скоротечность» временного интервала; сами же интерпретации различны: *момент* выражает характеристику «рациональное», «аналитическое»; *мгновение* интерпретирует временной интервал в терминах «уникального», «важного», «личного», «незабываемого». «Кратковременность» в семантике данных слов не имеет прямой соотносительной связи с какими-либо объективными характеристиками количественного времени.

Слова *время* и *пора* – исторические корреляты *часа* – взаимнопротивопоставлены по признаку линейность/цикличность. При этом *пора*, эквивалента которой в немецком языке не существует, являющаяся единицей времени космологического, маркирована – она называет фазу извечного жизненного круга (природного, социального, исторического): *летняя пора*, *вечерней порой*, *горячая пора*. А *время* не маркировано – оно одинаково способно описывать как единичное, уникальное, повторяемое (то есть «линейное»), так и типизированное, возобновляющееся (то есть «циклическое»): *бег времени*, *der Lauf der Zeit*, *со временем*, *mit der Zeit*, *другие времена* – *другие нравы*, *andere Zeiten* – *andere Sitten*.

Закономерен вопрос, в каком отношении друг к другу находятся перечисленные выше единицы времени во фразеологических единицах немецкого и русского языков? Как это отражает отношение русских и немцев к одной из важнейших категорий бытия, мы узнаем, восстановив лингвовременную картину мира, и постараемся отобразить при этом всю самобытность немецкого и русского народов.

Фразеологические единицы, в которых присутствует слово «время» (найдено 115 единиц) являются, пожалуй, основополагающими при составлении фразеологических моделей времени в немецком и русском языках: *die Zeit bringt Rosen* – время приносит свои плоды; *die Zeit heilt alle Wunden* – время – лучший врач; *die Zeit ist Geld* – время – деньги; *die Zeit vergeuden* – тратьте время попусту; *in alten Zeiten* – во время оно; *alles zu seiner Zeit* – всему свое время; *erst die Last, dann die Rast* – делу время, потехе час; *andere Zeiten, andere Sitten* – другие времена, другие нравы; *die Zeit drängt* – время не ждет; *gutes zu tun braucht wenig Zeit* – на доброе дело много ли времени нужно и другие.

Анализ данного языкового материала показывает, что образ и ассоциации у носителей русского и немецкого языков совпадают в большинстве приведенных фразеологических единиц. Об этом свидетельствует существование их эквивалентов в обоих языках, например, *другие времена, другие нравы* – *andere Zeiten, andere Sitten*; *время – деньги* – *die Zeit ist Geld* и другие. Также почти во всех этих немецких фразеологических единицах употребляется слово «Zeit».

Однако, в указанных фразеологических единицах наблюдаются и некоторые различия, связанные с проявлением национально-культурных особенностей. Рассмотрим те из них, которые имеют значение «все нужно делать вовремя»: *alles zu seiner Zeit; jegliches zu seiner Zeit; erst die Last, dann die Rast; erst die Arbeit, dann's Vergnügen; wer auf die Zeit wartet, dem fehlt die Zeit; die Zeit drängt; es hat Eile; die Sache hat Eile; es duldet keinen Aufschub; die Zeit ist Geld*. Приведенные фразеологизмы свидетельствуют о том, что немцы очень рационально используют свое время, отсюда и отношение к порядку в немецкой культуре как к высшей добродетели и нравственному долгу.

Наиболее ярким фразеологизмом, который доказывает то, что немцы высоко ценят время, является фразеологизм, заимствованный в немецкий язык из английского языка *Time is money* – *die Zeit ist Geld*. В русском языке, однако, чаще употребляется фразеологизм *время дороже золота*. Этот фразеологизм имеет то же самое значение «время необходимо ценить; время дорого стоит», но отличается культурной спецификой русского языка. Отметим, что в немецком языке эквивалента этого фразеологизма не существует. В русской культуре деньги никогда не имели такой большой ценности как на Западе, отсюда замена слова *Geld* на *золото*. Золото же у русских не всегда ассоциируется с деньгами, оно чаще употребляется в значении «самый лучший», о чем свидетельствует русский фольклор: *золотой человек, золото – девица* и другие.

Необходимо отметить, что существуют и другие фразеологические единицы со значением «время», а именно «вовремя», не вошедшие в этот тематический ряд: *was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen* – не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня; *wer nicht kommt zur rechten Zeit, der muss essen, was übrigbleibt* – поздние гости гладят кости; *lieber später als nie* – лучше поздно, чем никогда.

Интересен с этой точки зрения фразеологизм, пришедший к нам из латинского языка *bis dat, qui cito dat* – дорога ложка к обеду или дорого яичко к великому дню. Значение этого фразеологизма все то же «все нужно делать вовремя», но в немецком языке эквивалента этого фразеологизма мы не найдем. Конечно же, если нам потребуется перевод данного фразеологизма, мы можем либо передать его общий смысл *was zur rechten Zeit kommt, ist das meiste wert*, либо перевести его дословно *der Löffel ist teuer, wenn Mittag ist*.

Для русской же культуры ближе следующие фразеологизмы из этого тематического ряда: *время покажет; поживем – увидим; время лучший врач; время приносит свои плоды*. Эти фразеологизмы характеризуют менталитет русского народа, который отличается большой терпеливостью, умением долго ждать и надеяться на лучшее будущее. Необходимо отметить, что образы во всех этих фразеологизмах не совпадают. Например, в русском фразеологизме время приносит *плоды*, а в немецком – *Rosen*, это свидетельствует еще раз о том, что в русской культуре терпение человека вознаграждается намного дороже, чем в немецкой. Немецкий фразеологизм *wir werden ja sehen, wie der Hase läuft* звучит больше как ирония, нежели как житейская мудрость как в русском языке. О том, что терпение вознаграждается говорит еще один русский фразеологизм *Время не семя, а выведет племя*, эквивалента которого в немецкой фразеологии не существует.

Еще один русский фразеологизм не имеет немецкого аналога: *времена шапки – береги шапки*. В данном случае причиной, вероятно, является историческая основа фразеологизма: времена реформ на Руси всегда сопровождались казнями, в результате которых много голов (и шапок) слетало с плеч.

Типичными для обеих культур являются фразеологические единицы, отражающие народные приметы и побуждающие к определенной деятельности в какое-либо время года: *май холодный – год хлебородный; Mai kühl und naß, füllt dem Bauern Scheun' und Faß; день летний год кормит; Was der August nicht kocht, lässt der September ungebraten; Der Sommertag ernährt das ganze Jahr; Der Sommer sorgt für den Winter und der Winter für den Sommer*.

В обеих культурах осуждается бесцельное времяпрепровождение, о чем свидетельствуют фразеологизмы *тратить время попусту, die Zeit vergeuden, убивать время, die Zeit totschiagen*, поощряется трудолюбие и времябережливость: *делу время потехе час, erst die Arbeit dann's Vergnügen, выиграть время, die Zeit gewinnen, прийти вовремя, zur rechten Zeit kommen*, и всегда остается актуальной нехватка времени: *у меня времени в обрез, meine Zeit ist knapp bemessen, за недостатком времени, wegen Zeitmangels, не хватает времени, es fehlt einem die Zeit, не иметь времени, keine Zeit haben, время – деньги, Zeit ist Geld*.

В 42 фразеологических единицах со значением «время» присутствует слово «час»: *von Stunde zu Stunde – с каждым часом; Stunde um Stunde – час за часом; sehr langsam – в час по чайной ложке; in guter Stunde soll man sprechen, in böser soll man schweigen – в добрый час молвить, в худой промолчать; Ruhestunde, Mittagsruhe – тихий час (мертвый час); Mußzeit – часы досуга*.

В словарях современного немецкого языка точное значение *die Stunde* возглавляет словарную статью. Так, в DUDEN, *час*, 1) единица измерения времени, равная 1/24 суток и состоящая из 60 минут...; 2) мера времени в 60 минут, исчисляемая от полудня или полуночи...; 3) промежуток времени, отводимый на урок. И лишь «в-четвертых» *час* (чего или какой) – это время, пора: *die Ruhestunde, die Mußestunden, die Todesstunde, die Stunde der Rache, die Stunde der Vergeltung, die Morgenstunde, die Sprechstunde...* Вариациями последнего типа значения являются такие, как «момент наступления, осуществления чего-либо» (смертный час, час расплаты); «время, предназначенное, отведенное для чего-либо» (часы досуга, приемные часы, тихий час). Заметим, что словари не различают в этом четвертом типе употребления форм единственного и множественного числа, давая общее для них определение.

Между тем, в Словаре В.И. Даля устанавливается другая иерархия значений часа. Так, у Даля *час* – это прежде всего время, времена, година, пора; // (2) досуг, свобода от дел; (3) пора, срок, удобное к чему-либо время. Например, *лихой час настал... Будет час, да не будет нас... Всему свой час...* [64, С. 583]. У И.И. Срезневского *часъ* – это «время»: «качественное» - опасное, критическое; «количественное» - *многъ часъ*. И только в одном из замыкающих список значений *часъ* – это «мера времени, подразделение суток» [152, с. 1479].

Понятно, почему произошло такое перераспределение значений: в древних языках (древнегреческом, латинском) в качестве «часа» как меры времени стало использоваться уже имеющееся слово со значением «время». Так, лат. *hora* – это 1) время вообще и 2) определенное время, которое в свою очередь разбивается на а) время года, пора и б) час; древнегреческое *ώρα* – это время года; особенно цветущее время (весна и лето)... и уже потом – время дня, час.

Таким образом, «час» в обоих исследуемых языках – это время с некоторой качественной спецификой: активное, природное, удобное для чего-либо. Закрепленность «часа» за определенным местом на оси времени и повторяемость позволили «часу» включиться в систему количественного времени, стать мерой счета времени.

Предметом нашего рассмотрения будет *час* в составе немецких и русских фразеологизмов, то есть тот *час*, который коррелирует с понятиями *время, пора, момент*, ибо во фразеологизмах *час* получает не точное свое количественное значение (60 минут), а общее временное. Нельзя, однако, забывать, что в сознании носителей языка представление о слове существует не в виде словарной статьи с четко выделенными значениями и типами употребления: конкретное использование слова, равно как и прочтение, истолкование его употребления, может потребовать одновременной активизации словарной информации, относящейся, условно говоря, к разным словарным рубрикам. Так, во фразеологизмах *смертный час* и *die Todesstunde* слово *час* употребляется в значении времени, поры; смысл же «неизбежности», «объективности» наступления этого времени навевается точным количественным значением *часа*.

Таким образом, не останавливаясь специально на точных количественных значениях слова *час*, мы все же не вовсе о них забудем, ибо феномен *часа* как манифестанта особого времени складывается из всех возможностей этого слова, с привлечением в большей или меньшей степени всех его семантических составляющих.

После этой оговорки обратимся к анализу. Рассмотрим фразеологизм *лучше часом раньше, чем минутой позже*, имеющий эквивалент в немецком фразеологическом фонде *besser eine Stunde zu früh als eine Minute zu spät*. Описывается ситуация угрозы опоздания совершения какого-либо действия, в которой в целях большей убедительности противопоставляется продолжительность часа и кратковременность минуты, значимость часа и ничтожность минуты, которой будет не достаточно, чтобы исправить упущенное.

В этой группе фразеологизмов можно выделить целый ряд русских фразеологических единиц, имеющих одну схему образования, то есть «имя существительное + имя прилагательное»: *смертный час, ранний час, комендантский час, звездный час, тихий час, служебные часы, приемные часы*; все эти фразеологизмы имеют эквиваленты во фразеологии немецкого народа, но отличную форму образования, очень типичную для немецкого языка, то есть «составное имя существительное»: *die Todesstunde, die Morgenstunde, die Sperrstunde, die Sternstunde, die Ruhestunde, die Arbeitsstunden, die Amtsstunden, die Sprechstunde*. Лишь немногие образованы аналогично: *бумый час - die geschlagene Stunde, поздний час - die vorgerückte Stunde, упрочный час - die festgesetzte Stunde, трудный час - die schwere Stunde*.

В этой группе фразеологизмов можно выстроить еще один ряд образованных по одной схеме фразеологизмов «имя существительное + имя существительное в родительном падеже»: *час расплаты - die Stunde der Rache, die Stunde der Vergeltung, часы одиночества - die Stunde der Einsamkeit, часы бедствия - die Stunde der Not, час опасности - die Stunde der Gefahr, час забвения - die Stunde der Vergessenheit, час смирения - die Stunde der Demut*. Во всех этих и подобных случаях *час* выбирает имена событий, имеющих важное значение в жизни человека, а иногда и судьбоносный характер. Здесь *час* подразумевает неизбежность и предначертанность события, что навеивается значением *часа* как определенного времени суток.

При исследовании фразеологизмов со значением «время» был обнаружен целый ряд немецких фразеологизмов со словом «die Stunde», в русских эквивалентах которых ему соответствует слово «момент»: *eine historische Stunde - исторический момент, die rechte Stunde wahrnehmen - воспользоваться удобным моментом, zu ungelegener Stunde - в неподходящий момент, von Stunde an - с этого момента, zur Stunde - в настоящий момент, in der elften Stunde - в последний момент, das Gebot der Stunde - требование момента*. В этих немецких фразеологизмах *час* имеет свою полноценную количественную характеристику, так как за короткий момент или мгновение времени не может произойти ничего важного. В русских же фразеологизмах

слово «момент» используется для большей эмоциональности, чтобы убедить собеседника в значимости даже самого короткого промежутка времени.

В результате сопоставительного анализа можно сделать вывод, что во фразеологических единицах со словом «час» образы и ассоциации у носителей немецкого и русского языков в основном совпадают. Почти во всех немецких фразеологических единицах используется слово *Stunde*. Лишь за редким исключением можно встретить слово *Zeit*, например, *Mußezeit*, *Spitzenzeit*, *Hauptverkehrszeit*. Все фразеологические единицы со словом «час» в русском языке имеют свой эквивалент в немецком языке, который звучит либо как дословный перевод: В добрый час молвить, в худой промолчать – *in guter Stunde soll man sprechen, in böser soll man schweigen*, либо просто передает смысл фразеологизма: *в час по чайной ложке – sehr langsam*.

3.3.2 Анализ фразеологизмов со значением «время», в состав которых входят лексемы «век», «день», «минута»

Фразеологические единицы, в которых присутствует слово «век» (найдено 28 единиц): *seitdem die Welt steht* – «испокон веков»; *Zeit meines Lebens, in meinem (ganzen) Leben* – «на своем веку»; *in alle Ewigkeit* – «во веки веков, на веки вечные»; *alle Jubeljahre* – «в кои-то веки»; *gesprungene Töpfe halten am längsten* – «битая посуда два века живет».

В приведенных фразеологических единицах образ и ассоциации у носителей немецкого и русского языков не совпадают. Сопоставляя данные фразеологические единицы обеих языков, мы можем легко заметить, что в немецких фразеологизмах слово *Jahrhundert* (век) не используется. В немецких фразеологических единицах этого тематического ряда встречаются такие слова как *Ewigkeit*, *Jubeljahre*, *Leben*, *am längsten* и т. д.

Отсюда можно сделать вывод, что немецкие фразеологические единицы описывают ситуацию, растянутую во времени, более конкретно: *seitdem die Welt steht, in meinem Leben, alle Jubeljahre*. Русские же фразеологические единицы описывают ситуацию, которая по времени более расплывчата и продолжительна, чем в немецком языке: *испокон веков, на своем веку, в кои-то веки*. Об этом свидетельствует также тот факт, что в русских фразеологических единицах слово *век* употребляется во множественном числе.

Интересны фразеологические единицы, в которых повторяется слово «век»: *во веки веков, на веки вечные*. В немецком языке для передачи этого повтора используется слово *Ewigkeit*. Такие различия связаны с проявлением национально-культурных особенностей. Вечность в русской культуре больше ассоциируется с религиозностью, чем с промежутком времени, как в немецком языке. Например, *иметь жизнь вечную, душа вечна и т. д.*

Фразеологические единицы, в которых присутствует слово «день» (найдено 37 единиц): *am helllichten Tage* – *среди бела дня*; *zusehends wachsen – расти не по дням, а по часам*; *was der August nicht kocht, lässt der September ungebraten* – *день (летний) год кормит*; *gibt Gott Häschen, gibt er auch Gräschen* – *бог даст день, даст и пищу*; *den ganzen lieben Tag* – *день-деньской*; *tagaus, tagein* – *изо дня в день*; *von Tag zu Tag* – *со дня на день*; *heutzutage* – *наши дни*.

Анализ данных фразеологических единиц показал, что образы и ассоциации у носителей немецкого и русского языков не совпадают. Как правило, слово *Tag* не употребляется в немецких фразеологических единицах. А некоторые русские фразеологические единства со словом «день» вообще не имеют эквивалента в немецком языке: *скучен день до вечера, коли делать нечего; искать вчерашний день*. Эти фразеологические единства осуждают поведение людей, которые не берегут свое время, теряют и растрачивают его понапрасну.

Можно предположить, что некоторые русские фразеологические единицы со словом «день» не имеют эквивалента в немецком языке, по причине их исторической основы. Например, рассмотрим такой фразеологизм *Вот тебе бабушка и Юрьев день*. Он восходит корнями еще к 15-16 векам, когда крепостным крестьянам было разрешено на Юрьев день 26 ноября менять своего барина.

Большинство русских фразеологических единиц со словом «день» имеют свой эквивалент в немецком языке, но в силу различных национально-культурных особенностей эти фразеологические единицы характеризуют различные национальные черты немецкого и русского народов. Например, рассмотрим два следующих фразеологизма: *Едешь на день, хлеба бери на неделю* – *wenn auch die Sonne scheint, nimm den Mantel mit auf die Reise*. Значения этих фразеологизмов похожи с первого взгляда, но это не так. В русском фразеологизме имеются в виду различного рода задержки и неточности, т. е. человек, поехавший по делам на день, может задержаться на неделю. В немецком же фразеологизме просматривается предусмотрительность и расчетливость.

Фразеологические единицы, в которых присутствует слово «минута» (найдено 39 единиц): *jeden Augenblick* – *с минуты на минуту*; *sofort, sogleich* – *сию минуту*; *er ist schon ein halber (Elektriker)* – *без пяти минут ... (электрик)*; *in einem Augenblick*; *im Nu*; *im Handumdrehen* – *в одну минуту*; *keinen Augenblick* – *ни минуты*.

Анализ указанных фразеологических единиц свидетельствует о несовпадении образов и ассоциаций у носителей русского и немецкого языков. Там где в русских фразеологических единицах используется слово «минута», в немецких фразеологических единицах мы встречаем такие слова как *Augenblick, Nu, Moment, Handumdrehen* и другие. На этом основании можно сделать вывод, что в немецкой культуре время течет гораздо быстрее, чем в русской.

С другой стороны, существует целый ряд фразеологизмов, в которых «русская» минута соответствует «немецкому» часу: *в минуту опасности* – *in der Stunde der Gefahr*, *не иметь ни минуты* – *keine freie Stunde haben*, *быть готовым в любую минуту* – *zu allen Stunden bereit sein*, *предотвратить в последнюю минуту* – *in 12. Stunde etwas verhindern*, *в любую минуту* – *zu jeder beliebigen Stunde*, *в минуту слабости* – *in einer schwachen Stunde*. Эти фразеологизмы свидетельствуют о незначительности минуты для немцев, если речь идет о судьбоносных моментах жизни.

Заключение

Проблема изучения преломления результатов восприятия и осмысления человеком окружающего мира в национальном языке является одной из наиболее сложных и актуальных в современной науке.

Различные философские и лингвистические школы, начиная от древнейших учений о языке, разработали концепции, по-разному трактующие природу взаимосвязи между языком, человеком и окружающим миром, но, в общем и целом, уже на начальном этапе становления науки о языке подготовили теоретическую и методологическую базу для изучения языковой семантики во взаимосвязи с мыслительной деятельностью.

Исследования ученых отечественной школы (И.Н. Горелова, А.А. Леонтьева, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др.) позволяют считать установленным в современной науке фактом, что мышление народа не обусловлено, а опосредовано языком, что языковая картина мира не равна концептуальной, последняя неизмеримо шире.

Концептуальная картина мира, которая складывается в результате познания человеком действительности, богаче языковой; эти две сущности связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнешнение, как содержание сознания и средство доступа исследователя к этому содержанию. Понятие концептуальной картины мира в интерпретации некоторых ученых соотносимо с понятием языковой картины мира. Однако, на наш взгляд, правомернее было бы соотносить языковую картину мира и семантическое пространство языка.

Концептуальная картина мира – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов и других более или менее сложных образов внешнего мира.

Семантическое пространство языка – это та часть концептуальной картины мира, которая получила выражение с помощью языковых знаков. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, которая служит связующим звеном между концептуальной картиной мира и ее языковыми репрезентациями, является языковой картиной мира.

Когнитивная интерпретация результатов исследования языковой картины мира для описания первичной, концептуальной картины служит лингвокогнитивным методом изучения национального сознания народа и его специфики. Восприятие мира, отраженное в семантике языковых единиц, несет следы коллективного национального опыта, национальной культуры. Но через язык, как средство доступа, можно лишь частично проникнуть в национальную концептуальную картину мира.

Созданию целостной концепции соотношения языка, мышления, внеязыковой действительности и национальной культуры способствуют исследования национально-культурной специфики языковой репрезентации тех концептов, которые являются основополагающими в лингвокультурном сообществе.

Концепт – это единица национальной концептуальной картины мира, содержательная единица мышления, отражающая результат познания человеком окружающего мира. В концепте, как единице ментально-лингвального комплекса, проявляется взаимодействие всех основных антропологических факторов, в том числе и культурного, следовательно, лингвистическое описание концепта не возможно без учета культурного аспекта. Поскольку сознание человека всегда национально обусловлено, концепты являются ключевыми элементами культуры; своего рода сценариями культуры, в которых слово и жест, речь и невербальное поведение соединяются в неразрывное целое, и это позволяет считать их единицами культурной коммуникации. Свернутые в сжатую форму или схему, концепты определяют стереотипы поведения, в том числе и речевого поведения. Определенная картина мира вместе с языком передаются из поколения в поколение и определяют специфику моральных норм, ценностных ориентаций.

Как один из ключевых культурных концептов время является важной частью концептуальной системы, которая в разных языках отражается по-разному, а также единицей лингвовременной картины мира. Лингвовременная картина мира объединяет концептуальный и языковой уровни: языковая временная семантика является с одной стороны, «оболочкой» концепта «время», с другой – содержанием по отношению к вербальному уровню. Одним из результатов вербализации концепта «время» являются фразеологические единицы со значением «время». Временные представления в виде конкретных, ярких, чувственно-осязаемых зрительных и слуховых образов нашли отражение во внутренней форме фразеологизмов с временным значением.

В настоящее время доказано, что, кроме лексических единиц, средством языковой репрезентации концепта являются единицы и фразеологического состава языка. Фразеологические единицы (ФЕ) признаются наиболее релевантными для выявления этнической, культурной специфики концептов, поскольку они выполняют, помимо номинативной, функцию квалификации и оценки идей, интересов и занятий представителей определенного языкового коллектива, а значит, отражают особенности мировидения и системы ценностей конкретного национально-культурного сообщества.

Доказано также, что образы, лежащие в основе ФЕ, имеют когнитивную природу и отражают типовые для данного народа представления об определенном объекте. Образный стержень ФЕ, репрезентирующий концепт, проецируется и на сам концепт и указывает на его конкретный метафорический образ, сложившийся в данном лингвокультурном сообществе. Основываясь на этом, можно предположить, что базовой метафорой концепта «время» и в немецком и в русском языках является метафора *время – это движение*. Эту метафорическую модель мы предлагаем условно разделить на три образных поля: *die Zeit fließt – время течет, die Zeit dreht sich im Kreise – время движется по кругу, die Zeit steht still – время остановилось*.

Избранный исследовательский подход и система методов, применяемых в данной работе, позволили провести комплексное исследование концепта «время» и выявить универсальные и культурно-национальные черты его

фразеологических репрезентантов в немецкой и русской лингвокультурах с учетом экстралингвистических факторов данного концепта.

Концепт «время» имеет многослойную структуру (монохронность/полихронность, ориентированность на будущее/прошлое, пунктуальность, времябережливость, отношение к возрасту/возрастные характеристики и др.). Социальная природа концепта «время» обуславливает общекультурную, межкультурную и социальную значимость концепта, а также и его национально-культурную специфику, которая неразрывно связана с лингвистической стороной концепта «время», и проявляется в языковом преломлении в двух лингвокультурах познания как самой сущности этого концепта, так и всех сфер, которые подвергаются концептуальному кодированию и входят в поле концепта «время» (возрастные характеристики, работа/сезонная работа и др.).

Поскольку концепт «время» является межкультурным и межъязыковым концептом, он обладает универсальными характеристиками, как в плане концептуального содержания, так и в плане языковой объективации.

Универсальные концептуальные характеристики обусловлены тем, что время является универсальной категорией человеческого сознания. Направленность времени вовне, в общество, которое неизбежно приобретает какой-то объем знаний о времени, обусловила тот факт, что знания, сопряженные со временем, относятся к эмпирическому уровню реальности, доступной всем носителям языка. В структуре концепта «время» содержится универсальный слой, представленный универсальным для обеих национальных культур квантом обыденного сознания, закрепленного за номинацией «время». И в немецкой, и в русской концептосферах концепт время отражается как обобщенное восприятие определенных промежутков времени и связанных с ними событиями и явлениями.

Хотя вследствие многократного переплетения истории немецкого и русского народов, многовекового проживания германских национальных меньшинств на территории России фразеологические системы немецкого и русского языков во многом похожи, все же рассматриваемый в сопоставлении двух различных национальных культур, концепт «время» характеризуется не только универсальными чертами, но и культурно-специфическими особенностями, которые также затрагивают как план содержания, так и план его репрезентаций.

Немецкие фразеологические единицы со значением «время» прославляют такие национальные качества немецкого народа, как пунктуальность, трудолюбие, любовь к порядку, умение делать все вовремя. Эти ФЕ составляют почти 28% от общего числа немецких ФЕ, которые были исследованы. В русских же ФЕ просматриваются такие национальные черты, как легкомысленное отношение ко времени, растрата времени попусту, безделье. ФЕ такого рода составляют в русском языке около 15% от общего числа исследуемых нами фразеологизмов.

Логико-семантическая основа фразеологизмов обоих языков в основном типологически совпадает, в то время как конкретное лексическое наполнение

представляет собой неповторимое, специфичное. Национально-культурная специфика фразеологических репрезентаций концепта «время» в двух лингвокультурах проявляется кроме того в обращении к различным образам, которые обусловлены культурными традициями немецкого и русского языковых сообществ, в различной частотности встречающихся компонентов ФЕ, а также в особенностях значений, которые эти компоненты приобретают во фразеологизмах с временным значением. Многие ФЕ со значением «время» в обоих языках основываются на обозначении конкретных временных отрезков: «секунда», «минута», «час», «день», «ночь» и др. Однако содержанием данных лексем в составе фразеологизмов является не объективное время (минута – 60 секунд, век – сто лет), а их общее временное значение – кратковременные отрезки и долговременные отрезки.

Образное отражение фрагментов действительности, связанных с восприятием времени, отличается от понятийного отражения, прежде всего, осязаемой «картинностью», наглядностью, в нем доминирует художественное восприятие, основанное чаще всего на зрительных образах и слуховых восприятиях. Зрительные и слуховые образы и ассоциации лежат в основе таких ФЕ как *звездный час – die Sternstunde*, *час пробил – die Uhr hat geschlagen*, *с быстротой молнии – blitzschnell*, *как ракета – wie eine Rakete*, *до первых / вторых / третьих петухов, вставать с петухами – mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen*.

Отражение предметов и явлений действительности при помощи образов представляет нам мир ярким, красочным, чувственно осязаемым, реальным или воображаемым. Ирреальное время, отраженное в немецком и русском языках, это, прежде всего, образное время, непосредственно связанное с различными представлениями, вызванными фантазией, творческим воображением обоих народов. Фразеологизмы, выражающие значение ирреального времени, являются самыми образными, экспрессивными, эмоциональными, так как их образность имеет двойственную природу: с одной стороны, они связаны с экстралингвистическими факторами (нереальностью ситуации, дающей простор безудержной фантазии), с другой – лингвистическими, проявляющимися в использовании для формирования образной структуры алогизмов, служащим самым ярким средством усиления образности, экспрессивности, выразительности, эмоциональности.

Ирреальное время выражают фразеологизмы: *когда рак на горе свистнет, после дождика в четверг, после пятницы в четверг, Бог знает когда, черт знает когда, на морковкино заговенье, wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht“ sagen, wenn Pfingsten und Ostern auf einen Tag fallen*. Эти ФЕ имеют ироническую коннотацию. Конкретно представленная ситуация, возникающая за счет буквального значения СК-прототипа, вызывает недоумение, так как вступает в противоречие со знанием, что в действительности раки не свистят, рыбы не поют, пасха и пост не выпадут на один день, а лиса и заяц никогда не подружатся настолько, чтобы пожелать друг другу «спокойной ночи». На формирование абстрактного временного значения влияет лексический компонент – местоименные наречия *когда* и

wenn. Препозиция местоимения по отношению к глаголу способствует формированию единого обобщенно-переносного значения «никогда» и отражает коннотацию иронии. Слуховой образ, лежащий в основе внутренней формы фразеологизмов *когда рак на горе свистнет, а рыба запоет, wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht“ sagen* также является иллюзорным, что находит отражение в актуальном значении фразеологизмов – в толковании «никогда». Алогичная ситуация воспринимается на фоне целостного обобщенно-переносного значения, получившего трактовку «никогда», в которой отражается фразеологический образ, его внутренняя форма. Целостное обобщенно-переносное значение фразеологизмов – это результат глобальной семантической трансформации СК-прототипа.

Объектом нашего исследования явились и фразеологизмы со значением «реальное время», это настоящее время (*в данный момент, сей момент, в данную минуту, einen Augenblick*), будущее время (*на носу, не за горами, на пороге, vor der Tür, an der Schwelle*), прошедшее время (*в прадедах, в стариках, во времена оны, seit Adams Zeiten, Anno dazumal*), а также время, представленное в лексических оппозициях, связанных с параметрами измерения времени - «начало - конец» (*от Адама, сдвинуть с мертвой точки, в конце концов, кончен бал, letzten Endes, seit Adams Zeiten*), «быстро - медленно» (*молниеносно, глазом не успел моргнуть, im Schneckentempo*), «рано - поздно» (*ни свет ни заря, до глубокой ночи, bei Tagesanbruch, vor Tau und Tag*).

Итак, концепт «время» находит отражение в оппозиции «реальность - ирреальность», где проявляются особенности восприятия времени русским и немецким народами. Сознание обоих народов, их мысли, мечты, чаяния связаны больше не с настоящим временем, а с будущим. Будущее постоянно от него отдалается на неопределенное время, становясь «прекрасным далеко», желанным, но недостижимым, нереальным. Однако «прекрасное далеко» остается воплощением не только в сознании, но и в языке – находит отражение в лингвовременной картине мира. Однако границы между реальным и ирреальным зыбки, условны и расплывчаты. Это явление находит отражение в актуальном значении ФЕ *при Царе Горохе – als der Alte Fritz nich Gefreiter war, со времен Адама – seit Adams Zeiten* - «очень давно, неизвестно когда» и др. Примечательно, что фразеологизмы, образно выражающие реальное время, обладают прозрачной внутренней формой. ФЕ, образно выражающие ирреальное время, - необычной формой, требующей расшифровки, чаще всего построены они на алогизме, тем самым являясь имплицитным выражением времени. Такие фразеологизмы являются более образными и как следствие эмоциональными, экспрессивными, оценочными. Этот лингвистический феномен, характерный и для немецкого и для русского языков, имеет психологическое обоснование: вызывают повышенный интерес, актуализируют внимание, будят воображение те явления, которые обладают своеобразием, являются необычными, неординарными.

Исходя из полученных в ходе исследования данных, можно сделать вывод, что в основе языкового воплощения концепта «время» и немецкой и русской лингвокультурах помимо универсальных черт лежат и национально-

специфические особенности, которые обусловлены различием немецкой и русской социальных культур, отразивших особенности менталитета и системы ценностей двух национальных сообществ. Как правило, прежде всего, фразеологизмы, внутренняя форма которых построена на алогизме, обладают национальной спецификой, отражающей особенности восприятия времени русским и немецким народами.

Репрезентация концепта «время» продолжает развиваться. Представляется целесообразным на основе полученных результатов провести дальнейшую разработку концепта «время», уделив особое внимание периферии, а также рассмотреть данный концепт в литературе в сопоставительной перспективе.

Будучи основанием многих других элементов картины мира, феномен времени связан с такими сферами как пространство, движение, человек и т.д. Изучение этой связи также могло бы стать объектом дальнейшего исследования.

Список использованных источников

- 1 **Алпатов, В.Н.** Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку / В.Н. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. - № 3. - С. 15 – 26.
- 2 **Амосова, Н.Н.** Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. - Л.: [б.и.], 1963. - 234 с.
- 3 Текст как явление культуры / Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отделение, 1989. – 197 с.
- 4 **Апресян, Ю.Д.** Избранные труды: в 2-х т. Т. 1. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. - 2-е изд. испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 1995. – 472 с.
- 5 **Апресян, Ю.Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. - 1995. – № 1. - С. 38 – 68.
- 6 **Аракин, В.Д.** Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. - Л.: [б.и.], 1979. – 310 с.
- 7 **Арнольдов, А.И.** Человек и мир культуры: Введение в культурологию / А.И. Арнольдов. – М.: МГИК, 1992. – 240 с.
- 8 **Артемова, А.Ф.** Культурно-национальная специфика английских фразеологических единиц и ее сохранение при переводе: университетские чтения / А.Ф. Артемова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – С. 79 – 80.
- 9 **Арутюнова, Н.Д.** Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») / Н.Д. Арутюнова // ВЯ. – 1987. - № 3. - С. 46 – 51.
- 10 **Арутюнова, Н.Д.** К проблеме функциональных типов лексического значения: Аспекты семантических исследований / Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1980. – 176 с.
- 11 **Архангельский, В.Л.** Устойчивые фразы в современном русском языке / В.Л. Архангельский. – Ростов-н/Д.: [б.и.], 1964. – 254 с.
- 12 **Ахундов, М.Д.** Концепции пространства и времени: Истоки, эволюция, перспективы / М.Д. Ахундов. - М.: [б.и.], 1982. – 324 с.
- 13 **Бабкин, А.М.** Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. - Л.: [б.и.], 1970. – 356 с.
- 14 **Бабушкин, А.П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского госуд. ун-та, 1996. - 104 с.
- 15 **Балли, Ш.** Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во Иностр. лит., 1961. – 394 с.
- 16 **Бенвенист, Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. - М.: [б.и.], 1974. – 245 с.
- 17 **Бенвенист, Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. Ю. Караулова [и др.]. – М.: УРСС, 2002. – 448 с.
- 18 **Берестнев, Г.И.** О «новой реальности» языкознания / Г.И. Берестнев // Фил. науки. – 1997. - № 4. - С. 47 – 55.

- 19 Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. - М.: [б.и.], 2000. – 380 с.
- 20 Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. - СПб.: [б.и.], 2001. – 362 с.
- 21 **Бойченко, В.В.** Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц: авт. дис...канд. филол. наук: 10.02.19 / В.В. Бойченко. – М.: [б.и.], 1993. – 16 с.
- 22 **Болдырев, Н.Н.** Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев.— Тамбов: [б.и.], 2000. – 234 с.
- 23 **Бондарко, А.В.** Временные категории: Материалы конференции «Категоризация мира: пространство и время» / А.В. Бондарко. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 31 – 34.
- 24 **Бондарко, А.В.** Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. - Л.: [б.и.], 1984. – 145 с.
- 25 **Брутян, Г.А.** Языковая картина мира и ее роль в познании / Г.А. Брутян // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1976. – 294 с.
- 26 Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения / Т.В. Бульгина, А.Д. Шмелев // Вопросы языкознания. - 1989. - № 3. - С. 41.
- 27 **Бурдина, И.В.** Категория времени: развитие и функционирование в речевых актах: Материалы научной конференции «Категоризация мира: пространство и время» / И.В. Бурдина; МГУ. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 100 – 101.
- 28 **Быковская, Л.И.** Диапазон структурно-семантической вариативности фразеологических единиц в языке немецкой прессы: авт. дис...канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.И. Быковская. – Пятигорск: [б.и.], 1990. – 16 с.
- 29 **Вежбицкая, А.** Семантические универсалии и описание языков. / А. Вежбицкая; перевод с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Бульгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999.- 780 с.
- 30 **Вендина, Т.И.** Словообразование как источник реконструкции языкового сознания / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. - 2002. - № 4. – С. 42 – 73.
- 31 Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
- 32 Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. - 4-е изд., перед. и доп. - М.: Рус. яз, 1990. – 246 с.
- 33 **Вернер, А.В.** Семантическая и коммуникативно-функциональная характеристика фразеологических единиц с культурным компонентом значения: авт. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.В. Вернер. - М., 1998. – 23 с.
- 34 **Виноградов В.В.** Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Лексикология и лексикография: Избр. труды. - М.: Наука, 1977. – 312 с.

- 35 **Виноградов, В.В.** Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов // Лексикология и лексикография: Избр. труды. - М.: Наука, 1977. – 312 с.
- 36 **Виноградов, В.В.** Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Лексикология и лексикография: Избр. труды. - М.: Наука, 1977. – 322 с.
- 37 **Виноградов, В.В.** Основные типы фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.: [б.и.], Л.: [б.и.], 1947. - С. 21 – 28.
- 38 **Воркачев, С.Г.** Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели / С.Г. Воркачев // Филологические науки. - М.: [б.и.], 2005. - № 4. - С. 76 – 83.
- 39 **Воробьев, В.А.** Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.А. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
- 40 **Воробьев, В.А.** Языковая личность и национальная идея / В.А. Воробьев // Народное образование. – 1998. - № 5. – 218 с.
- 41 **Вохрышева, Е.В.** Культурологические модели диалогического взаимодействия в новоанглийском языке: монография / Вохрышева Е.В. – Самара: СГАКИ, 1998. – 268 с.
- 42 **Гаврин, С.Г.** Вопросы лексико-семантического и грамматического анализа фразеологических единиц современного русского языка / С.Г. Гаврин. - М.: АКД, 1962. – 138 с.
- 43 **Гак, В.Г.** Беседы о французском слове. (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков.) / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1966. – 335 с.
- 44 **Гак, В.Г.** Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. - М.: Наука. - 1988. С. 11 – 26.
- 45 **Гак, В.Г.** Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. - М., 1983. – 345 с.
- 46 **Гак, В.Г.** Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. - Л.: [б.и.], 1977. – 287 с.
- 47 **Гак, В.Г.** Язык как форма самовыражения народа / В.Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – 311 с.
- 48 **Гатаулина, З.З.** Сравнительные исследования Фразеологических единиц с компонентом – глаголом движения на материале английского, немецкого и шведского языков: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.20 / З.З. Гатаулина. - М.: [б.и.], 1968. – 203 с.
- 49 **Когнитивные аспекты лексической системы языка / Г.В. Гафарова, Т.А. Кильдебекова.** – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1998. – 180 с.
- 50 **Глазырин, Р.А.** Сопоставительный анализ компоративных фразеологических единиц в современных германских языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Р.А. Глазырин. - М.: [б.и.], 1972. – 225 л.
- 51 **Гносеологические вопросы семантики.** - Л.: [б.и.], 1964. – 373 с.
- 52 **Гончарова, Н.Ю.** Концепт «факт» в представлении человека: Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект / Н.Ю. Гончарова. – Тамбов: [б.и.], 1999. – 452 с.

- 53 **Горелов, И.Н.** Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. - М.: [б.и.], 1998.
- 54 Меморандум о языковых универсалиях / Д. Гринберг, Ч. Огсуд // Новое в лингвистике. - Т. V. М.: [б.и.], 1975. - 345 с.
- 55 **Гришаева, Л.И.** Перевод как источник знаний о концептуализации внеязыковой деятельности / Л.И. Гришаева // Перевод: язык и культура. - Воронеж: [б.и.], 2000. - 291 с.
- 56 Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. - М.: ЮНИТИДАНА, 2002. - 352 с. - ISBN 5-238-00359-5.
- 57 **Гумбольдт, В.** Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. - М.: [б.и.], 1985. - 423 с.
- 58 **Гумилев, Л.Н.** Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев; сост. и общ. ред. А.И. Куркчи. - М.: Институт ДИ - ДИК, 1997. - 640 с.
- 59 **Гумилев, Л.Н.** Этногенез и биосфера земли / Л.Н. Гумилев. - Л.: Ленингр. ун-т, 1989. - 276 с.
- 60 **Гуревич, А.Я.** Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. - М.: [б.и.], 1984. - 235 с.
- 61 **Гуревич, А.Я.** Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры / А.Я. Гуревич. - М.: [б.и.], 1990. - 256 с.
- 62 **Гуссерль, Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль // Язык и интеллект. - М.: Наука, 1990. - 341 с.
- 63 **Гухман, М.М.** Универсалии и типологические исследования / М.М. Гухман // ВЯ. - 1973. - № 1. - 3 16 с.
- 64 **Даль, В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4 / В.И. Даль. - М.: [б.и.], 1989. - 1168 с.
- 65 **Делез, Ж.** Логика смысла / Ж. Делез. - М.: Прогресс, 1969. - 347 с.
- 66 **Демьянков, В.З.** Доминирующие лингвистические теории в конце 20 века: сб. статей «Язык и наука конца 20 века» / В.З. Демьянков. - М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. - 432 с.
- 67 **Демьянков, В.З.** Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. - 1994. - № 4. - С. 17-26.
- 68 **Добровольский, Д.О.** Национально-культурная специфика во фразеологии / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. - 1998. - № 6. С. 25 - 33.
- 69 **Добровольский, Д.О.** Образная составляющая в семантике идиом / Д.О. Добровольский // ВЯ. - 1996. - №1. С. 71 - 93.
- 70 **Добрыднева, Е.А.** Стилистическая дифференциация фразеологизмов в культурно-национальном аспекте: доклады VI международной конференции «Семантика языковых единиц». / Е.А. Добрыднева. - М.: [б.и.], 1998. - С. 248 - 250.
- 71 **Долгополов, Ю.А.** Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю.А. Долгополов. - Казань: [б.и.], 1973. - 263 с.

- 72 **Дударева, З.М.** Контрастивное исследование концептуальной сферы «ВРЕМЯ» в русской и башкирской языковых картинах мира: монография / З.М. Дударева. - Екатеринбург-Стерлитамак: Уральский гос. пед. университет-Стерлитамак. гос. пед. академия, 2004. – 200 с.
- 73 **Ешич, М.Б.** Культура в системе общества / М.Б. Ешич // Культура в общественной системе социализма. – М.: Наука, 1984. – 221 с.
- 74 **Жинкин, Н.И.** Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 252 с.
- 75 **Жуков, А.В.** Лексико-фразеологический словарь русского языка / А.В. Жуков. - М.: [б.и.], 2003. – 603 с.
- 76 **Заботкина, В.И.** Изменения в концептуальной картине мира в аспекте когнитивно-прагмативного подхода к языковым явлениям: материалы научной конференции «Категоризация мира: пространство и время» / В.И. Заботкина. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 55 – 59.
- 77 **Залевская, А.А.** Психолингвистический подход к анализу языковых явлений / А.А. Залевская // Вопросы языкознания. – 1999. - № 6. - С. 35-48.
- 78 **Звегинцев, В.А.** Язык и знание / В.А. Звегинцев // Вопросы философии. – 1982. - № 1. - С. 71-77.
- 79 **Зиньков, А.Д.** Сравнительное исследование адвербиальных фразеологических единиц в современных западногерманских языках: авт. дис...канд. филол. наук: 10.02.20 / А.Д. Зиньков. - М.: [б.и.], 1976. – 25 с.
- 80 **Иванова, С.В.** Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности: учебное пособие / С.В. Иванова. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 132 с.
- 81 **Иванова, С.В.** Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: авт. дис...докт. филол. наук: 10.02.19 / С.В. Иванова. – Уфа: [б.и.], 2003. – 41 с.
- 82 **Иомдин, Б.Л.** Семантика глаголов иррационального понимания / Б.Л. Иомдин // Вопросы языкознания. - 1999. - № 4. - С. 71 - 81.
- 83 **Каган, М.С.** Философия культуры / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1996. – 416 с.
- 84 **Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: [б.и.], 2001. – С. 32-37.**
- 85 **Караулов, Ю.Н.** Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
- 86 **Кацнельсон, С.Д.** Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – М.: Наука, 1986. – 297 с.
- 87 **Кириллова, Н.Н.** О денотате фразеологической семантики / Н.Н. Кириллова // Вопросы языкознания. - 1986. - № 1. - С. 82 – 90.
- 88 **Колесов, В.В.** Философия русского слова / В.В. Колесов. - СПб.: [б.и.], 2001. – С. 122.
- 89 **Колшанский, Г.В.** Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 102 с.

- 90 Предисловие / Р.Г. Котов, А.И. Новиков // Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. - М.: [б.и.], 1982. – 217 с.
- 91 **Кубрякова, Е.С.** Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово): материалы научной конференции «Категоризация мира: пространство и время» / Е.С. Кубрякова. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 3 – 14;
- 92 **Кубрякова, Е.С.** Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. - М.: [б.и.], 1996. – 175 с.
- 93 **Кубрякова, Е.С.** Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. - № 4. - С. 36-47.
- 94 Предисловие / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1997. – С. 3 – 10;
- 95 **Кубрякова, Е.С.** Проблема представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем: сборник научно-аналитических обзоров «Язык и структуры представления знаний» / Е.С. Кубрякова; отв. ред-ры: Ф.М. Березин, Е.С. Кубрякова. – М.: ИНИОН, 1992. - 162 с.
- 96 **Кубрякова, Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа): сборник статей «Язык и наука конца 20 века» / Е.С. Кубрякова. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. - 432 с.
- 97 **Кубрякова, Е.С.** Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Изв. РАН – СЛЯ. – 1997. - № 3. – 213 с.
- 98 **Кузнецов, А.М.** Национально-культурное своеобразие слова: сборник обзоров «Язык и культура» / А.М. Кузнецов. - М.: [б.и.], 1987. - С. 65 – 74.
- 99 **Куликова, Л.В.** Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты на материале русской и немецкой лингвокультур: монография / Л.В. Куликова. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196 с. – 5-85981-090-3.
- 100 Культурология: учебное пособие / под ред проф. Г.В. Драча. М.: Альфа – М.: [б.и.], 2003. – 432 с.
- 101 Культурология. XX век: словарь. – СПб: университетская книга, 1997. – 670 с.
- 102 **Кунин, А.В.** Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. - 2-е изд-е, перераб.– М.: Высш. шк., 1996. – 381 с.
- 103 **Кунин, А.В.** Основные понятия английской фразеологии и создание англо-русского фразеологического словаря / А.В. Кунин. - М.: [б.и.], 1964. – 143 с.
- 104 **Лакофф, Дж.** Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. Когнитивные аспекты языка.- М.: Прогресс, 1988. – 320 с.

- 105 **Ларин, Б.А.** О методах изучения фразеологических сочетаний / Б.А. Ларин // Научная сессия ЛГУ 1953-1954: тез. докл. по секции филол. наук. - Л.: [б.и.], 1954. – С. 5 - 8.
- 106 **Лебедева, Н.М.** Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. - М.: [б.и.], 1999. – 105 с.
- 107 **Леонтьев, А.А.** Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема: Национально-культурная специфика речевого поведения / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1977. – 352 с.
- 108 **Леонтьев, А.Н.** Человек и культура / А.Н. Леонтьев. – М.: [б.и.], 1961. – 183 с.
- 109 **Лихачев, Д.С.** Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН – СЛЯ. – 1993. – 234 с.
- 110 **Лихачев, Д.С.** Концептосфера русского языка. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Д.С. Лихачев; под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 320 с.
- 111 **Логический анализ языка. Культурные концепты.** – М.: Наука, 1991. – 204 с.
- 112 **Лосев, А.Ф.** Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
- 113 **Лотман, Ю.М.** Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. - М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
- 114 **Лукин, В.А.** Концепт «истины» и слово «истина» в русском языке (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) / В.А. Лукин // ВЯ. – 1993. - № 4. С. 63 – 86.
- 115 **Будущее время как частный случай выражения нереперентности ситуации (на материале цахурского языка): материалы научной конференции «Категоризация мира: пространство и время» / Т.А. Майсак, С.Г. Татевосов. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 92 – 95.**
- 116 **Маковский, М.М.** Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике / М.М. Маковский. - М.: Наука, 1980. – 212 с.
- 117 **Маковский, М.М.** Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов / М.М. Маковский. – М.: Ин-т русс. яз. им. В.В. Виноградова, 1996. – 330 с.
- 118 **Маркарян, Э.С.** К оценке информационных определений культуры: Методологические проблемы анализа языка / Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1976. – 294 с.
- 119 **Маркарян, Э.С.** Культура как способ деятельности / Э.С. Маркарян // Вопросы философии. – 1977. - № 11. С. 135 – 146.
- 120 **Маркарян, Э.С.** Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ) / Э.С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
- 121 **Маслов, Ю.С.** Очерки по аспектологии / Ю.Л. Маслов. - Л.: [б.и.], 1984. – 256 с.
- 122 **Маслова В.А.** Лингвокультурология: учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

- 123 **Маслова, В.А.** Введение в лингвокультурологию: учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
- 124 **МД: Материалистическая диалектика.** В 5-ти т. Т. I. Объективная диалектика / Под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова; отв. ред. Ф.Ф. Вяккерев. – М.: Мысль, 1981. – 374 с.;
- 125 **Медведева, Е.В.** Рекламная коммуникация / Е.В. Медведева. - М.: Едиториал УРСС, 2003. – 280 с.
- 126 **Минский, М.** Структура для представления знания / М. Минский; под ред. П. Уинстона. – М.: Мир, 1978. – 344 с.
- 127 **Мурясов, Р.З.** Сопоставительная морфология немецкого и русского языков. Глагол / Р.З. Мурясов. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 174 с.
- 128 **Назарян, А.Г.** История развития французской фразеологии: учебное пособие для ин-тов и фак. ин. яз / А.Г. Назарян. – М.: Высш. школа, 1981. – 189 с.
- 129 **Язык и культура в истории этноса / Г.П. Нецименко, С.А. Арутюнова, А.Р. Багдасаров, В.Н. Белоусов [и др] // Язык – культура – этнос. – М.: Наука, 1994. – 233 с.**
- 130 **Никитин, М.В.** Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. - Санкт- Петербург: [б.и.], 1997. - 187 с.
- 131 **Никитина, Т.Г.** К вопросу о классификационной схеме фразеологического словаря / Т.Г. Никитина // Вопросы языкознания. - 1995. - № 2. С. 68 – 82.
- 132 **Ньютон, И.** Математические начала натуральной философии. Собрания трудов акад. А.Н. Крылова. – И. Ньютон. – М.–Л.: Просвещение, 1936. – 158 с.
- 133 **Павиленис, Р.И.** Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М.: Наука, 1983. – 185 с.
- 134 **Петров, В.В.** Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний / В.В. Петров // ВЯ. – 1990. - № 6. - С. 110 – 122.
- 135 **Печенкина, О.Ю.** О периферии концепта «бог» в текстах пословиц и поговорок русского народа, собранных В.И. Далем / О.Ю. Печенкина // Фразеология 2000. – Тула: [б.и.], 2000. – С. 113 – 115.
- 136 **Поливанов, Е.Д.** За марксистское языкознание / Е.Д. Поливанов. - М.: [б.и.], 1931. – 119 с.
- 137 **Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: [б.и.], 2003. – 59 с.**
- 138 **Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова, Б.А. Серебренников [и др] // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.**
- 139 **Прохорчик, Л.А.** Просторечие и семантика фразеологизмов: доклады VI межд. конф-ции «Семантика языковых единиц». Т. 1 / Л.А. Прохорчик. - М.: [б.и.], 1998. – С. 285 – 288.
- 140 **Райхштейн, А.Д.** Немецкие устойчивые фразы: пособие по лексикологии немецкого языка. / А.Д. Райхштейн; подготовлено д.ф.н. И.В. Козыревой

- и к.ф.н. Е.Е. Михелевич. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство «Менеджер», 2004. – 240 с.
- 141 **Райхштейн, А.Д.** Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А.Д. Райхштейн. - М.: [б.и.], 1980. - 143 с.
- 142 **Рахилина, Е.В.** Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – М.: [б.и.], 1998. – № 36. - С. 274 – 323.
- 143 **Риккерт, Г.** Науки о природе и науки о культуре: Культурология. XX век: Антология / Г. Риккерт. – М.: Юрист, 1995. – 703 с.
- 144 Семантика и категоризация: Ин-т языкознания / Отв. ред. Ю.А. Шрейдер. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
- 145 **Смирницкий, А.И.** Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. - М.: [б.и.], 1956. – 230 с.
- 146 **Соловьев, В.С.** Красота в природе / В.С. Соловьев.- Т. 2. – М.: [б.и.], 1990. – 365 с.
- 147 **Солодуб, Ю.П.** Контрастивная фразеология / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. - М.: [б.и.], 2003. – № 2. - С. 57 – 65.
- 148 **Солодуб, Ю.П.** Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. - 1990. - № 6. - С. 58 - 69.
- 149 **Солодуб, Ю.П.** Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): методические разработки к спецкурсу для студентов, изучающих русский язык как иностранный / Ю.П. Солодуб. - М.: [б.и.], 1985. – 174 с.
- 150 **Степанов, Ю.С.** Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности: сб. статей «Язык и наука конца 20 века» / Ю.С. Степанов. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – 432 с.
- 151 **Степанов, Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- 152 **Степанов, Ю.С.** Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. - М.: [б.и.], 1975. – 345 с.
- 153 **Степанов, Ю.С.** Семантика / Ю.С. Степанов // Лингв. энцикл. словарь. - М.: [б.и.], 1990. – 436 с.
- 154 **Степанов Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры. - М., 2001.
- 155 Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж: [б.и.], 2003. – 73 с.
- 156 **Тарасов, Е.Ф.** Язык и культура: методологические проблемы / Е.Ф. Тарасов // Язык – Культура – Этнос. – М.: [б.и.], 1994. – С. 107 - 121.
- 157 **Тарасов, Е.Ф.** Язык и культура: методологические проблемы: сборник обзоров АН СССР «Язык и культура» / Е.Ф. Тарасов. – М.: Ин-т научной информации по общественным наукам, 1987. – 208 с.

- 158 **Телия, В.Н.** О методологических основаниях лингвокультурологии: XI Международная конференция «Логика, методология, философия науки» / В.Н. Телия. – М., Обнинск: [б.и.], 1995. – С. 23 – 35.
- 159 **Телия, В.Н.** Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 87 – 101.
- 160 **Телия, В.Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. - М.: [б.и.], 1996. – 285 с.
- 161 **Телия, В.Н.** Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков микротекстов: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой «Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура» / В.Н. Телия. - М.: [б.и.], 2004. – С. 681.
- 162 Теория познания. Том 2. Социально-культурная природа познания / под ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1991. – 478 с.
- 163 **Тер-Минасова, С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-минасова. – М.: Слово (Slovo), 2000. – 624 с. – ISBN 5-85050-240-8.
- 164 **Тильман, Ю.Д.** «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И. Тютчева / Ю.Д. Тильман // Фразеология в контексте культуры. – М.: [б.и.], 1999. – С. 203 – 212.
- 165 **Токарев, Г.В.** Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность») / Г.В. Токарев. – Тула: [б.и.], 2000. - 256 с.
- 166 **Толстой, Н.И.** Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики / Н.И. Толстой // Изв-я АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1982. - № 5. С. 397-408.
- 167 **Толстой, Н.И.** О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса / Н.И. Толстой // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. - М.: [б.и.], 1983. – С. 367 – 379.
- 168 **Толстой, Н.И.** Слово в обрядовом тексте / Н.И. Толстой, С.М. Толстая // Славянское языкознание. - М.: [б.и.], 1993. – С. 75 – 88.
- 169 **Толстой, Н.И.** Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин / Н.И. Толстой // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. - М.: [б.и.], 1997. – С. 312 - 325.
- 170 **Толстой, Н.И.** Язык и культ (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) / Н.И. Толстой // Zeitschrift für slavische Philologie. - 1991. – С. 25 – 38.
- 171 **Толстой, Н.И.** Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. - М.: [б.и.], 1995. – 235 с.
- 172 **Топоров, В.Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. - М.: [б.и.], 1995. – 297 с.
- 173 **Трубачев О. Н.** Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Вопросы языкознания. - 1998.- № 3. - С. 3-24.

- 174 **Трубников, Н.Н.** Время человеческого бытия / Н.Н. Трубников. - М.: [б.и.], 1986. – 345 с.
- 175 **Уфимцева, Н.В.** Структура языкового сознания русских: 70-е – 90-е годы: материалы конференции «Этническое и языковое самосознание» / Н.В. Уфимцева. – М.: [б.и.], 1995. - С. 28-29.
- 176 **Федоров, А.И.** Лексикографическая характеристика фразеологизмов и идиом, помещенных в словаре // А.И. Федоров. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1995. – 138 с.
- 177 **Филмор, И.** Фреймы и семантика понимания / И. Филмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23 Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – 320 с.
- 178 **Филоненко, Т.М.** Фразеологизмы, образно выражающие значение пространства и времени в современном русском языке / Т.М. Филоненко. СПб: Нестор, 2002. - 166 с.
- 179 **Фрумкина, Р.М.** Есть ли у современной лингвистики своя эпистимология?: сб. статей «Язык и наука конца 20 века». – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. - 432 с.
- 180 **Фрумкина, Р.М.** Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М. Фрумкина // Информационные процессы и системы. – 1992. - № 6. - С. 1 – 8.
- 181 **Хайдеггер, М.** Время и бытие: сборник «Разговор на проселочной дороге» / М. Хайдеггер; пер. с нем.; под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.
- 182 **Хайруллина, Р.Х.** Картина мира во фразеологии. Тематико-идеографическая семантика и образно-мотивированные основы рус. и баш. фразеологизмов: авт. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20 / Р.Х. Хайруллина. - М.: [б.и.], 1997. – 32 с.
- 183 **Хайруллина, Р.Х.** Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию / Р.Х. Хайруллина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. – С. 13.
- 184 **Хализев, В.Е.** Теория литературы / В.Е. Хализев. - М.: [б.и.], 1999. – 316 с.
- 185 **Харитончик, З.А.** О принципах единства и целостности категорий / З.А. Харитончик // Филология и культура. Часть 1. Международная конференция. 12 – 14 мая 1999 г. – Тамбов: [б.и.], 1999. – С. 21 – 22.
- 186 **Хомский, Н.** Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский; пер. с англ.; под ред. и с предисловием В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 259 с.
- 187 **Цейтлин, С.Н.** Маркировка локативных отношений в речи ребенка на начальных стадиях его развития: материалы научной конференции «Категоризация мира: пространство и время» / С.Н. Цейтлин. – М.: МГУ, 1997. - С. 78 – 80.
- 188 **Чанышева, З.З.** Этнокультурные основания лексической семантики: монография / З.З. Чанышева. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 254 с.
- 189 **Чернышева, И.И.** Фразеология современного немецкого языка. АДД / И.И. Чернышева. - М.: [б.и.], 1964. – 436 с.

- 190 **Шарандин, А.Л.** Прототипические характеристики лексико-грамматических разрядов русского глагола / А.Л. Шарандин // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. – Тамбов: [б.и.], 1998 – С. 129 – 131.
- 191 **Шафиков, С.Г.** Любовь: Категория или концепт?: сборник научных статей «Языковые и речевые единицы в разных языках» / С.Г. Шафиков. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 363 с.
- 192 **Шахнорович, А.М.** Категории пространства и времени в онтогенезе: материалы научной конференции «Категоризация мира: пространство и время» / А.М. Шахнорович, Н.М. Юрьева. – М.: МГУ, 1997. – С. 80 – 82.
- 193 **Шестова, А.А.** Окказиональный и узуальный компоненты во фразеологических единицах / А.А. Шестова // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура. – М.: МГЛУ, 2002. – С. 278 – 279.
- 194 **Элиаде, М.** Космос и история / М. Элиаде. - М.: [б.и.], 1987. – 257 с.
- 195 **Этнолингвистический словарь.** - М.: [б.и.], 2001. – 879 с.
- 196 **Яковлева, Е.С.** Час в русской языковой картине времени / Е.С. Яковлева // Вопросы языкознания. - М.: [б.и.], 1995. – С. 54 – 76.
- 197 **Ярцева, В.Н.** Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. - М., 1981. – 256 с.
- 198 **Ярцева, В.Н.** Проблема универсалий и классификация языков / В.Н. Ярцева // Универсалии и типологические исследования. - М.: [б.и.], 1974. – С. 5 – 28.
- 199 **Aschoff J.** Die innere Uhr des Menschen. In: Peisl, A./Mohler, a. (eds.), 1983, S. 133-144.
- 200 **Blaser J.-P.** Die Zeit in der Physik. In: Peisl, A./Mohler, A. (eds.), 1983, 1-15 S.
- 201 **Bühler K.** Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 1934. – 453 S.
- 202 **Bull W.** Time, Tense, and the Verb. Berkeley / Los Angeles: University of California Press, 1968. – 324 S.
- 203 **Handbuch der Phraseologie.** Burger H., Buhofer A., Sialm A. Berlin / New York: [б.и.], 1982. – 453 S.
- 204 **Canbut M.** Formalisierung und Konzeptualisierung von Zeit im Türkischen und im Deutschen. Europäische Hochschulschriften, Reihe XXI Linguistik, Bd. 247, Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2002, 107 S.
- 205 **Černyševa I.** Aktuelle Probleme der deutschen Phraseologie. Deutsch als Fremdsprache, [б.и.], 1984, S. 17 – 21.
- 206 **Chafe W.L.** Repeated verbalisations as evidence for the organisation of knowledge // Preprints of the plenary session papers: XIV International Congress of linguistics. – Berlin: [б.и.], 1987, 367 S.
- 207 **Comrie B.** Tense. Cambridge University Press, [б.и.], 1985. – 276 S.
- 208 **Cowie A.P.** Phraseology: Theory, Analysis and Application. Oxford, [б.и.], 1998 - P. 2.
- 209 **Cowie A.P., Mackin R., McCaig I.R.** Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. In 2 Vol. Oxford, [б.и.], 1984. – 478 S.

- 210 **Eckert R.** Zum vergleichenden Studium der Phraseologie. In: Linguistische Studien. Reihe A, Arbeitsberichte 57, Akademie der Wissenschaften der DDR, Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Berlin: [б.и.], - S. 149 – 155.
- 211 **Ehrich V.** Hier und Jetzt. Studien zur lokalen und temporalen Deixis im Deutschen. - Tübingen: Niemeyer, 1992. – 256 S.
- 212 **Eismann W.** Jenseits der Weltbild-Phraseologie: Vergessene psychoanalytische Perspektive in der Phraseologie. // Phraseologie Amor- Aspekte europäischer Phraseologie. Festschrift für Gertrud Gréciano zum 60. Geburtstag. Hohengehren 2001. – S. 107 – 122.
- 213 **Fleischer W.** Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: [б.и.], 1982. – 356 S.
- 214 **Földes C.** Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. Wien: Edition Praesens 1992, 232 S. ISBN 3-901126-16-3.
- 215 **Földes C.** Deutsche Phraseologie kontrastiv: intra- und interlinguale Zugänge. – Heidelberg: Groos, 1996. - 120 S.
- 216 **Goodenough Ward H.** Cultural Anthropology and Linguistics – Language in Culture and Society. A Reader in Linguistics and Anthropology. Ed. By Dell Hymes, New York: [б.и.], 1964. – 764 p.
- 217 **Harter M.R.** Excitability cycles and cortical scanning: a review of two hypotheses of central intermittency in perception. Psychological Bulletin 68, [б.и.], 1967. - 47-58.
- 218 **Hawking S.W.** A Brief History of Time: From the Big Bang to the Black Holes.- New York: Bantman. Dt. Übersetzung: Eine kurze Geschichte der Zeit. Die Suche nach der Urkraft des Universums. Hamburg: Rowohlt, 1989. – 346 S.
- 219 **Heidegger M.** Zeit und Sein. Zur Sache des Denkens. – Tübingen: Max Niemeyer, 1969. - S. 1 – 25.
- 220 **Hoijer H.** The Sapir-Whorf Hypothesis. - Language in Culture. Conference of the Internations of Language and Other Aspects of Culture. Ed. By H. Hoijer. The University of Chicago Press, London: [б.и.], 1971. - 286 p.
- 221 **Husserl E.** Ideas: General introduction to pure phenomenology. – New – York: [б.и.], 1972. – 580 p.
- 222 **Johnson-Laird P.N.** Mental Models in Cognitive Science. Cognitive Science 4, 1980. – p. 71-115.
- 223 **Kant I.** 1787 Kritik der reinen Vernunft. 2. Aufl., Ausgabe von Th. Valentiner. Leipzig: Meiner, 1923. – 534 S.
- 224 **Language Thought and Culture.** Ed. By Paul Henle. The University of Michigan Press, Binghamton, New York: [б.и.], 1958. – 273 p.
- 225 **Nuckols Charles W.** Culture. A Problem That Cannot Be Solved. The University of Wisconsin Press, 1998. – 301 p.
- 226 **Robinson Gail L.** Nemetz. Crosscultural Understanding. Pergamon Press, New York: [б.и.], 1985. – 134 p.
- 227 **Roos E.** Idiom und Idiomatik: ein sprachliches Phänomen im Lichte der kognitiven Linguistik und Gestalttheorie. Aachen, 2001. – 278 S.

- 228 **Sapir E.** Selected Writings in Language, Culture and Personality. Ed. By David G. Mandelbaum. University of California Press, Berkeley and Los-Angeles, 1968. – 617 p.
- 229 **Schwarz M.** Einführung in die Kognitive Linguistik. Tübingen: Francke, 1992. – 145 S.
- 230 **Sebuktekin H.** Turkish-English contrastive analysis. The Hague-Paris, 1971. – 367 p.
- 231 **Cognitive Science. An Introduction.** Stillings N.A., Feinstein M.A., Garfield J.A., Rissland E.L., Rosenbaum D.A., Weisler S.E., Baker-Ward L. Cambridge, Massachusetts, London: [б.и.], 1989. - 533 p.
- 232 **Stroud J.M.** The fine structure of psychological time. In: Fischer, R. (ed.), 1967. Interdisciplinary perspective of time. Annals of the New York Academy of Sciences 138, art. 2, 1967. – 187 p.
- 233 **Vater H.** Einführung in die Zeitlinguistik. Köln, Gabel Verlag, 1994. – 432 S.
- 234 **White C.T.** Temporal numerosity and the psychological unit of duration. Psychological Monographs 77, 12, whole no. 575, 1963. – 178 p.
- 235 **Wiese R.** Psycholinguistische Aspekte der Sprachproduktion. Sprechverhalten und Verbalisierungsprozesse. Hamburg: Buske, 1983. – 367 S.
- 236 **Zweig S.** Sternstunden der Menschheit. S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2000. - 303 S.

Лексикографические источники

- 1 Русские пословицы и поговорки: Классики и современники. Рус. классич. лит-ра / В. П. Аникин, Ф. М. Селиванов, Б. П. Кирдан. – М.: Художественная литература, 1988. – 431 с. – ISBN 5-280-00027-2.
- 2 Немецко-русский фразеологический словарь / Л.Э. Бинович, Н.Н. Гришин. – 2-е изд. – М.: Рус. язык, 1975. – 656 с.
- 3 Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
- 4 **Даль, В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – Т. 4. – М.: ГИС, 1956. – 1664 с.
- 5 **Жуков, В.П.** Словарь русских пословиц и поговорок. / В.П. Жуков. - 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 535 с.
- 6 **Жуков, В.П.** Словарь фразеологических синонимов русского языка. / В.П. Жуков М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляр. - М.: [б.и.], 1987. – 440 с.
- 7 **Жуков, А.В.** Лексико-фразеологический словарь русского языка: Более 1400 фразеологизмов / А.В. Жуков. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
- 8 **Киселев, И.А.** Фразеологический словарь русского языка / И.А. Киселев. – Минск: Народная асвета, 1985. – 128 с.
- 9 **Ярцева, В.Н.** Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева [и др.]. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

- 10 Немецко-русский фразеологический словарь / Малиге-Клапенбах, К. Агрикола, Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. – М.: Русский язык, 1975. – 578 с.
- 11 **Мальцева, Д.Г.** Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием: около 1300 фразеологических единиц / Д. Г. Мальцева. – М.: Азбуковник, Русс-е словари, 2002. – 350 с.
- 12 **Мальцева, Д.Г.** Немецко-русский словарь современных фразеологизмов / Д. Г. Мальцева. – М.: Рус. яз – Медиа, 2003. – 506 с.
- 13 Фразеологизмы в русской речи: Словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М.: [б.и.], 1997. – 846 с.
14. **Ожегов, С.И.** Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Сов. энциклопедия. – 847 с.
15. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: ГИС, 1957 – 1961, 4 т. – 478 с.
- 16 Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Наука, 1948-1965, 17 т. – 278 с.
- 17 Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.И. Ушакова. – М.: Госиздат, 1935-1940, 4 т. – 321 с.
- 18 **Цвиллинг, М. Я.** Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок / М. Я. Цвиллинг. – М.: Рус. яз., 2002. – 216 с. – ISBN 5-200-03164-8.
- 19 Фразеологические обороты русского языка / Н.М. Шанский, Е.А. Быстрова, В.И. Зимин. – М.: Рус. язык, 1988. – 390 с.
- 20 Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. – М.: Рус. язык, 1987. – 240 с.
- 21 **Яранцев, Р.И.** Словарь-справочник по русской фразеологии / Р.И. Яранцев. – М.: Рус. язык, 1981. – 304 с.
- 22 Der Große Duden. Stilwörterbuch der deutschen Sprache. 4.Aufl., Mannheim, 1956. 5.Aufl., Mannheim, 1963. – 568 S.
- 23 Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bänden/ Unter Leitung von G. Drosdowski. Mannheim/Wien/Zürich, 1977. – 389 S.
- 24 EWD: Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Leit. W- Pfeifer. – Berlin: Akademie – Verlag, 1989. – Bd. 1-3. – 2093 S.
- 25 Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Hrsg. von E. Agricola unter Mitwirkung von H. Gurner und R. Köfner, VEB, Bibliographisches Institut. Leipzig, 1962. – 643 S.

Приложение А

(справочное)

Репрезентация концепта «время»

во фразеологии немецкого и русского языков

Таблица А. 1 - Выражение реального и ирреального времени во фразеологизмах

Значение фразеологического поля	Фразеологизмы в русском языке	Фразеологизмы в немецком языке
1	2	3
Прошедшее – настоящее – будущее время	В свое время; третьего дня; задним числом; вчерашний день – до сих пор; на сегодняшний день; в последнее время – в свое время; рано или поздно; не за горами; завтрашний день; ближайшее будущее; лучшее будущее;	Zu seiner Zeit; der gestrige Tag; – früh oder spät; nicht allzufern; heute oder morgen; die nahe Zukunft; die nächste Zukunft; die greifbare Nähe; das beste Morgen;
Начало - конец	сдвинуть с мертвой точки; начать с азов; первые шаги; с пеленок; на первых парах; с колыбели; в первую очередь; первая ласточка; первое время; - конец – делу венец; под занавес; пора и честь знать; в последнюю минуту; заключительный аккорд;	den toten Punkt überwinden; etwas vom Fleck bringen; die Sache über den toten Punkt hinwegbringen; etwas ins Rollen bringen; den Stein ins Rollen bringen; von vorne (von A) anfangen; die ersten Schritte; von klein auf; seit frühesten Kindheit; fürs erste; von der Wiege bis zur Bahre; in erster Linie; die erste Schwalbe; Ausgang gibt den Taten ihre Titel; zum Torschluss; jetzt ist es aber genug; in der ersten Zeit; in letzter Minute; Schlussakkord;
Скоро - нескоро	вот – вот; с минуты на минуту; того и гляди; с часу на час; на днях; ни сегодня-завтра; со дня на день; на носу; на пороге; не за горами; - до второго пришествия; до гробовой доски;	jeden Augenblick; ehe man sich versieht; von Stunde zu Stunde; dieser Tage; in diesen (einigen) Tagen; heute oder morgen; von heute auf morgen; von Tag zu tag; vor der Tür; an der Schwelle; nicht allzufern sein;

Продолжение таблицы А.1

1	2	3
Рано – поздно	детское время, чуть свет, ни свет ни заря; вставать с петухами; с детства; с пеленок; с колыбели; – на ночь глядя; к шапочному разбору; до глубокой ночи; поздние гости глодают кости; под занавес;	in aller Frühe; bei Tagesanbruch; vor Tau und Tag; mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen; von klein auf; seit frühester Kindheit; von der Wiege an; – kurz (knapp) vor Torschluss; kommen, wenn alles vorbei ist; bis tief in die Nacht hinein; wer nicht kommt zur rechten Zeit, der muss essen, was übrig bleibt;
Всегда – изредка - никогда	испокон веков; денно и ночью; во веки веков; на веки вечные; до скончания века; до гробовой доски; по гроб жизни; до последнего дыхания; – время от времени; нет-нет да и – после дождичка в четверг; когда рак на горе свистнет, а рыба запоет; когда петух в темя клюнет; ни в жизнь; на морковкино заговенье; на турецкую пасху; на русский байрам;	seitdem die Welt steht; seit alters her; von alters her; bei Tag und Nacht; in alle Ewigkeit; auf Gedeih und Verderb; bis zum Jüngsten Tag; bis in alle Ewigkeit; bis zum Grabe; bis zum letzten Atemzug; bis zum letzten Schnauffer; – hin und wieder; von Zeit zu Zeit; ab und zu – am (Sankt)Nimmerleinstag; wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen; wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht!“ sagen; wenn der Hahn Eier legt;
Медленно - быстро, с большой скоростью	битый час; только за смертью посылать; черепашьим шагом; мало по малу; в час по чайной ложке; - в мгновение ока; одним махом; и глазом не успел моргнуть; в два счета; не по дням, а по часам (расти); как одна минута; во весь дух; на всех парах/парусах; как на пожар; без оглядки; как ошпаренный; одна нога здесь, другая там;	eine geschlagene Stunde; im Schneckentempo; - ehe du Piep sagst; ohne mit der Wimper zu zucken; im Handumdrehen; ruck, zuck; im Nu; mit affenartiger Geschwindigkeit; wie die Pilze aus dem Boden schießen; im Umsehen; von heute auf morgen; mit einem Ruck; kurz entschlossen; zusehends (wachsen); blitzschnell; wie im Fluge vergehen;

Продолжение таблицы А.1

1	2	3
Скоро, в ближайшее время	сей момент; сию минуту; с минуты на минуту; без пяти минут (электрик); на носу; на мази;	gleich jetzt; denselben Augenblick; jeden Augenblick; binnen kurzem; in Bälde; er ist schon ein halber Elektriker;
Давно – недавно	веки вечные; при царе Горохе; во время оно; много воды с тех пор утекло; что было то прошло и былём поросло; за плечами; Бог знает когда; испокон веку; - на днях; третьего дня, без году неделя;	ewige Zeiten; Anno dazumal; weiland; als der Alte Fritz noch Gefreiter war (noch Fahnenjunker war; noch im Sand spielte); als der Großvater die Großmutter nahm; setdem ist schon viel Wasser verflossen; da fließen noch viel Wasser den Berg hinunter; vorbei ist vorbei; hinter sich haben; wer weiß wann; von alters her; seit jeher; - in diesen Tagen; dieser tage; vorgestern; erst ein paar Tage; ganz kurze Zeit;
В течение определенного времени	на своем веку; с годами; середь бела дня; часы пик; тихий/мертвый час; часы досуга; год от года;	zu seinen Lebzeiten; am helligsten Tag; in der Spitzenzeit; Ruhestunde; Mußestunde; mit jedem Jahr;
Нет времени	руки не доходят; времени (у кого-либо) нет; (нет) ни минуты покоя;	nicht dazu kommen (kommen können); keine Zeit haben;
Долго	отложить что-либо в долгий ящик; не прошло и году; это долгая песня; Москва не сразу строилась;	etwas auf die lange Bank schieben; das ist eine lange Geschichte; Rom ist nicht an einem Tage erbaut worden;

Таблица А.2 - Визуальные и аудиальные образы во фразеологизмах со значением «время»

Актуальное значение	Фразеологизмы в русском языке	Фразеологизмы в немецком языке
1	2	3
Важный момент в жизни человека	звездный час (з)	die Sternstunde (з)
Наступление важного момента в жизни человека	час пробил (с)	die Uhr hat geschlagen (с)
Конечный этап	под занавес (з)	zum Toreschluß (з)
Окончание действия	заключительный аккорд (с)	der Schlußakkord (с)
Очень давно	травой/быльем поросло (з)	darüber ist schon längst Gras gewachsen (з)
Очень быстро, мгновенно	с быстротой молнии (з)	blitzschnell (з)
Сутки, всю ночь	от зари до зари, от темна до темна (з)	die ganze Nacht hindurch, den ganzen Tag hindurch (з)
(очень) рано	до первых/вторых/третьих петухов, вставать с петухами (с)	mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen (с), mit der Sonne aufstehen (з)
Очень рано	с курами спать ложиться (з)	mit den Hühnern schlafen gehen (з)
Очень рано	ни свет ни заря (з)	in aller Hergottsfrühe, vor Tau und Tag (з)
Очень рано	рано пташечка запела, как бы кошечка не съела (с)	Vögel, die morgens singen, holt abends die Katze (с)
Начало и конец действия	от звонка до звонка (с)	-
Никогда	когда рак на горе свистнет, а рыба запоеет (с)	wenn der Fuchs und der Hase eienander „Gute Nacht“ sagen, wenn der Hahn Eier liegt (з)
Медленно	черепашьим шагом (з)	im Schneckenschritt (з), im Schneckentempo (з)

* (с) – фразеологический образ данного фразеологизма основан на слуховых ассоциациях.

(з) – фразеологический образ данного фразеологизма основан на зрительных ассоциациях.

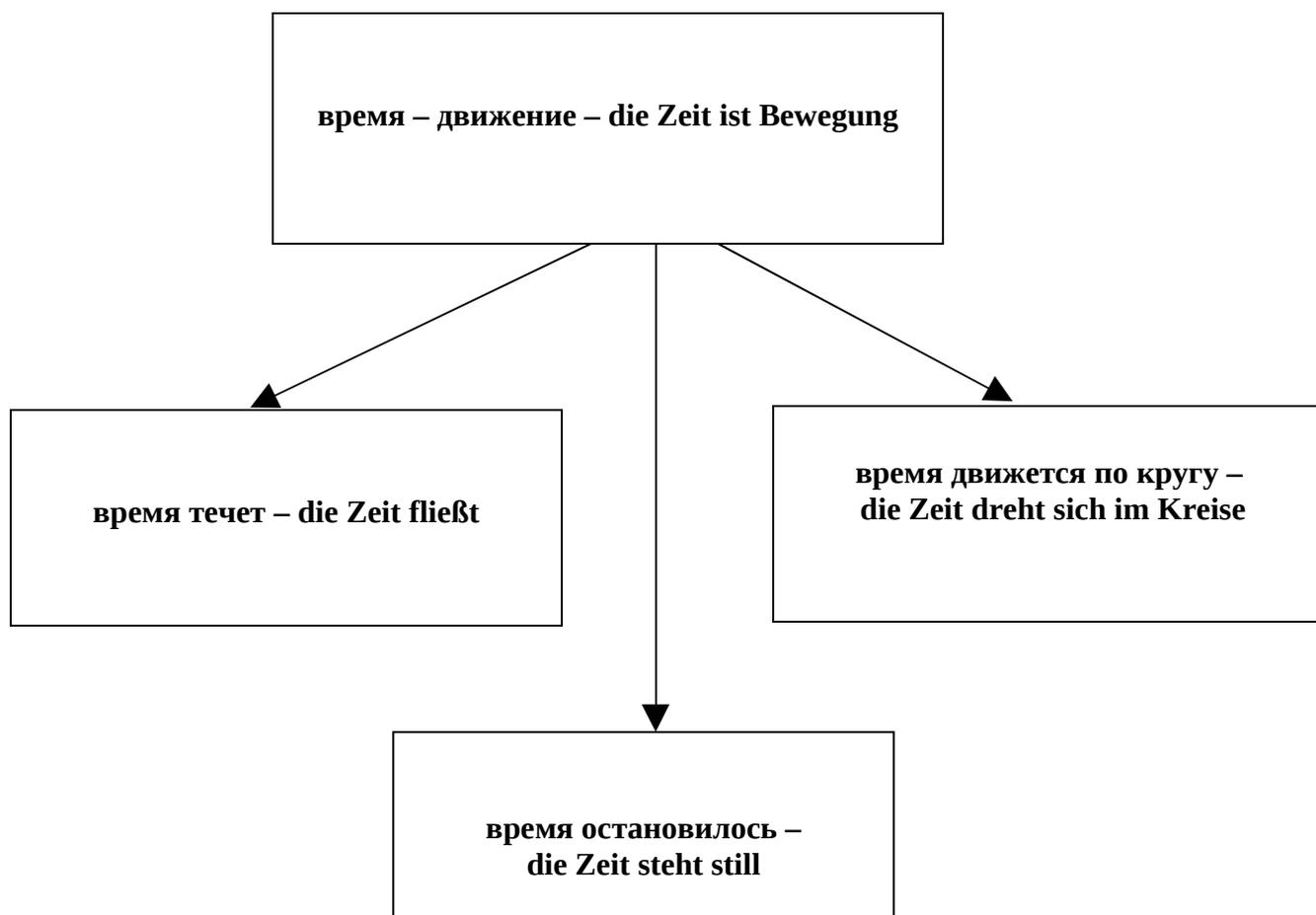

Рисунок А.1 - Метафорический образ во фразеологизмах со значением «время»